

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2016

Выпуск изображений

Тадеуш Конвицкий (1926-2015) – прозаик, сценарист, кинорежиссер – один из лучших и известнейших современных польских писателей. В 1944-1945 годах сражался в партизанском отряде Армии Крайовой на Виленщине, чему посвятил свою первую книгу «Трясина». Печатается с 1946 года.

Был одним из творцов соцреализма. После октября 1956 г. на некоторое время ушел от политики и литературы и занялся фильмом. В 70-е годы был связан с демократической оппозицией, издавал книги в подпольных издательствах. Как в романах, так и в фильмах Конвицкий возвращался к теме оккупации. Война обременила его героев, деформируя их психику и определяя жизненные выборы. В своих книгах он часто возвращался к автобиографическим мотивам – картины современной жизни переплетаются с воспоминаниями о детстве и войне. Автор около двадцати романов: " Дыра в небе " (1959), " Современный сонник " (1963) " Зверчеловекоморок " (1969), " Хроника любовных происшествий " (1974), " Польский комплекс " (1977 г.), " Малый апокалипсис " (1979), " Бохинь " (1987 г.), «Чтиво» (1992).

Лауреат польских и зарубежных литературных премий, в частности премии Польского ПЕН-клуба за совокупность

творчества (2002). Конвицкий выступает также как кинорежиссёр, снимая фильмы по своим сценариям. Его считают одним из создателей польского авторского кино. Фильмы Конвицкого демонстрировались и награждались на фестивалях в Венеции, Брюсселе, Манхейме, Эдинбурге, Сан-Ремо. Важнейшие фильмы: "Последний день лета" (1958), "День поминовения усопших" (1961), "Сальто" (1965), "Как далеко отсюда, как близко" (1971), "Долина Иссы" (1982). Его произведения переведены на множество языков, также и на русский. Фото: Кшиштоф Дубель

Содержание

1. Выписки из культурной периодики
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Статистическая картина имущества поляка
4. Стало безопаснее. Пожилые люди воруют меньше
5. Подарок Зофьи
6. Казахстанские ночи
7. «Меня зовут Майдан»
8. Как пройти на Майдан?
9. Мне хотелось быть ближе к опыту отдельного человека
10. Дни памяти Натальи Горбаневской во Вроцлаве
11. Культурная хроника
12. Михал Ягелло
13. Историческая политика в кино
14. Дьявольские проделки
15. Стихотворения
16. Мария Бигосшевская
17. Русский, европеизировавший Варшаву
18. Внешняя политика России глазами американского ученого

Выписки из культурной периодики

Прежде чем перейти к цитатам из журналов, мне бы хотелось привести слова вступления, которым Ежи Едлицкий открывает первый том состоящего из трех книг труда, посвященного польской интеллигенции, — работу «Зарождение интеллигенции. 1750–1831» Мацея Яновского: «Интеллигенция — это в Польше тема, интерес к которой не угасает. Как только в прессе появляется соответствующая статья, можно быть уверенным, что последует отклик. С тех времен, когда в 1946 году был опубликован вызвавший полемику очерк профессора социологии Юзефа Халасинского, приблизительно каждые 8–10 лет как в Польше, называвшейся Народной, так и в Третьей Речи Посполитой разворачивается печатная дискуссия на тему интеллигенции, и каждый раз сталкиваются во многом повторяющиеся вопросы и мнения: унаследовала ли интеллигенция черты и характер шляхты? Заслуживает ли она в целом уважения или, скорее, порицания и насмешки? Может ли она все еще играть какую-либо общественную и идейную роль или ей уже пора уйти со сцены и уступить место новым классам — например, “экспертам”, что бы то ни означало».

Возможно, и сейчас вновь разгорится подобная дискуссия. В публикуемом по выходным приложении к «Жечпосполитой», выходящем под названием «Плюс-Минус» (№ 6/2016), на обложку даже вынесен вопрос «Интеллигенция, куда ты делась?», а в самом номере опубликовано обширное интервью с профессором Анджеем Пачковским «Миссионеры и архитекторы», посвященное интеллигенции. Вот что говорит профессор-историк: «Само понятие “интеллигенция” характерно лишь для нашей части Европы. Оно возникло во второй половине XIX века и заняло особое место не только в польской истории, но и в мифологии». Этот миф (...) о ком-то, кто занят интеллигентской профессией — врача, учителя, а одновременно служит своими знаниями народу, звучит так: “Лечит или учит бесплатно”. Такой миф интеллигенции был перенесен во Вторую Речь Посполитую, хотя тогда уже начинал терять материальные обоснования. (...) В период разделов Польши для многих было понятно, что тем слоем, который, вопреки захватчикам, поддерживает национальную целостность, должна быть интеллигенция. А во Второй Речи

Посполитой понимаемая таким образом роль интеллигенции, т.е. ее бытование вне государства, утратила смысл. (...) Сейчас очень трудно было бы сказать, что же, собственно, такое интеллигенция, но, с другой стороны, нельзя изъять из языка те понятия, которые составляют часть национальной культуры. Миф интеллигенции настолько сильно укоренен в нашей традиции, что даже в условиях навязывания коммунизма — а может, особенно в этих условиях — царило убеждение (главным образом, заметим, среди самой интеллигенции), что она является чем-то важным для народа, что без ее активности польский народ не сможет сохранить себя в традициях свободы и демократии. В условиях недемократичного, диктаторского государства, вдобавок зависимого от другого диктаторского государства, миф интеллигенции продолжал функционировать как некий идеал». В коммунистический период ситуация изменялась: «Проблемой явились не столько социальные цели нового государства, сколько атеистическая индоктринация, опошляющая значительную часть польской национальной традиции. Поэтому миссия интеллигенции состояла в том, чтобы не дать исчезнуть прежней Польше. (...) Новая народная интеллигенция формировалась, главным образом, через социальное продвижение. Она должна была быть просто частью государства и занять место той мифичной интеллигенции, которая действовала вне системы. Так что наладилось массовое производство новых интеллигентов, которые должны были быть просто специалистами и должны были только учить, лечить, управлять, конструировать. Они не должны были иметь собственных взглядов, а должны были быть послушны власти и приспособливаться в своей деятельности к тому, что власть полагала нужным».

Именно тогда появился лозунг «смены элит», что было заметно, прежде всего, в образовании, особенно в высшей школе, из которой изгонялись представители той самой прежней интеллигенции. Однако же, не без влияния традиции, в новой интеллигенции — во всяком случае, в значительной ее части — через некоторое время возрождался этос ее предшественников. Отсюда шли отступления от того, что носило наименование «культурной политики социалистического государства», движение «ревизионистов» и диссидентство, что наиболее полно воплотилось в организациях демократической оппозиции, прежде всего в Комитете защиты рабочих. Об этом писал профессор Януш Тазбир, подчеркивая, что антитоталитарные движения в Польше возникли вследствие жизнестойкости этоса прежней интеллигенции. Поэтому ничего удивительного, что после

введения военного положения в одном из первых выступлений тогдашнего премьера ПНР содержалось требование «смены элит», которые, однако, сохранились в оппозиции и на переговорах круглого стола добились смены системы. Однако тот факт, что результатом переговоров было не моментальное отсечение от системы, а компромисс с властями, стал основой для обвинения этих элит в заключении соглашения, дававшего коммунистам шанс на сохранение своего влияния взамен на приход части оппозиции во власть. Поэтому в некоторых кругах прежней оппозиции, особенно тех, которые были против соглашений круглого стола, полагавших, что следовало добиваться более радикальных решений, вновь, в очередной раз, слышались голоса о необходимости «смены элит».

Пример такого требования — напечатанная в том же номере «Плюс-Минуса» статья Конрада Колодзейского под многозначительным заголовком «Постколониальная элита». Читаем: «Я уже не раз писал на этих страницах (...), что современные польские леволиберальные элиты лишь в незначительной мере наследуют прежней интеллигенции. В большинстве своем они происходят из бывших коммунистических диссидентских групп, а также из интеллигенции, возникшей в результате социального продвижения при ПНР, когда наверх пробивались наиболее циничные оппортунисты. Первые не ощущают глубоких идейных связей с польской традицией, вторые же подсознательно отдают себе отчет, что они узурпаторы, которые никогда не достигли бы своего статуса, если бы главным определителем их положения была такая, как когда-то, автономия интеллектуализма или способность аккумулировать созданный поколениями культурный капитал. Поэтому они будут искать какую-либо опору, осознавая, что их высокий социальный статус недостаточно обеспечен. Это элиты, сформировавшиеся в период ПНР — конструкта несамостоятельного и подчиненного чужому государству. Часть этих элит своим положением обязана Москве, поэтому не приходится удивляться, что они стали искать нового гегемона после утраты прежнего. Изменение геополитической ситуации Польши облегчило поиски, и новый гегемон обнаружился на Западе. (...) Западное направление было в известной мере предопределено. Польша всегда находилась на окраине Запада, поэтому устремление туда — естественное явление. Иное дело — это периферийное пространственное положение, которое обуславливает некую культурную инаковость по отношению к центру, и иное — это неофитская вера, что надлежит эту разницу устранить ценой утраты собственной идентичности, — стремление, характерное для постколониальной элиты и

сразу же влекущее конфликт на окраинах». А это ведет, по мнению Колодзейского, к тому, что «центр» трактует новые страны Евросоюза как определенного рода колонию, в которой он может «разместить (...) без проблем свои институции, свой капитал и начать эксплуатировать окраины». И далее: «Элиты, которые этому способствуют, могут (...) рассчитывать на вполне осязаемое вознаграждение в виде высоких постов в западных корпорациях, при условии, конечно, что будут беспрекословно выполнять директивы центра, независимо от того, насколько эти директивы отвечают польским экономическим или национальным интересам. А вот с этим бывает по-разному». Завершает же Колодзейский статью, подчеркивая, что признаки левизны в нынешней оппозиции власти «изрядно растушеваны»: «Ничего удивительного: этим элитам есть что терять, чтобы выдвигать невыгодные западному капиталу требования, рисковать утратой его благосклонности, а как следствие — утратой высокого статуса в постколониальной иерархии. В суверенной Польше о таком статусе они могли бы только мечтать. Может ли поэтому вызывать удивление то сопротивление, которое постколониальная элита оказывает любым устремлениям к нормальности?»

Одним из фундаментальных лозунгов, которыми пользуется победившая на последних выборах, располагающая парламентским большинством партия Ярослава Качинского, является «возврат к нормальности». Что это за «нормальность», к которой должна вернуться Польша, до конца не известно. Известно, однако (во всяком случае, это следует из текстов, опубликованных в печати, определяемой как «правая»), какая роль предусматривается для интеллигенции и что это за интеллигенция. Яркий образец соответствующего интеллигента можно увидеть в откровениях Станислава Миколайчика, ученого из Познани, председателя Академического гражданского клуба им. Леха Качинского, в интервью, озаглавленном «Силач в университете» и помещенном на страницах журнала «Аркана» (№ 5/2015): «Я крестьянский сын из Великопольши, интеллигент в первом поколении. Первые уроки патриотизма без слов я получил от моих родителей — слезы волнения у мамы или вспыхивающие глаза отца, который был человеком эмоционально стойким, редко поддавался чувствам, но это всегда случалось, когда он слышал по радио польский гимн или видел польский флаг. Мои родители во время войны были изгнаны немцами из дому, так что всю оккупацию они прожили в Гнезно, чудом избежав вывоза в Генеральное губернаторство. Уже много позже я узнал, как мама говорила, что должна родить сыновей, чтобы было

кому бороться за свободную Польшу. Деревенский мальчишка, я зачитывался Генриком Сенкевичем — он направлял меня, потом Адам Мицкевич, потом — прославленный лицей имени Болеслава Храброго в Гнезно, с его местным патриотизмом столицы Пястов, и наконец, уже позже, полученное мною образование полониста. (...) Но ключевое значение имело избрание Кароля Войтылы Папой римским и Его первая пастырская поездка в Польшу — это Он дал мне импульс к личному действию, а не только лишь к пассивному сопротивлению неприемлемому режиму. И период «Солидарности», для меня необычайно активный, и семь месяцев, когда я был интернирован (для семьи трудное время, у меня четверо детей), оказались необычайно творческими в углублении общественно-исторического сознания. Для меня это было своеобразное национально-религиозное послушание, такое окончательное укоренение в польском духе и ценностях, осознание, что наше поколение, мы сами — очередное звено в польских вольнолюбивых устремлениях, и что трудно доставшийся опыт накладывает на нас обязанность гражданской активности».

Между тем, как полагают правые, интеллигенция периода трансформации почувствовала себя свободной от такой обязанности. Об этом говорится на страницах того же номера журнала в статье Войцеха Грухалы «Когда мы перестали читать Жеромского?»: «Польская интеллигенция возрадовалась изменениям, снимающим с ее плеч груз ответственности за народ в целом, наслаждалась свободой обогащаться и выступать исключительно от собственного имени. В 2000 году «Тыгодник повсехный» отметил факт, что 75-летие смерти Жеромского не нашло должного внимания со стороны высших представителей власти. В связи с этим издание провело анкетирование по вопросу, насколько актуальны проблемы, затронутые великим писателем в своем творчестве. Отвечая на этот вопрос, Анджей Вайда, воздав должное заслугам и значимости Жеромского в прошлом, поделился с читателями допущением, что, “быть может, та по-своему здоровая демократия, которая царит в нашей стране, не требует писателя-визионера масштаба Жеромского, поскольку общество само в состоянии решить свои проблемы”». И далее: «25 лет со времен триумфа “Солидарности” (...) мы растили поколение людей, не разделяющих идеи социальной солидарности, поколение, которое даже не должно было задумываться над ситуацией, что у кого-то нет денег, чтобы собрать ребенка в школу. Поэтому средний выпускник исключает мысль, что кто-то мог бы отказаться от хорошо оплачиваемой должности, чтобы помогать бедным, а уж пойти

работать с молодежью в городские трущобы — это вообще что-то невозможное». Такой тип героя со страниц романов Жеромского перестал быть привлекательным, а это, судя по всему, значит, что сегодняшняя интеллигенция утратила чувство общественного долга.

Почему так сейчас обстоят дела, объясняет профессор Пачковский: «Конечно же, значение интеллигенции не возрастает. Мы уподобляемся Западу, и традиционный мифичный интеллигент рубежа XIX – XX века сдается в архив. Есть специалисты, добросовестно выполняющие свою работу, есть у нас и публичные интеллектуалы, высказывающиеся по важным вопросам, необязательно связанным с их непосредственной специализацией. Если классический польский интеллигент все еще где-то сохранился, то он, в силу обстоятельств, выталкивается в некое пространство, издавна считающееся (не всегда справедливо) принадлежащим левым силам: социальная работа, помощь людям с ограниченными возможностями, бедным, мигрантам из Сирии, защита прав личности. Люди такого склада всегда будут присутствовать в любом, пожалуй, обществе. Трудно, однако, сказать, что здесь осталось от традиционной, мифической польской интеллигенции.

Хроника (некоторых) текущих событий

• Фрагменты новогоднего обращения президента Республики Польша Анджея Дуды: «Как президент Польши я желаю всем моим соотечественникам, всем гражданам страны, чтобы наше общество стало еще более сплоченным. (...) В наступающем году мы будем праздновать 1050-летие крещения Польши — события, которое оказало огромное влияние на формирование нашего народа. Народ свободолюбивый, отважный, гордый и при этом толерантный по отношению к другим национальностям и вероисповеданиям. В нашей стране верховная власть принадлежит народу. Поэтому я считаю, что в Польше законы должны создаваться при участии граждан и в первую очередь для граждан». («Наш дзенник», 2-3 янв.)

• Фрагменты интервью с вице-премьером и министром культуры и национального наследия проф. Петром Глинским: «Чтобы нормально управлять страной, нам пришлось навести порядок в Конституционном суде. (...) Мы пытаемся сделать нашу страну более цивилизованной и потому отстраняем от руководства тех, кто решал судьбу Польши до последних парламентских выборов и потерпел на них поражение, так же мы поступаем с представителями деловых кругов, буквально присосавшимися ко всем государственным институтам. (...) Если мы вернем себе основанные Государственным казначейством компании, это позволит исправить ненормальную ситуацию, связанную, к примеру, с тем, что (...) указанные компании финансировали деятельность частных театров, основанных лицами, поддерживавшими предыдущую власть. (...) Национальная сцена прежде всего обязана культивировать образ, связанный с нашей идентичностью и нашей историей, с польским каноном национально-культурных ценностей. (...) Я не вижу оснований, чтобы группы, стремящиеся разрушить культуру, традиции и польское национальное самосознание, продолжали, как раньше, пользоваться какими-либо преимуществами. (...) Зато мы поддержим музей «проклятых солдат» в Остроленке. Реализуем проект, предложенный музеем Пилсудского в Сулеювеке. И не будем забывать об инициативах музея западных земель, музея окраинных территорий в Люблине, а также музея Сибири в Белостоке». («Наш дзенник», 2-3 янв.)

• Фрагменты интервью с вице-премьером и министром

развития Матеушем Моравецким: «Мы постоянно говорим о том, как много всего мы получаем от Евросоюза, а тем временем оказывается, что вступление в ЕС сделало Польшу лакомым объектом экспансии западных фирм. (...) Приток денег Евросоюза становится причиной неправильного распределения ресурсов и, возможно, не так уж и нужен. (...) Когда наши предприятия пытаются попасть на внешние рынки, они сталкиваются с различными «нетарифными» ограничениями. Да, в ЕС не действуют таможенные пошлины, но зато есть другие, не менее существенные барьеры, к примеру, произвольно устанавливаемые санитарные нормы. Теоретически они не должны приводить к дискриминации, например, польских фирм на восточном рынке, однако практика оказывается сильнее теории». («Польска», 30 дек.)

• «Мы вступаем в новый год в атмосфере борьбы. (...) Нельзя не заметить, как запаниковали те, кто может вот-вот потерять бывшее влияние, высокий пост или доходную должность. (...) И это всё те же люди, во всяком случае, персонажи из того же теста. (...) Финансово обеспеченные, внимающие только своим брюссельским покровителям. (...) Они уже не видят смысла служить своим восточным хозяевам, поэтому быстро нашли союзников на Западе. Как и раньше, они продолжают наговаривать на Польшу, разве что поменялся адресат этих доносов. (...) Влияние группировок, когда-то решавших судьбу страны, этих бывших хозяев социалистической Польши и их наследников, по-прежнему огромно, в том числе в средствах массовой информации. (...) Представители одного и того же мировоззрения, нигилисты, атеисты, посткоммунисты и либералы заняли ключевые посты в СМИ, государственных институтах и органах власти. (...) Их европейские товарищи (...) успешно перекроили мировоззрение граждан в своих странах, и теперь хотят экспортировать свои нигилистические миазмы к нам и нашим соседям. Мы должны их остановить», — проф. Богдан Хазан. («Наш дзенник», 2-3 янв.)

• «Правительственный центр координации законотворчества вчера, после 9-дневной волокиты, опубликовал решение Конституционного суда от 9 декабря». «Этим решением суд признал несоответствующим конституции лишение председателя и заместителя председателя суда их полномочий. (...) В среду, 16 декабря, Правительственный центр координации законотворчества опубликовал решение суда от 3 декабря, подтверждающее законность избрания трех из пяти судей, осуществленного Сеймом предыдущего созыва, и постановил, что президент обязан немедленно привести их к присяге. (...) Окружная прокуратура Варшавы проводит расследование в связи с приостановкой публикации решений». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 19-20 дек.)

- «Из кругов, близких к канцелярии премьер-министра, в Конституционный суд вчера поступила информация о том, что премьер Беата Шидло лично запретила руководителю Правительственного центра координации законотворчества публиковать решение суда в “Законодательном вестнике”», — Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного суда. («Газета wyborcza», 8 дек.)

- «Вчера президент подписал новую редакцию закона о Конституционном суде, меняющую принципы, на основе которых функционирует суд. В соответствии с этими изменениями, вступающими в силу в день их опубликования, Конституционный суд будет рассматривать дела в порядке поступления, по большинству дел выносить решения полным составом судей, а для принятия решения будет необходимо не менее 2/3 голосов. По мнению юристов, эти нововведения преследуют цель парализовать работу Конституционного суда. Кроме того, закон содержит положения, которые могут противоречить конституции. Среди них, в частности, называют правило, согласно которому прекращение полномочий судьи утверждается Сеймом. (...) Оппозиция полагает, что депутаты от партии «Право и справедливость» специально, с целью лишить Конституционный суд возможности проверить законность этих изменений, предусмотрели в новой редакции закона положение, в соответствии с которым он вступает в силу с момента публикации». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 29 дек.)

- «“Последние поправки к закону о Конституционном суде, подготовленные депутатами от «Права и справедливости», фактически предусматривают обход основного закона. А раз так, то к данному нормативно-правовому акту неприменима презумпция соответствия конституции с момента опубликования”, — считает проф. Малгожата Герсдорф, первый председатель Верховного суда. Такие выводы содержатся в ее заявлении, направленном в адрес Трибунала. Первый председатель Верховного суда требует признать несоответствующими конституции все изменения, внесенные в закон о Конституционном суде (КС) в декабре. (...) Кроме того, проф. Герсдорф настаивает, чтобы ее заявление было рассмотрено КС по правилам, действовавшим до принятия скандального закона. В противном случае, если суд будет функционировать в соответствии с принятыми 28 декабря нововведениями, он рассмотрит заявление первого председателя Верховного суда лишь через несколько лет». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 31 дек. 2015 – 1 янв. 2016)

- «Большинство изменений, в спешке внесенных «Правом и

справедливостью» в закон о Конституционном суде, ослабляют роль председателя суда. (...) Проф. Анджей Жеплинский, председатель КС, в интервью телеканалу «TVN 24» заявил, что планирует как можно быстрее провести проверку закона, разработанного «Правом и справедливостью», «поскольку этого требует ситуация». На практике это означает, что председатель КС не признает принципа очередности рассмотрения трибуналом нормативно-правовых актов, введенного новым законом. «Судья Конституционного суда подчиняется только конституции, а она осталась неизменной», — подчеркнул Жеплинский. Такая позиция призвана продемонстрировать парламентскому большинству, что председатель КС впервые в истории Третьей Речи Посполитой не признает закон, принятый парламентариями. «Мы, судьи КС, а также его первоклассные юристы, общими усилиями защитим целостность Конституционного суда как органа, обладающего исключительным правом на осуществление контроля за конституционностью законов», — заявил проф. Жеплинский». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 30 дек.)

• «Закон, принятый среди ночи, в авральном режиме, не будет пользоваться уважением у граждан страны. Нельзя при разработке законопроектов не учитывать точку зрения экспертов, пренебрегать мнением гражданского общества и его институтов. (...) Мы смотрим по телевизору репортажи с заседаний Сейма и видим, что право принадлежит тому, кто сильнее. Учитывая обстоятельства, при которых осуществляется у нас процесс законотворчества, приходится открыто признать, что политики постепенно придали ему совершенно варварские, дикие формы. (...) Адвокатура пережила концлагерь в Березе-Картузской и времена сталинизма. (...) Я обращаюсь ко всем полякам: не бойтесь, мы с вами. Главная задача адвокатов — это защита гражданских прав. Мы делаем это сейчас и будем делать впредь. Я обещаю, и пусть газета, публикующая это интервью, будет мне свидетелем, что мы поможем каждому, кто пострадает от действий власти», — Анджей Звара, председатель Главного адвокатского совета. («Дзенник газета правна», 29 дек.)

• «“Мы обращаемся к участникам конфликта вокруг Конституционного суда с призывом отказаться от действий, подрывающих престиж суда и ослабляющих его роль”, — говорится в резолюции, принятой вчера Сенатом Варшавского университета. Ранее подобные резолюции приняли советы юридических факультетов Силезского, Ягеллонского, Варшавского, Вроцлавского университетов, университета Адама Мицкевича в Познани, а также Институт юридических наук Польской Академии наук». («Газета wyborча», 17 дек.)

• «Все структуры и организации, включая генеральную

прокуратуру, а также Парламентский центр координации законотворчества, признали несоответствующими конституции изменения, внесенные в закон о Конституционном суде. Действия «Права и справедливости» вызвали также обеспокоенность председателя ПАСЕ Анны Брассер, первого заместителя председателя Европейской комиссии Франса Тиммерманса и Яна Яжомба, директора европейского представительства Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. На прошедшей во вторник пресс-конференции официальный представитель Госдепартамента США Марк Тонер заявил, что американские власти также обратились к польскому правительству с вопросами относительно «юридических процедур, связанных с Конституционным судом». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 9 дек.)

- «“Если польское правительство не изменит своего решения, касающегося Конституционного суда, в отношении Польши необходимо будет ввести санкции. Развитие событий в Варшаве напоминает сценарий, который прошли многие диктаторские режимы”, — заявил министр иностранных дел Люксембурга Жан Ассельборн журналистам агентства “Рейтер”». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 24–27 дек.)

- «Ярослав Качинский (...) в большом интервью телеканалу «ТВ Республика» открыто признался, что он против того, чтобы Конституционный суд был, по выражению Качинского, «третьей палатой парламента». Председатель правящей партии не скрывает, что ему не нужен чей-либо контроль и что властью он делиться ни с кем не собирается». (Марек Островский, «Политика», 2–8 дек.)

- «Ситуация весьма неоднозначна. Изменения в закон о Конституционном суде, довольно грубо введенные «Правом и справедливостью», парализуют работу КС и существенно снижают его роль в судебной системе страны. Вдобавок они расшатывают само государство, по крайней мере, в том его виде, в котором мы привыкли его воспринимать. (...) В ближайшие годы «Право и справедливость» будет стараться переделать всю систему государственного устройства. И для начала правящая партия решила взять под контроль Конституционный суд. Логика тут простая: сначала понизить суд в статусе и лишить полномочий, а затем подчинить себе. (...) Заинтересованы ли поляки в уничтожении государства либеральной демократии? (...) Ведь совсем не исключено, и даже весьма вероятно, что существовавшая ранее конституционная система пользовалась поддержкой большинства населения Польши. Да, поляки считают, что некоторые корректировки и изменения необходимы, однако за прошедшие 25 лет привычка к свободе и демократии вошла в

нашу плоть и кровь. (...) «Битва за суд» может стать искрой, от которой разгорится куда более серьезный социально-политический конфликт», — Богуслав Хработа, главный редактор газеты «Жечпосполита». («Жечпосполита», 24-27 дек.)

- «Вот уже вторые выходные подряд на улицы польских городов выходят тысячи людей, недовольных политикой наших властей. (...) Субботняя манифестация в Варшаве была не такой массовой, как неделю назад. По данным полиции, в ней принимало участие около 10 тыс. человек. (...) “Эти протесты организуются теми, кто потерял власть, привилегии и влияние. (...) К примеру, Рышард Петру защищает интересы финансовых кругов”, — убеждала в эфире «TVN 24» Беата Шидло. Гораздо более резко о маршах, организуемых Комитетом защиты демократии (КЗД) высказался депутат Павел Кукиз: “КЗД финансируется из-за границы. Еще 150 миллионов им подбросит один банкир-еврей”». (Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 21 дек.)

- «Свое возмущение словами депутата выразил Союз еврейских религиозных общин Республики Польша. В открытом письме председателя союза Леслава Пишевского, в частности, говорится: “Впервые после демократических выборов 1989 года политик, представляющий своих избирателей в парламенте, таким неоднозначным образом прибегает к антисемитской риторике. (...) Надеемся, что польские власти не промолчат и решительно осудят эти экстремистские, антисемитские высказывания”». («Жечпосполита», 23 дек.)

- «“Пишу, обеспокоенная последними событиями, в ходе которых дело дошло до антиеврейских эксцессов, — написала посол Израиля в Польше Анна Азари маршалу Сейма Мареку Кухцинскому. — Мы были свидетелями «Марша свободы и солидарности», проводимого «Правом и справедливостью», на котором появились антисемитские транспаранты; в Сохачеве было осквернено еврейское кладбище, а на прошлой неделе депутат Павел Кукиз голословно обвинил евреев в финансировании антиправительственных протестов”». («Газета wyborcza», 24-27 дек.)

- «Марши, организованные Комитетом защиты демократии, прошли также в других крупных городах Польши, в частности, в Торуни, Ченстохове, Зеленой-Гуре, Быдгоще, собрав на некоторых из них по несколько тысяч участников. В целом манифестации прошли спокойно, если не считать инцидента в Грудзёндзе, где произошла довольно шумная перебранка». (Мацей Дея, «Польска», 21 дек.)

- «Во Вроцлаве (...) пришли 3-4 тыс. человек. (...) Примерно столько же участников было в Познани. (...) В Кракове в манифестации участвовали 8-10 тыс. человек, (...) в Гданьске —

10 тысяч. (...) В Быдгоще и Лодзи прошли «антидемонстрации». В Лодзи их провели активисты партий «Национальное движение» и КОРВИН («Коалиция обновления Республики — воля и надежда»), а в Быдгоще организаторами, в частности, выступили «Газета польска» и движение «Солидарность-2010». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 21 дек.)

• «Рышард Петру напомнил, что в уходящем году поляки однозначно высказались за перемены в политике и управлении страной. “В уходящем году, ознаменовавшемся неожиданным поворотом, поляки громко и решительно высказались за перемены, озвучив свои мечты о лучшей, полной достоинства и богатой Польше. Но их надеждам не суждено было осуществиться. Выдвинутые новым правительством идеи угрожают стране хаосом и деградацией, — заявил Петру, добавив, что альтернатива все-таки есть. — Я обращаюсь к вам как лидер парламентской оппозиции. Для многих людей партия «Современная» стала символом надежды. Мы должны верить, что разумные перемены возможны”». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 2-3 янв.)

• «Армия должна быть довольна. Минимальный оклад профессионального военного с января составляет 2,9 тыс. злотых, максимальный — 15 тыс. злотых. (...) Вырастут отпускные, договорная ставка в связи с переводом, а также ставки, связанные с перепрофилированием лиц, увольняющихся из вооруженных сил. (...) Повышение окладов также ждет структуры органов внутренних дел. (...) На повышение должностных окладов своих сотрудников ведомство получило более 31,2 млн злотых. (...) Сотрудники МВД также могут рассчитывать на повышение окладов в следующем году». (Божена Викторовская, Артур Радван, «Дзенник газета правна», 7 янв.)

• «В день, когда фракция «Права и справедливости» внесла на рассмотрение Сейма проект изменений в закон о средствах массовой информации пресс-секретарь партии Беата Мазурек заявила: “Надеюсь, нынешняя риторика масс-медиа, против которой мы выступаем, наконец-то уйдет в небытие”. Руководитель фракции Рышард Терлецкий добавил: “Если СМИ собираются и дальше привлекать внимание поляков критикой наших реформ, мы положим этому конец”». (Яцек Низинкевич, «Жечпосполита», 30 дек.)

• «Внесенный «Правом и справедливостью» проект изменений в закон о СМИ отдает телеканал «TVP» и «Польское радио» в руки министра казначейства. Теперь он будет назначать и распускать правления и наблюдательные советы этих СМИ, их руководство будет избираться не на конкурсной основе, на неограниченный срок полномочий. Законопроект дает

министру право отозвать новое руководство и наблюдательный совет в любую минуту. (...) Законопроект был принят Сеймом впопыхах, за два дня. Сенату на его рассмотрение понадобилось несколько часов. Закон вступает в силу на следующий день после официального опубликования». (Агнешка Кублик, «Газета wyborcza», 2–3 янв.)

- «Первая программа Польского радио присоединяется к протесту. Об этом на страницах еженедельника «Жечпосполита» сообщил ее директор Камиль Домброва. С 1 января этого года радио в начале каждого часа передает государственный гимн попеременно с «Одой к радости», гимном Евросоюза. Директор Первой программы заявил, что его радиостанция выражает протест в связи с принятием парламентом в последний день года закона о СМИ. Как подчеркнул Домброва, протестная акция будет продолжаться так долго, как только возможно». (Мацей Марош, «Газета Польска цодзенне», 2–3 янв.)

- «Президент Европейского вещательного союза Жан-Поль Филиппо в открытом письме к премьер-министру Беате Шидло призвал польское правительство отказаться от запланированного усиления политического контроля над масс-медиа. Он раскритиковал правительство Польши в связи с отсутствием консультаций с общественностью относительно нового закона о СМИ, а также за решение превратить общественные медиа-компании в государственные институты, изменение процедуры избрания руководства компаний и скоропалительные кадровые перестановки». («Газета wyborcza», 19–20 дек.)

- «Комиссар ЕС по делам цифровой экономики и информационного общества Гюнтер Эттингер подверг критике новую редакцию закона о СМИ. (...) “Многое указывает на то, что пора запустить механизм контроля за соблюдением в Польше законности и поставить Варшаву под надзор”, — заявил Эттингер. (...) Поводом для этих мер еврокомиссар назвал изменения в законе о СМИ, пообещав высказаться в пользу именно такого способа решения проблемы в ходе назначенного на 13 января заседания Европейской комиссии». (Мартин Пеньковский, «Жечпосполита», 4 янв.)

- «Ярослав Качинский забывает, что Европейский союз — это не только общая экономика, но также общие идеи и правовые нормы, которые мы обязались соблюдать. Сегодня «Право и справедливость» относится к ЕС как к помехе, препятствующей осуществлению в Польше системной революции. И это отдаляет нас от Европы». (Павел Залевский, «Польска», 4 янв.)

- «Высшие руководящие должности в государственной администрации больше не будут занимать на конкурсной основе — чиновников станут на них назначать. Такие

изменения внесены в закон о государственной гражданской службе. Сейм уже одобрил соответствующий законопроект, который ждет лишь президентской подписи. Новые правила коснутся приблизительно 1600 чиновников в министерствах, администрациях воеводств и других органах государственного управления. (...) Назначаемыми также станут руководящие должности зарубежной дипломатической службы. Высшие органы власти станут открыты также для лиц, не состоящих на государственной гражданской службе. До настоящего времени эти должности укомплектовывались на конкурсной основе». (Кшиштоф Лош, «Наш дзенник», 2-3 янв.)

- «Перемены в работе чиновничьего корпуса нужны, но нельзя же этих людей всем скопом выбрасывать на улицу, заменяя «своими». Это нарушает непрерывность и слаженность работы государственных органов, а институциональная память начинает хромать, нам приходится всякий раз заново «изобретать велосипед» и учить алфавит. Так мы никогда не достигнем высокого профессионального уровня», — проф. Ежи Хауснер. («Польска», 24-27 дек.)

- «За две недели до конца года Сейм внес изменения в закон о государственном бюджете на 2015 год. Дефицит бюджета был повышен с 46,1 млрд злотых до неполных 50 млрд злотых. (...) Во вторник министерство финансов сообщило данные о состоянии бюджета на этот год по итогам прошедших 11 месяцев. За месяц до конца года дефицит бюджета оказался на 10 млрд злотых ниже запланированного. Так что необходимости менять закон нет, хором твердят бывшие министры финансов и экономисты. (...) Злотый сильно понизился в цене. В начале этой недели стоимость евро составила 4,37 злотых — это самый высокий показатель за год. Швейцарский франк подскочил до 4,05 злотых. Злотый также подешевел по отношению к венгерскому форинту и чешской кроне. (...) Биржевые индексы снижаются вот уже несколько месяцев». (Петр Сквировский, «Газета wyborcza», 17 дек.)

- «Задолженность Польши — как государственная, так и частная — растет быстрее, чем ВВП. За 15 лет мы почти удвоили сумму государственного и частного долга по отношению к ВВП. Если в 1999 г. ВВП составлял немногим более 100%, то к 2014 г. нам удалось повысить его почти до 200%! Источник: отчет WEI (Warsaw Enterprise Institute)». («Впрост», 14-20 дек.)

- «В результате визита в Варшаву вице-председателя Европейской комиссии Валдиса Домбровскиса не слишком ответственным заявлениям вице-премьера Матеуша Моравецкого и министра финансов Павла Шаламахи о том, что превышение порога в 3% дефицита еще не представляет никакой проблемы, был быстро положен конец. (...) Ни для кого

не секрет, что в сегодняшней Польше — на фоне разрушения правовой системы — происходят весьма негативные процессы в экономике. (...) Первым наиболее заметным симптомом выступает кадровая чистка, а если точнее, ее масштаб и диапазон. Размах чистки среди номенклатуры, что вскоре обескровит и гражданскую службу, поистине беспрецедентен. Хуже всего, что «Право и справедливость» не располагает профессиональными кадрами. (...) За последние годы нам удалось сформировать целые группы квалифицированных менеджеров, работавших в государственном казначействе. Теперь этих специалистов всячески выживают. (...) В прошлом финансами занимались люди, которые бывали по-своему спорными, могли кому-то не нравиться, но всегда умели твердо сказать «нет». Они чувствовали свою ответственность за страну. В нынешней же команде я таких людей пока что не вижу. (...) Нелегко разрушить такую крепкую экономику, как наша, с ее достижениями за последние четверть века. (...) Я все время надеюсь на отрезвление власть имущих, без напоминаний из-за границы», — Януш Левандовский, депутат Европарламента, бывший министр приватизации, комиссар ЕС по бюджетным вопросам в 2010–14 гг., преподаватель Гарвардского университета. («Газета выборча», 23 дек.)

• «Польша становится все менее привлекательной в глазах инвесторов. (...) Катализатором распродажи польских акций выступает банковский налог, создающий ряд ограничений, а также ассиметричное по отношению к банкам налогообложение страховщиков. Над рынком все время нависает угроза нестабильности, связанная с розничным и ипотечным налогом, налогом на франкирование, а также с судьбой Открытых пенсионных фондов». (Пшемислав Тыхманович, «Жечпосполита», 11 дек.)

• «Официальное письмо руководителя Комиссии по финансовому надзору первым лицам страны и начальникам служб, содержащее информацию о том, что средства Кооперативных кредитно-сберегательных касс (ККСК) оказались на частных банковских счетах братьев Берецких, вызвало переполох в рядах правящей партии. (...) На покрытие финансовых потерь граждан, хранивших свои сбережения в кассах-банкротах, из Банковского гарантийного фонда были выделены государственные средства в размере 3,2 млрд злотых. (...) «Право и справедливость» распрощалась с Берецким, хотя всего лишь формально. Лидер партии Качинский втихую поддержал Берецкого на выборах в Сенат, не выставив против него контркандидата. Так автор проекта ККСК стал сенатором. (...) На прошлой неделе в Кооперативный научный институт в Сопоте, возглавляемый Берецким, явились сотрудники Агентства внутренней безопасности, чтобы изъять

финансовые и бухгалтерские документы, связанные с перечислением денег на счета института». («Политика», 16–27 дек.)

- «Бывшие депутаты от «Права и справедливости» Адам Хофман, Мариуш Антоний Каминский и Адам Рогацкий не станут преследоваться в судебном порядке за оплаченные из бюджета Сейма перелеты в Мадрид и другие европейские столицы. Прокуратура закрыла дело в отношении депутатов». («Жечпосполита», 30 дек.)

- «“Право и справедливость” провела через Сейм и Сенат закон об изменениях в водном законодательстве. (...) Формулировку о том, что в планах по благоустройству «учитываются» карты угрозы наводнений партия “Право и справедливость” заменила на фразу «могут учитываться». В другом абзаце закона авторы нововведений указали, что органы самоуправления «могут» — а не «должны», как раньше — учитывать уровень угрозы наводнений при выдаче решений об условиях застройки и размещения инвестиций». (Эдита Брыла, «Газета wyborcza», 31 дек.)

- «Усилиями сменявших друг друга министров охраны окружающей среды (...) вырубка деревьев в Беловежской пуще была существенно ограничена. Заготовка древесины в пуще снизилась со 100–150 тыс. кубометров в год до 48 тысяч. (...) Благодаря этому беловежский лес начал вновь приобретать свой естественный вид, а Европейская комиссия приостановила производство в отношении Польши, связанное с нарушением нашей страной природоохранных директив. (...) Новый министр охраны окружающей среды Ян Шишко сразу же после своего вступления в должность посетил Беловежскую пущу. После его визита надлесничество Беловежа (одно из трех лесничеств, расположенных на территории Беловежской пущи) опубликовало приложение к «Плану лесоустройства», предусматривающее вырубку в объеме 52 тыс. кубометров леса в год! Это в восемь раз превышает действовавшие ранее нормативы, поскольку предыдущий такой план предусматривал 6 тыс. кубометров. Кроме того, под вырубку должны пойти деревья, чей возраст намного превышает столетний. (...) В двух остальных надлесничествах, расположенных на территории пущи, готовятся аналогичные планы. (...) Против вырубки деревьев уже выступили Комитет охраны природы Польской академии наук и Государственный совет по охране природы». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 4 янв.)

- «Европейская комиссия подала на Польшу жалобу в Европейский суд в связи с загрязнением воздуха. Если мы в кратчайшие сроки не ликвидируем повисший в воздухе смог, Польше придется заплатить штраф в размере 4 млрд злотых.

(...) Как указала в жалобе Европейская комиссия, “за последние 5 лет в Польше суточное содержание РМ10 (ядовитые частицы диаметром менее 10 микрометров) превышает норму в 35 из 46 зон. В девяти зонах превышен объем годового содержания”.

Комиссия также подчеркнула, что “юридические и административные меры, предпринятые Польшей, оказались недостаточными”». («Газета wyborcza», 11 дек.)

- «В нашей стране самый грязный воздух в Европе, говорится в отчете Европейского агентства окружающей среды. Наиболее опасно сильное загрязнение воздуха канцерогенным бензопиреном, который поступает в воздух из домашних печей, сжигающих уголь, мусор и древесину. Его максимальная концентрация в воздухе не должна превышать 1 нг/м.куб., однако 1/5 граждан ЕС проживает в городах, где эта норма превышена. К сожалению, в первую очередь это касается поляков». («Газета wyborcza», 2 дек.)

- «Очереди к врачам становятся все длиннее. В октябре и ноябре больным приходилось дожидаться визита в среднем 3 месяца.

(...) Рекорд ожидания в очереди сегодня составляет 13 лет — именно столько времени одному из пациентов предложили дожидаться процедуры эндопротезопластики тазобедренного сустава; одна из подкарпатских клиник назначила операцию на 2029 год. В среднем же польские пациенты ждут свой новый тазобедренный сустав 44 месяца. (...) Зато ждать удаления катаракты пациенту приходится всего 18,5 месяцев». (Клара Клиггер, «Дзенник газета правна», 8 дек.)

- «В ночь с четверга на пятницу сотрудники министерства национальной обороны провели во временные помещения Экспертного центра по делам контрразведки НАТО полковника Роберта Балуги, нового директора центра». («Газета Польска цодзенне», 19–20 дек.)

- «Министр обороны Словакии Мартин Глвач направил своему польскому коллеге Антонию Мацеревику довольно жесткое письмо, в котором напомнил, что экспертный центр не подчиняется министерству обороны Польши, “был создан по инициативе 10 стран-членов НАТО”, пользуется статусом “независимого международного подразделения”, поэтому “какие-либо реорганизации в нем должны производиться в соответствии с международными процедурами”». (Войцех Чухновский, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 31 дек. 2015 — 1 янв. 2016)

- «Первые недели работы кабинета Беаты Шидло продемонстрировали, что и высказывания, и поступки его членов грозят нам разрывом связей с нашими западными партнерами. (...) Министр Конрад Шиманский после трагедии в Париже шокировал наших партнеров из ЕС заявлением о том, что теперь Польша не видит политических возможностей по

выполнению ранее взятых на себя обязательств относительно размещения беженцев. (...) Министр внутренних дел, совершенно без надобности, начал предъявлять Германии претензии за резню в варшавском районе Воля в августе 44-го. (...) После этого заместитель министра обороны заявил, что у Польши есть атомные амбиции и она будет стремиться к обладанию ядерным оружием. (...) Министр обороны Антоний Мацеревич дал понять, (...) что Польша отказывается от приобретения как французских вертолетов «Caracal», так и американского противоракетного комплекса «Patriot». А сам Ярослав Качинский сравнил критику со стороны некоторых немецких СМИ и двоих, также немецких, политиков со вторжением СССР в Венгрию в 1956 году и Чехословакию в 1968-м. (...) В результате такой «политики» (...) наши западные союзники (и восточные противники) могут начать воспринимать нас как страну крайне несерьезную, даже странную, с которой никто не хочет иметь ничего общего».

(Марек Мигальский, «Жечпосполита», 16 дек.)

- Около шести часов продолжалась воскресная встреча Ярослава Качинского и Виктора Орбана в Нидзице. С сопровождавших Качинского лиц было взято обязательство о неразглашении деталей встречи. Утечка информации о беседе Качинского и Орбана произошла со стороны венгров. (по материалам «Дзенника газеты правой» и «Жечпосполитой» от 7 янв.)

- «Премьер-министр Виктор Орбан заявил вчера в эфире венгерского государственного радио, что Будапешт никогда не согласится на введение Евросоюзом санкций в отношении Польши». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 9-10 янв.)

- «Глядя на происходящее в Польше, я думаю, что одна страна и ее лидер должны быть сейчас довольны. Я имею в виду Россию и Путина», — проф. Ежи Хауснер. («Польска», 24-27 дек.)

- «То, что происходит сегодня в Польше, вызывает у меня определенные опасения. (...) В своих оценках ситуации я в значительной степени согласен с точкой зрения, выраженной в письме бывших польских президентов, премьер-министров и маршалов парламента — а эта группа людей, безусловно, является очень ценным и заслуживающим доверия источником информации. Подобные опасения высказывают и другие люди, к примеру, нынешний председатель Совета ЕС Жан Ассельборн. (...) Политическая обстановка в Польше очень сложна, а поведение властей противоречиво. Я чувствую, что все идет к конфронтации», — председатель Европарламента Мартин Шульц. («Жечпосполита», 21 дек.)

- «То, что в канцелярии премьера были сняты часы и заменены на крест (...), наглядно иллюстрирует столкновение двух разных концепций времени, свойственных двум разным ментальным культурам. Для предшественников нынешней

власти, присутствие которых и символизировали часы, наличие самих этих часов означало, что данные политики существуют в режиме линейного, измеряемого времени, (...) и это время отсчитывается ритмом цивилизации, сформировавшейся в эпоху Просвещения и наступившей вслед за ней новой истории. (...) Появление же на месте часов креста означает, что новая команда живет в совершенно ином временном измерении и что хронологическое время для нее совершенно не важно, зато важно время символа, обряда, ритуала. Это очень насыщенное, плотное время, не имеющее ничего общего с обычным чередованием часов и минут. (...) Перед самым Рождеством мы наблюдаем довольно жесткое столкновение двух цивилизаций. (...) И одна из них хочет переломить другой хребет. (...) А самое печальное, что Церковь и ее иерархи, которые в значительной степени несут ответственность за происходящее, которые принимали в этом прямое участие, теперь, когда конфликт начал разгораться, вдруг замолчали», — проф. Збигнев Миколейко. («Польша», 24-27 дек.)

• «Во время археологических раскопок, проводимых мной на территории Великопольского воеводства, я несколько раз наткнулся на человеческие останки со следами каннибальских ритуалов. Обнаруживались они на местах поселений, принадлежащих к раннему железному веку (ок. 750-400 лет до н.э.), где жили народы, которые в значительной степени могут быть причислены к праславянам. (...) Опуская подробности дальнейших открытий, связанных с людоедством в указанную эпоху на территории Великопольской равнины, (...) скажу, что каннибализм все-таки не был масштабным явлением, а сводился к единичным случаям», — проф. Тадеуш Малиновский. («Пшегленд», 7-13 дек.)

• «Очередной миллион поляков мечтает уехать. Но на этот раз речь идет не только об эмиграции ради заработка. По данным исследований, люди в первую очередь ищут за границей УВАЖЕНИЯ к себе по месту работы. Они знают, что их будут эксплуатировать, и согласны на это, но им хотелось бы, чтобы эксплуатация носила творческий характер. Во-вторых, им хочется иметь перспективы. Они понимают, что стабильная долгосрочная карьера — это миф, поскольку в современном мире очень трудно предсказать будущее той или иной отрасли даже на ближайшие три года, однако нашим соотечественникам хотелось бы, чтобы лидеры компаний и фирм находились в постоянном контакте с трудовым коллективом и открыто говорили о своем видении ситуации. И в-третьих, они хотят работать в командах (...). Сотрудничать, а не только соревноваться. (...) Одними деньгами этих людей в стране не удержишь, поскольку деньги интересуют их не в

первую очередь. Удержать их от эмиграции может только смена культурного контекста. (...) Да, благодаря компаниям с четкой иерархической структурой и политическим партиям, сплоченным вокруг одного лидера, мы добились за эти 25 лет многого, однако (...) теперь эти факторы начинают тяготить нас и грозят поражением», — Яцек Санторский, в 2012–14 гг. был членом Совета по экономике при премьер-министре Дональде Туске. («Газета wyborcza», 24–27 дек.)

- «Увеличилось (на 9%, достигнув 50%) число респондентов, которые считают, что ситуация в Польше ухудшается, одновременно снизилось (на 7%, до 27%) количество придерживающихся противоположного мнения. (...) ЦИОМ, 3–10 декабря». («Газета wyborcza», 19–20 дек.)

- «Согласно опросу ЦИОМа, количество позитивно оценивающих деятельность президента Анджея Дуды выросло с 33% в августе до 43% в декабре 2015 года. Уровень же негативных оценок повысился с 15% в августе до 40% в декабре того же года». («Пшегленд», 4–10 янв.)

- По мнению 23,4% опрошенных, президент Анджей Дуда выступает гарантом соблюдения конституции Польши. 51,3% участников опроса придерживаются противоположного мнения. У 25,3% респондентов нет сложившейся точки зрения по данному вопросу. Опрос проводило агентство «SW Research». («Ньюсуик Польска», 4–10 янв.)

- «81% поляков, опрошенный агентством «TNS» 10–11 декабря считает, что политики при любых обстоятельствах должны соблюдать закон, даже если это противоречит их представлениям о справедливости. 58% респондентов согласны с утверждением, что начинания президента Дуды — это покушение на демократию. Две трети опрошенных считают президента Дуду политиком несамостоятельным, целиком зависимым от Ярослава Качинского». («Газета wyborcza», 15 дек.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 27%, «Современная» (Рышард Петру) — 24%, «Гражданская платформа» — 16%, Кукиз'15 — 12%, Коалиция левых сил — 6%, «Вместе» — 4%, крестьянская партия ПСЛ — 4%. Опрос проведен агентством «TNS» 10–11 декабря. («Газета wyborcza», 15 дек.)

- «Брунон Квецинский признан виновным в подготовке нападения на Сейм. Суд Кракова приговорил его к 13 годам лишения свободы. Прокуратура обвинила бывшего сотрудника Сельскохозяйственного университета в Кракове в намерениях детонировать вблизи парламента 4 тонны взрывчатки. Взрыв должен был произойти во время парламентского заседания с участием президента, премьер-министра и членов правительства. Квецинский признался в подготовке теракта,

однако виновным себя не считает». («Жечпосполита», 22 дек.)

- «Белорусский суд вынес обвинительный приговор активистам, почтивших память повстанцев 1863 года.

Наказание понесут три человека, в частности, за возложение цветов к установленному в Свислочи памятнику предводителям восстания — диктатору Ромуальду Траугутту и Кастусю Калиновскому, одному из руководителей восстания в Белоруссии. (...) Оба они в отрочестве ходили в школу в городе Свислочь». («Жечпосполита», 20 нояб.)

- «Польско-литовские отношения овеяны довольно мрачными мифами, но в действительности наше сотрудничество очень плодотворно, считает президент Литвы. Даля Грибаускайте назвала положительные примеры такого сотрудничества: завершение строительства электроэнергетического моста, строительство скоростной дороги и подготовка к строительству газопровода». («Жечпосполита», 30 дек.)

- «В Киеве президент Анджей Дуда отступил от принципов участия Польши в переговорах об окончании войны на Украине и необходимости возобновления дискуссии по Минским соглашениям. «Польский лидер предложил президенту Украины более тесное региональное сотрудничество, и в первую очередь военное сотрудничество с Вышеградской группой. (...) Петр Порошенко также получил приглашение на июльский саммит НАТО в Варшаве. (...) Кроме того, президенты обсудили вопрос деокупации Крыма. (...) Не обошлось и без материальной поддержки — Польша пообещала Украине кредит в размере 4 млрд злотых». (Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 16 дек.)

- «Министерство иностранных дел Польши считает безосновательной высылку из России польского журналиста, корреспондента «Газеты выборчей» Вацлава Радзивиловича. (...) Его многолетняя работа в Российской Федерации в качестве корреспондента не может сравниться с деятельностью в Польше Леонида Свиридова. (...) Лишение аккредитации и требование покинуть Польшу в отношении Леонида Свиридова не были связаны с его журналистской деятельностью. Решение о лишении его прав зарубежного корреспондента было принято (...) на основе запроса Агентства внутренней безопасности». («Газета выборча», 19–20 дек.)

- «В пятницу Польша впервые получила газ не из России. В порт города Свиноуйсьце вошел груженный сниженным газом (200 тыс. тонн, то есть 120 млн кубометров газа, перешедших в жидкое состояние после охлаждения до -162 градусов Цельсия) корабль из Катара». («Газета выборча», 12–13 дек.)

Статистическая картина имущества поляка

Беседа с кандидатом экономических наук Збигневом Жулкевским, советником в департаменте финансовой стабильности Польского национального банка (ПНБ)

— Исследование «Зажиточность домашних хозяйств в Польше», которое было впервые проведено вашим банком, предоставило, надо полагать, много сведений на тему не только финансовой ситуации поляков, но также их склонности к накоплению сбережений и мотивов такой склонности.

— Скажу больше — полученные в итоге знания о том, как люди управляют своими деньгами, достаточно много говорят нам также о стиле жизни поляков, хотя это и не было целью исследования, проведенного в 2014 г. при сотрудничестве с Главным статистическим управлением РП на выборке из 7 тыс. домашних хозяйств со всей страны. Это было первое в Польше исследование, в котором учитывались накопленные ресурсы и задолженность, — обычно исследуются доходы и расходы семей. Поскольку данное исследование проводилось на основании методики, отработанной в Европейском центральном банке, мы можем сравнивать наши результаты с результатами в разных странах из зоны евро. Для начала мы установили, что в Польше стоимость имущества среднего домашнего хозяйства составляет 257 тыс. злотых.

— Из чего складывается это имущество?

— Самым важным составным элементом имущества является основное место жительства — в Польше около 77% домашних хозяйств владеют квартирой или домом, 19% имеют, кроме того, другую недвижимость. Высокой стоимостью характеризуется также имущество, связанное с ведением хозяйственно-экономической деятельности. В среднем эта величина составляет 220 тыс. злотых, согласно декларациям, владеет таким имуществом свыше 19% исследуемых. Финансовые активы обладают меньшим значением для имущества домашних хозяйств — в среднем это 8–8,5 тыс. злотых.

— Видимо, данное исследование позволяет ответить на вопрос, по какой причине одни домашние хозяйства более зажиточны, а

другие — менее?

— Исследование подтвердило тенденции, согласующиеся с интуицией и повседневными наблюдениями, например, что на протяжении цикла жизни домашнего хозяйства его имущество растет, но лишь до определенного момента. Имущество обычно является частью откладываемого дохода, а такой процесс осуществляется постепенно — сначала необходимо добиться для себя надлежащего положения на рынке труда или развить собственную фирму, а затем на основании возникающих доходов выстраивать свое имущество. Статистически самый лучший момент для домашнего хозяйства имеет место в тот период, когда главе семьи от 45 до 54 лет. Тогда стоимость имущества в нем составляет в среднем 334 тыс. злотых. Потом она падает. Размер имущества связан также с образованием — чем лучше мы образованы, тем выше стоимость накопленного имущества. Стоимость имущества в домашних хозяйствах, где глава семьи имеет высшее образование, составляет 350 тыс. злотых, а там, где глава семьи получил только начальное или неполное среднее образование, — лишь 150 тыс. злотых. Зато поразительным может показаться тот факт, что сельские жители статистически более зажиточны, чем жители городов, особенно больших. Это вытекает из того, что жители деревень обычно имеют, строят и наследуют дома, — в деревнях 87% домашних хозяйств являются владельцами той недвижимости, в которой проживают, а в городах таких хозяйств лишь 73%. На зажиточность деревенских домашних хозяйств влияет также то, что жители деревни гораздо чаще, чем городские, занимаются производительной, главным образом сельскохозяйственной деятельностью.

— А какова задолженность польских домашних хозяйств, которая, как ни говори, имеет во многом решающее значение для стоимости их имущества?

— Оказывается, она лишь в небольшой степени уменьшает среднюю стоимость имущества, составляя около 10 тыс. злотых. Но нужно помнить, что фактическая задолженность зависит от ее типа, поскольку задолженность тех домашних хозяйств, которые взяли ипотечный кредит, равняется в среднем 104 тыс. злотых, в случае же потребительского кредита средняя сумма задолженности составляет примерно 5 тыс. злотых.

— Как с точки зрения зажиточности домашних хозяйств мы выглядим на фоне других стран из зоны евро?

— Оказывается, польские домашние хозяйства принадлежат к группе умеренно зажиточных. В среднем они располагают нетто-имуществом, соответствующим сумме в 61,7 тыс. евро, что составляет около 56% среднего нетто-имущества статистически репрезентативного домашнего хозяйства из зоны евро (109,2 тыс. евро). На самом высоком уровне

стоимости нетто-имущества в зоне евро находятся домашние хозяйства в Люксембурге (397,8 тыс. евро) и на Кипре (266,9 тыс. евро). Мы в этом рейтинге оказались ближе к концу, где занимаем место по соседству со странами, которые характеризуются похожим уровнем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения: за нами располагается Словакия, а перед нами — Португалия (напомним, что данное исследование было первоначально проведено в странах зоны евро и лишь затем в Польше). При этом любопытно, что в самом конце рейтинга зажиточности домашних хозяйств находится Германия. Есть смысл подчеркнуть также, что в Польше показатели имущественного неравенства заметно ниже, чем в среднем для зоны евро.

— *Позиция Германии в этом рейтинге ошеломляет.*

— Факт, что мы оказались в нем выше тех стран, у которых более высокий ВВП на душу населения, — следствие того, что важнейшим составным элементом имущества является главное место проживания. Хотя в Германии отмечается высокий уровень ВВП, приходящегося на одного среднестатистического жителя, что находит отражение в доходах немцев, домашние хозяйства бывают там собственниками квартиры или дома далеко не столь часто, как в других странах. Если в Польше 77% домашних хозяйств состоят владельцами домов и квартир, то в Германии, где действует весьма развитый рынок недвижимости, сдаваемой внаём, данный показатель равен 44%. Эта чрезвычайно большая разница между нашими странами приводит к тому, что в случае поляков зажиточность домашних хозяйств оказывается выше, чем у западных соседей. Означает ли это, что мы богаче немцев? В понимании того определения, которое использовалось в данном исследовании, — да, но если бы мы задались вопросом, обеспечивает ли нам имущество, которым мы располагаем в Польше, более высокую степень благосостояния, то ответ будет отрицательным.

— *Как выглядит склонность поляков к накоплению сбережений на фоне жителей других стран из зоны евро?*

— Как я уже упоминал, значимость финансовых активов наших домашних хозяйств в общей структуре зажиточности невелика. Польские домашние хозяйства экономят и откладывают слишком редко и слишком мало. Это означает, что они стараются не задумываться о будущем, в недостаточной степени предохраняются от вполне возможных неблагоприятных событий, скажем, таких, как потеря работы или снижение зарплат. Невысокие сбережения означают, помимо прочего, еще и ограниченные возможности гарантировать себе удовлетворительный уровень потребления после окончания периода профессиональной активности или

же обеспечить своим детям достойное будущее. Из нашего исследования вытекает, что 59% польских домашних хозяйств декларируют, что они откладывают сбережения. Это немалая доля, хотя большинство делает это нерегулярно. Причем надо иметь в виду, что среди самых бедных домашних хозяйств о своем желании откладывать деньги заявляют 30%, тогда как среди самых зажиточных — 80%. Склонность к накоплению сбережений растет также вместе с уровнем образования, что коррелирует с размером получаемого вознаграждения. Интересно, что у пенсионеров склонность к сбережению похожа на ту, какую демонстрируют наемные работники или же самозанятые лица. Возможно, мы в данном случае имеем дело с пожилыми людьми, у которых многие из потребительских потребностей уже отсутствуют, а сбережения они делают на «черный день» или же для обеспечения хорошего старта своему внуку либо внучке. Указанная группа клиентов выбирает скорее такие традиционные формы сбережения, как банковские вклады и казначейские облигации, а не, к примеру, инвестиционные фонды, которые рекомендуются молодым людям, решившимся на долгосрочную инвестицию.

Подготовила Эльжбета Сорочинская, сотрудничество: П. Дыбич, В. Глуская, А. Межеевская, В. Рачковский, Б. Тумилович.

Интервью представляет собой часть проекта «Азбука банковского дела, или с банком на «ты»», осуществляемого совместно с Польским национальным банком в рамках программы экономического образования.

Стало безопаснее. Пожилые люди воруют меньше

С Анджеем Семашко беседует Петр Шиманяк

— Только что опубликован пятый выпуск «Атласа преступности в Польше», флагманского издания Института правосудия^[1]. Он выявил много интересных тенденций. Одна из них определенно радует — это заметный спад обычной преступности. У нас стало меньше убийств, разбоев, ограблений, угонов автомобилей. В последнем случае спад просто колоссальный, особенно по сравнению с 90-ми, когда угоны были настоящим бедствием.

— Действительно, в 2013 г. общий показатель преступности оказался на 25% ниже, чем в 2002–2004 годах. А в некоторых категориях еще ниже. Если речь идет о угонах автомобилей, то статистика просто поражает. В пиковые годы мы регистрировали по было 75 тысяч угонов, сегодня — ок. 15 тысяч. Это пятикратный спад. Значительно уменьшилось число разбоев и — что особенно радует — убийств. Их стало вдвое меньше. Эти тенденции видны очень явно, особенно, если следить за статистикой на протяжении длительных временных интервалов, а ведь мы, вместе с Беатой Грущинской и Мареком Марчевским, занимаемся анализом информации с 1990 года. Если смотреть с такой далекой перспективы, нам есть чему радоваться.

Забавно! Насколько легче было криминологам объяснять рост преступности, а вот понять, почему показатели падают, они не в состоянии. Притом, мы это также показываем в «Атласе», спад характерен не только для нашей страны. Мы, правда, представляем данные из Польши только на фоне стран Евросоюза, но то же самое относится, например, к США или Австралии. Можно говорить просто о всемирной тенденции к спаду. Я не чувствую себя компетентным, чтобы объяснять этот тренд в мировом масштабе, так что позвольте мне ограничиться анализом отечественных показателей. Хотя некоторые закономерности, которые мы наблюдаем в Польше, относятся и к другим странам. Прежде всего, вместе со старением обществ, уменьшается группа особого криминального риска, которую составляют люди молодые либо очень молодые — в возрасте до двадцати с чем-то лет. У нас уменьшение этой группы было весьма значительно, тем более

что оно усиливалось за счет не только демографических факторов, но и эмиграции, также касающейся в первую очередь молодежи.

— *Откуда известно, что именно возраст является той существенной характеристикой, определяющей преступность? Ведь есть страны, в которых преступность вовсе не растет вместе с ростом этой группы населения.*

— Но это исключения, подтверждающие данное правило. К примеру, в Лондоне несколько лет тому назад группа особого риска значительно увеличилась, но преступность по-прежнему снижалась. Однако есть многие факторы, ассоциировавшиеся до сих пор с ростом преступности, — например, растущее социальное расслоение, этнически смешанный состав населения, изменение прежней модели семьи, — которые теперь уже не имеют такого значения. Более того, оказывается, что спад преступности, похоже, не зависит от уголовной политики, проводимой в данной стране: сурова она или мягка — преступность все равно уменьшается. В последнее время было модно ссылаться на введенную в Нью-Йорке политику «нулевой толерантности», которая привела к снижению количества преступлений. Чепуха. В других крупных городах США, где таких решений не принималось, преступность снизилась еще больше. Поэтому у нас, криминологов, большие проблемы. За долгие годы мы привыкли объяснять причины роста преступности, но как объяснить ее спад, если все факторы, которые до сих пор вызывали ее рост, по-прежнему действуют, возможно, с еще большей силой? Возвращаясь, однако, к причинам столь явного снижения преступности, нужно также подчеркнуть, что произошло существенное изменение т.н. структур возможностей, например, из-за резкого уменьшения ценности потребительских благ. Это особенно относится ко всякого рода электронике.

— *То есть кражи меньше окупаются?*

— Вор тоже калькулирует, окупится ли его кража. Этот расчет сегодня представляется значительно менее выгодным. Чтобы вывезти из среднестатистической квартиры относительно ценную аппаратуру, нужно располагать каким-нибудь грузовичком. Телевизоры становятся всё больше, неудобнее, придется потаскать, чтобы затем продать скупщику по 50 злотых за штуку. Где доход, а где риск? Кроме того, стоит отметить, — а это дается мне нелегко, так как я весьма критично отношусь к деятельности нашей полиции — что некоторые показатели раскрываемости за последние годы значительно улучшились. Это тоже увеличивает риски преступной деятельности. Не забывайте и о том, что о нашей безопасности печется не только полиция, но и, к примеру, муниципальные службы порядка. Хотя их служащие главным

образом выписывают штрафы за неправильную парковку, но они всё же есть, и их видно. К этому следует еще добавить армию охранников, насчитывающую несколько сот тысяч человек. Они тоже заметны и увеличивают риск, который преступник должен принять во внимание. К тому же еще камеры. Я не переоцениваю значения мониторинга, сам помню, как несмотря на все камеры у нашего бывшего сотрудника украли велосипед. Мы ведь располагаемся там же, где Апелляционная прокуратура. Но все же в этом отношении наш мир уже довольно оруэлловский, и такой мониторинг есть повсюду. Камеры в детских садах, школах, на стадионах, не говоря уже о супермаркетах. Последний крик моды — автомобильные регистраторы. Даже если мониторинг не отпугнет, то может помочь поймать преступника, так что риск с его стороны возрастает. Существенно улучшились у нас и такие показатели, как так называемые элементы ситуационного предотвращения, например, освещение улиц. Все вместе дает результат в виде уменьшения преступности. Конечно, это не означает, что вскоре криминологам будет грозить безработица.

— *Ведь, как известно, в природе ничто не исчезает. И это еще одна тенденция, на которую вы обратили внимание в аннотации к «Атласу», и о которой я хотел побеседовать. Спад преступности в одном месте сопровождается скачок в другом.*

— На наших глазах меняется характер преступности. Она все в большей степени переносится из реального в виртуальный мир. У интернет-мошенников на совести уже несколько десятков или несколько сот тысяч жертв. В этой области соотношение преступлений, о которых мы знаем, с количеством тех, о которых нам неизвестно, просто чудовищно. Однако даже традиционная преступность меняет свое обличье.

— *Становится менее жестокой.*

— Да, но это объясняется не добросердечием членов организованных преступных групп, а тем фактом, что традиционные сферы их деятельности — нападения на дальнобойщиков или вымогательство — уже не так привлекательны по сравнению с тем, сколько можно заработать на серьезном, часто даже разовом, жульничестве с налогом НДС. Это недавно признал глава Центрального следственного бюро, из наблюдений которого следует, что гангстеры, которые у нас постепенно начинают выходить из тюрем, уже не возвращаются к тому, за что их посадили. Теперь они главным образом занимаются организованной экономической преступностью, которая приносит многократно большую прибыль. Так что, это неправда, будто у нас нет проблем.

— *Да, но это не так заметно. Из периодически публикуемых*

опросов следует, что ощущение безопасности у поляков растет. Складывается впечатление, что рост преступности такого типа вовсе не должен нарушить этого ощущения безопасности, если и дальше будет снижаться число, назовем их так, традиционных преступлений. Одно дело, когда кто-то на улице украдет у меня бумажник и при этом даст мне в глаз, другое, когда кто-то меня обманет через интернет.

— Конечно. Тем более, что часто пострадавшим оказывается даже не конкретный Ковальский, а Казначейство или какой-нибудь банк. Если кто-то привяжется ко мне на улице и — не дай Бог — побьет, я почувствую это на собственной шкуре. В случае экономических преступлений нет ощущения непосредственной угрозы. В связи с этим, мы как общество чувствуем себя, несомненно, в намного большей безопасности, чем в конце 90-х годов или в начале нынешнего столетия. Мы ведь просто либо совсем ничего не знаем об этих виртуальных преступлениях, либо, даже если знаем, то нам это безразлично. Тем временем, мошенничества с НДС оцениваются более чем в 30 млрд злотых в год. Это сумма, которую я даже представить себе не могу. Однако сознаю, что бороться с этими махинациями нелегко.

— *Удивляет также большая неравномерность географического распределения преступлений. Почему для воеводств на восточной границе характерен гораздо более низкий показатель, чем для остальных?*

— Это интересно. Мы наблюдаем эту тенденцию с начала работ над «Атласом». Самый высокий уровень преступности мы неизменно имели в Нижнесилезском, Западно-Поморском, Любушском и Силезском воеводствах, а самый низкий — в восточных воеводствах, то есть в Подляском, Люблинском, Подкарпатском и Свентокшиском. Что общего между этими воеводствами, имеющими самый низкий уровень преступности? То, что они беднее других. В свое время один корифей науки об уголовном праве начал свое интервью для какой-то газеты таким, довольно бесцеремонным, утверждением: «Общеизвестно, что преступность возникает от бедности и безработицы». Однако этот пример явно демонстрирует, что преступность положительно коррелируется с богатством, а не с бедностью. Все это, конечно, не так однозначно, ведь могут иметь значение и другие факторы, как, например, относительно сильные социальные связи в восточной части страны. Во всяком случае, по крайней мере в Польше, нет такой ситуации, что в бедных районах с высоким уровнем безработицы преступность выше. Наоборот — чем богаче воеводство, тем выше преступность.

— *Столь же удивительны большие различия между отдельными воеводствами в плане раскрываемости преступлений.*

— Это один из тех случаев, при которых специалисту достаточно взглянуть на данные, чтобы понять, что такие различия просто невозможны. Не может быть такого, что в одном воеводстве раскрываемость около 10%, а в другом 40%. Кто-то здесь расходится с истиной, кто-то манипулирует статистикой. Я сообщал об этой проблеме двоим или троим очередным командующим полиции. Одни пожимали плечами, другие обещали, что проверят и, проверив, как собираются данные, продолжают утверждать, что всё сходится, и перед нами вовсе не креативная статистика. Лично я по-прежнему сомневаюсь, потому что столь большие различия, на мой взгляд, невозможны.

— *Говорят, нет большей лжи, чем статистика. Некоторые данные, представленные в «Атласе», могут, на первый взгляд, исказить картину явления. Например, статистика гласит, что если сравнить 2002 и 2012 годы, то у нас стало в 2,5 раза больше преступлений, связанных с наркотиками. Но не вызван ли этот рост изменением законодательства, согласно которому стало наказуемо владение одурманивающими средствами?*

— То, что выросло число преступлений, связанных с наркотиками, не должно автоматически означать, что они также стали более серьезными. Обычно, это не какой-то большой наркобизнес, а просто владение. Мы имеем рост преступности, связанной с наркотиками, вследствие простой законодательной процедуры. Криминализация владения даже небольшими количествами в значительной степени повлияла на этот рост. Но это фрагмент большого целого. Ведь совсем недавно изменили нижнюю границу при мелких кражах. Порог суммы, начиная с которой появляется состав преступления, подняли с 250 злотых до 1/4 минимального размера оплаты труда, и эта граница к тому же подвижная. Что в свою очередь приведет к снижению количества преступлений в статистическом отражении. Впрочем, это уже не первое такое изменение. Помню, когда в середине 90-х повысили до 250 злотых порог, отделяющий правонарушение от преступления, командующий полиции созвал специальную пресс-конференцию, во время которой хвалился на фоне диаграммы, как прекрасно работает полиция и как снизилось количество краж. Ничего не снизилось, просто изменилось определение кражи. То же самое мы наблюдаем в отношении пьяных велосипедистов. Ведь таких «преступников» было более 100 тысяч. Но как это замечательно улучшало статистику раскрываемости. Достаточно было устроить засаду у какой-нибудь деревеньки, и можно было останавливать все новых велосипедистов, благо там каждый был немного навеселе.

— *Полиция очень любит преступные деяния такого рода. Ведь одновременно с выявлением преступления у нас сразу появляется*

найденный виновник. Когда езда на велосипеде в нетрезвом состоянии стала лишь правонарушением, число таких нарушителей вдруг резко уменьшилось.

— Потому что их выявление уже не так выгодно. Что интересно, многие годы полиция публиковала раскрываемость NN. То есть раскрываемость виновных, личность которых не была известна в момент заявления о совершении преступления. Это была настоящая раскрываемость, где нужно было шевелить мозгами, выполнять какие-то действия, самостоятельную умственную работу, чтобы установить преступника, а не встать на краю деревни и устроить засаду на велосипедиста. Я не удивляюсь полиции, что она перестала публиковать такие данные, так как они выглядели бы поистине драматично. А эти показатели раскрываемости, особенно общая раскрываемость...

— **На примере изнасилований раскрываемость вовсе не так уж высока.**

— С другой стороны, чтобы не глумиться над полицией, нужно отдать ей должное: ведь все-таки, по крайней мере в нескольких случаях, раскрываемость значительно выросла. Я имею в виду убийства, угоны автомобилей и т.д. Нельзя же сказать, что это всего лишь артефакт. Полиция действительно работает лучше. Что тоже усиливает отпугивающий эффект.

— **Несмотря на то, что полицейских у нас не так уж и много по сравнению с другими странами.**

— Да, хотя следует заметить, что некоторые страны, отчитываясь о числе сотрудников, включают в состав полиции и всякого рода муниципальные службы, аналогичные нашей муниципальной полиции. Тем не менее, если говорить об основном личном составе, то мы вовсе не полицейское государство. По крайней мере, в смысле численности личного состава. Зато мы фактически являемся, и это подтверждается в очередной раз, прокурорским государством. Наконец-то у нас что-то получилось. В плане количества прокуроров, мы в Евросоюзе настоящая сверхдержава.

— **Отражается ли это как-то на эффективности прокуратуры и судов? Такой показатель, как количество приговоров в соответствии со ст. 335 и 387 Уголовно-процессуального кодекса, то есть в ситуации, когда преступник признает свою вину и договаривается с прокурором о мере наказания, которую затем утверждает суд, свидетельствует об эффективности прокуратуры или совсем наоборот?**

— Здесь мы имеем дело с новым качеством. Больше половины приговоров выносятся именно таким консенсуальным способом. Не скрою, процессуально эти дела несопоставимо проще, чем те, при которых выяснение происходит обычным образом во время судебных заседаний. Есть соглашение, суд

проштамповывает, и дело можно завершить за один вечер. В связи с этим следовало бы ожидать, что раз уж половина дел рассматривается в консенсуальном режиме, то быстрее будут идти процессы по остальным делам. Но я этого как-то не наблюдаю. Я, конечно, не противник консенсуального судопроизводства, сомнения у меня вызывает только то, что при этом способе выносятся чаще всего — чтобы не сказать: почти исключительно — условные приговоры.

— *Наименее желательные, во всяком случае, в соответствии с новой пенитенциарной политикой, введенной недавно путем значительной новеллизации уголовного кодекса.*

— Если уж мы говорим о форме пенитенциарной политики, хочется обратить внимание на резкие изменения в отношении применения временного задержания.

— *За излишнее применение этой меры мы постоянно получали оплеухи от Европейского суда по правам человека.*

— Это так. Ведь их, действительно, было слишком много, но у меня складывается впечатление, что в «политике задержаний» нас бросает из стороны в сторону. Если раньше было слишком много временных задержаний, то теперь появляются сомнения, не перегибаем ли мы в другую сторону. Меня просто бесит, и я этого не скрываю, когда я вижу, как отпускают на свободу членов организованных преступных групп, потому что нет оснований для применения такой предупредительной меры. Если говорить о количестве временных задержаний, то еще в начале этого столетия мы, действительно, были во главе стран Евросоюза. В настоящее время мы в самом хвосте — среди стран, известных своим либерализмом в обращении с преступниками, таких как Швеция или Дания. Что-то произошло за последние 15 лет, и это вызывает у меня смешанные чувства. С одной стороны, ушли в прошлое длившиеся годами следственные аресты, которые были уже не перегибом, а просто каким-то кошмаром. С другой — мы ударились из крайности в крайность. Мне это не совсем нравится. Другие страны отличаются очень высокой стабильностью, если говорить о показателях временно задержанных на 100 тыс. жителей или в процентах от количества заключенных в тюрьмах.

— *Исследуя в течение последних 25 лет явление преступности, являетесь ли вы сторонником усиления или смягчения наказаний?*

— Я, скорее, сторонник не суровых наказаний, а наказаний вообще — без прилагательного. Та пенитенциарная модель, которая действовала в Польше последние 25 лет, сутью которой было условное наказание, была очень плохой. Если по убеждению самих преступников условное наказание равно оправданию, значит, что-то в этом механизме дало сбой. Да, нельзя всех сажать в тюрьму, ведь у нас количество

заключенных всё еще намного больше, чем в странах Западной Европы. Но какое-то наказание должно быть. Я, к примеру, большой энтузиаст домашнего ареста с электронным контролем.

— *Который у нас как раз успешно провалился.*

— Это так, и нужно незамедлительно изменить соответствующие правила. Однако это отличное и довольно эффективное наказание, более того, его можно успешно применять и в качестве альтернативы временному задержанию. Ведь, как невооруженным глазом видно из «Атласа», структура наказаний у нас странная: очень мало коротких сроков лишения свободы, до полугода. Несколько лучше обстоит дело с наказаниями до года. Однако больше всего в Польше сроков в диапазоне от года до трех лет. Вот только они бессмысленны. Всё равно, за это время никого не ресоциализируешь, впрочем, согласимся, что тюрьма никого не ресоциализирует... А с другой стороны, мы отстаем, если речь идет о длительных сроках заключения, 10 лет и выше. Так что, наша пенитенциарная система совсем не так сурова, как о ней нередко говорят. Я бы предложил принципиально перестроить применение безусловных наказаний. Что произойдет, если какой-нибудь мелкий преступник посидит в тюрьме две недели или месяц? Или по выходным...

— *Увеличатся затраты, так как они максимальны в момент приема заключенного в месте лишения свободы.*

— Да, мне знакомы эти аргументы тюремщиков, для них такие короткие сроки неудобны с бюрократической точки зрения. Я не согласен с их доводами. Почему подобные меры наказания в других странах могут действовать, а у нас нет? Ну и наконец, какое обществу дело до удобства тюремных служб? Хвост не может вертеть собакой. Нам не хватает мер наказания на уровне шлепка.

Анджей Семашко (р. 1950) — польский юрист, профессор права, с 1992 г. директор Института правосудия. Автор нескольких десятков научных книг и статей, в том числе издательской серии «Атлас преступности в Польше».

DZIENNIK
GAZETA PRAWNA

-
1. Институт правосудия — польское научное учреждение, занимающееся приведением польского права в соответствие

международным правовым стандартам

Подарок Зофьи

Фото: Agencja Gazeta

Она медленно открывает дверь квартиры в старом вроцлавском доме. Когда-то она была самой высокой в классе, но восемьдесят девять лет клонят к земле. Она пробирается по заставленному старой мебелью и грудami картонных коробок коридору. Извиняется за беспорядок — приходится подбирать все, что выбрасывают соседи. Вдруг подопечным пригодится. Говорит, что много раз видела смерть: от голода, болезней, ран, холода. Может, поэтому она сохранила внутреннее равновесие и умение делиться с теми, у кого ничего нет.

Зофья Телига-Мертенс одна вывезла из Казахстана сорок семей польского происхождения. В общей сложности более двухсот человек. На это ушло десять лет жизни и куча средств — вся компенсация, полученная за имущество, которого ее родители лишились в Воле-Рыцарской на Волыни. Сорок пять гектаров земли, дом в двести сорок квадратных метров и семь хозяйственных построек — общей стоимостью в 1,3 миллиона злотых. Государство вернуло чуть больше шестисот тысяч, «доплатив» тремя полуразрушенными жилыми домами — бывшими советскими казармами в Щитнице под Болеславцем. Зофья назвала свой микрорайон «Кресувка»^[1]

За тех, кто на Востоке

Октябрь 2015. Зофья показывает, где свернуть. Поворот к «Кресувке» — с автостреды А4, в тридцати километрах от Легницы. В 1956–1993 гг. здесь располагалась летная часть Северной группы войск Вооруженных сил СССР: два полка, два батальона, дивизия и эскадрилья. Неподалеку был аэродром. Двенадцать домов, окруженных соснами. Три дома достались Зофье (остальные получили другие члены Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов). В этом году Зофья еще не была в «Кресувке». Она не выходила из дому с тех пор, как на улице потеряла сознание и три дня пролежала в коме.

Дверь квартиры открывает Люба, жена Яна Шкорупинского: сорок восемь лет вместе, трое детей. «Наша благодетельница!» — восклицает она с порога, обращаясь к Зофье. В квартире камин, тепло, уютно. На стенах сделанные Любой вышивки крестиком. Ян, потомок поляков, депортированных в Казахстан в 1936 году с Житомирщины, обнимает Зофью, как ребенка. Ему семьдесят лет, руки крепкие, мозолистые. Он рассказывает, что после Первой мировой войны за пределами новых границ Польши оказалось почти два миллиона поляков. Из советской Украины около ста тысяч человек Сталин отправил в Сибирь и Казахстан. «Отцу было двадцать пять лет, когда их депортировали. Маме — двадцать три. Их привезли в Кокчетавскую область, вбили в землю колышек и сказали: здесь будет колхоз. Родители начинали с мазанки, как и все остальные».

Северный Казахстан — это заросшая ковылем степь до самого горизонта. Похоже на морские волны. Зимой — минус тридцать. Ян: «Снежные бури продолжались иной раз по три-четыре дня, так что к колодцу шли, держась за канат. За свой труд люди получали немного пшеницы, яблок, иногда отрез ткани, чтобы сшить какую-нибудь одежду. Женщины пешком ходили на базар, пятьдесят километров в одну сторону, чтобы продать яйца или гуся. С детства помню, как родители мечтали о Польше».

Спустя сорок лет, в 1976 году, Ян с братом решают уехать на заработки на север, в Сибирь. Они оказываются в Усть-Илимске, на Ангаре. Здесь кончаются дороги и железнодорожные пути. Дальше, на протяжении двух тысяч километров, до самого Северного Ледовитого океана — только дикая тайга. Все серое — бетон и лес. Но в самом Усть-Илимске — трамвай, сто тысяч жителей, мощная плотина, гидроэлектростанция. Еще холоднее, чем в Казахстане, пять месяцев в году река покрыта льдом. Ян: «Я по образованию

механик, так что работал на автобазе. Восемьсот грузовиков, условия страшные, машины заводятся с трудом. При низких температурах на работе невозможно ни сидеть, ни стоять. Приходится «танцевать». Я проработал там двадцать четыре года. Брат, работавший со мной, не выдержал. Умер от сердечной болезни».

На столе появляются пельмени, бульон и пол-литра домашнего коньяка. Ян разливает коньяк по рюмкам — «чтобы жизнь была полной»: «За здоровье тех поляков, которые все еще там, на Востоке. Чтобы они вернулись в Польшу».

Кастрюлька

Через месяц после начала войны Зосе исполняется тринадцать лет. Она живет с родителями в Воле-Рыцарской возле Кременца. Воля-Рыцарска образовалась после раздела бывшего имения царского генерала Бобрикова. Отец Зофьи, Стефан Телига, деятель Народной партии, офицер Легионов, участник войны 1920 года, был удостоен звания генерала и ордена Виртути Милитари. Землю получил от маршала Пилсудского за храбрость. Земля их и кормит. Они выращивают пшеницу, табак на махорку, свеклу, репу, держат коров и свиней. Зофья: «Достаток был средний. Вдали от большого города некому было продавать в таких количествах фрукты, овощи, молоко, птицу. Масса всего пропадала. Папа был общественник, очень много помогал людям, что, видимо, передалось и мне. Сразу после начала войны папу арестовал НКВД. Он сидел в тюрьме в Кременце, охранники передавали записки. Однажды папа попросил приготовить теплые вещи: варежки, носки, свитера — предполагал, что его отправят вглубь России. Ему и в голову не пришло, что мы тоже поедem».

Мать Зофьи не обращает внимания на разговоры о депортациях. Однако в феврале 1940 года приходят грязные, обтрепанные, с болтающимися на веревках автоматами солдаты: «Собирайтесь, мы переселяем вас в другое место, там вам будет безопаснее». Мать и дочь увязывают пожитки в одеяла и простыни. Зофья помнит, что все было хорошо организовано: «Мы загрузили целые сани. Но вагоны на станции были набиты битком, мы едва влезли. Взяли с собой только постельное белье, документы и какие-то мелочи. Остальное пропало. Нам потом долго не хватало всяких вещей. Не было ни посуды, ни обуви, кроме той, что на ногах. Мы с мамой носили отцовские сапоги — мама офицерские, я зимние. Кто-то захватил с собой посуду и отдал нам небольшую алюминиевую кастрюльку. Эту кастрюльку мы берегли, как величайшую драгоценность. Даже во Вроцлав привезли. Где-то

она тут должна быть».

На одной из стоянок вагон для скота открывается и энкаведисты вталкивают троих мужчин. Среди них — отец Зофьи. Невероятная радость, ведь мужчины исчезали бесследно.

Путешествие продолжается два месяца. Поезд пропускает военные эшелоны и останавливается где придется. Люди выходят размять ноги. Но однажды эшелон трогается без предупреждения, и многие остаются на узбекской земле. В том числе отец Зофьи. Отныне его лицо дочери суждено видеть лишь на фотографиях. «Нас повезли в Казахстан, потому что в Узбекистане было уже слишком много поляков. Я знаю, что отец пытался потом попасть в армию генерала Андерса. Через некоторое время мы получили известие, что папа лежит в узбекской больнице. Мы написали ему письмо. Оно вернулось: адресат неизвестен. Потом из больницы маме сообщили, что папа умер от тифа».

От отчаяния мать заболела, и Зофье казалось, что она уже не выкарабкается. У нее болело все тело. Она не двигалась, не ела, не пила. Дочь целыми днями вглядывалась в мать, надеясь, что та не бросит ее одну в степи. Наконец, в один прекрасный день, мать поднялась на ноги. Зофья: «Потому что в России можно или жить, или умереть. Страдания не предусмотрены. Мне было пятнадцать лет. Мы жили в Козмолдаке, в мазанке, сделанной из глины, соломы и навоза, который там называют кизяком. Было холодно и такой голод, что у меня даже месячные прекратились. Я заболела дизентерией первая. Заразила маму, так что в больницу мы попали вместе. Было известно, что шансов у нас нет. Мы решили съесть перед смертью хоть что-нибудь! Кто-то из нас добрел до базара и принес кусок жирной баранины. Она была недоваренная, но мы съели, ведь было ясно, что до завтрашнего дня мы все равно не доживем. Но кровавый понос прекратился!»

Потом мама Зофьи стала директором детского дома для польских сирот в Туркестане, городе в южном Казахстане. «Нам приходилось ходить по сорок километров пешком через горы. Под дождем. Мокрые штаны примерзали к ногам. Казахстан стал для меня уроком выживания. Когда потом я вместе с сиротами проходила комиссию, оценивавшую физическое развитие детей, вердикт был таков: «хоть в шахтеры, хоть в матросы». Из худышки получилась крепкая баба», — смеется Зофья.

В 1943 году в Москве создается Союз польских патриотов. Мама Зофьи становится председателем Межрайонного комитета польских патриотов в Туркестане. Отвечает на сотни писем. Самые трудные вопросы — об арестованных офицерах. «Судьба неизвестна», — пишет она в ответ. Советская пропаганда

утверждала, что польские офицеры были убиты немцами. Поэтому мать с дочерью собирают среди поляков деньги на танк для польской армии — «Мститель Катыни».

Мать в жару, зачастую с температурой (она тяжело болела малярией) ходит по колхозам и переписывает проживающих там поляков. К осени 1945 года список готов. В это время мать Зофьи становится председателем Отдела поиска семей при Главном управлении Союза польских патриотов и вместе с дочерью уезжает в Москву. Зофья помнит, как, запершись в кабинете какого-то министерства, они с матерью ставили печати на репатриационные карточки. Мать готовит репатриацию почти двадцати тысяч польских семей. Эшелоны с поляками уходят из СССР с марта по июнь 1946 года. Зофья возвращается едва ли не последней, 16 июня, обычным поездом «Москва-Варшава». Она еще успевает закончить в Москве среднюю школу.

В Польше они решают поселиться во Вроцлаве. Зофья, крестным отцом которой был Винценты Витос, мечтает стать агрономом. Изучает сельское хозяйство. Диссертацию пишет о заготовке кормов. Ее мать, служащая воеводской администрации, получает служебную квартиру. В этой квартире спустя годы Зофья будет прописывать многочисленных репатриантов. У кого нет крыши над головой, те идут к ней.

Два раза выйдет замуж. Два раза потеряет ребенка. С первым мужем они познакомятся на факультете сельского хозяйства. Зофья, староста курса, опекает растерянного студента, тоже выходца с Кресов. Помогает ему закончить учебу, затем написать диссертацию. Однако муж становится членом труппы Вроцлавского оперного театра. Танцует он прекрасно, но грубоват и кричит на жену. Поэтому Зофья собирает чемодан, с которым он к ней пришел, и выставляет его за дверь.

Она переезжает в Варшаву, работает в газете «Громада — рольник польский». В 1981 году выходит на пенсию, знакомится со вторым мужем и вместе с ним возвращается к матери во Вроцлав.

«Отче наш» кириллицей

Первый успех Зофьи в деле репатриации — это Валерий Немировский, молодой поляк из Казахстана, которого она встретила под Пясечно в 1992 году. Золотые руки и листочек с молитвой «Отче наш», которую бабушка написала ему по-польски русскими буквами. Валерия взял на работу хозяин автосервиса, но жить парню было негде.

Зофья: «В это время мой муж лечился от рака (он умер в том же 1992 году), а мать во Вроцлаве готовилась к операции. Я пустила Валерия в свою квартиру в Хыличках, под Варшавой, а сама уехала в Нижнюю Силезию. С этим парнем я была знакома два дня, могло случиться и так, что мне некуда было бы возвращаться. Но когда я приехала через два месяца, в прибранной квартире меня ждали Валерий, его друг из Казахстана — Александр, мешок собранных орехов и горячая еда на столе».

На зиму Валерий возвращается в Казахстан, а Зофья привлекает к решению вопроса о его репатриации польский «Союз сибиряков». Она выступает по радио и призывает помочь репатриантам. На радио звонят две женщины. Людомира Завадская и ее дочь, обе из Легионова. Они покупают для одной из семей трехкомнатную квартиру.

В 1996 году Валерий снова приезжает в Польшу, теперь уже для того, чтобы подыскать жилье для всей своей семьи. Валерия, его бабушку и дядю вновь приютит в Хыличках Зофья. Его сестру Валентину с мужем и двумя детьми приглашает гмина города Прушков. Она дарит им две комнаты с кухней. Семья переезжает в Польшу в 1998 году.

Из Казахстана на имя Зофьи хлынет поток писем. На русском языке, но каждое начинается со слов «Нех бендзе похвалёны»^[2]. Поляки и потомки поляков пишут, что хотят вернуться на родину. Собирают документы о своем происхождении, депортации и реабилитации.

Букварь

Ян Шкорупинский из «Кресувки» рассказывает, как сложно было получить репатриационную визу: «Мы два года собирали документы, чтобы доказать свое польское происхождение. Его еще нужно было добыть из русских архивов: что мы были сосланы, затем реабилитированы. Все перевести и нотариально заверить. Ближайшая контора в Новосибирске, две тысячи километров от дома. Польские консульства есть только в Москве, Петербурге и Иркутске. От нас до Иркутска — тысяча километров. Это ближе всего. Консул жил в гостинице. Звали его Станислав Сокул, я помню, что это был хороший человек. Нам пришлось сдавать ему экзамен по польскому языку. Не знаешь языка — не поедешь. Родители разговаривали с нами по-польски, молитвы я знал, мама учила меня читать книги. Я раздобыл польский букварь, и мы с женой по нему занимались. Люба много писала, у меня же лучше получалось говорить. Когда мы приехали, консул помог жене снять шубу, у нее глаза от удивления на лоб полезли. Никогда раньше она не встречала

таких любезных чиновников. Потом консул велел мне что-то переписать, я подсунул листок жене, а сам стал с ним разговаривать. Она писала, я его отвлекал. Так мы и сдали экзамен.

Следующий документ — справка о несудимости. Из МВД в Москве (три с половиной тысячи километров) или из Иркутска. Мы опять поехали в Иркутск. «О, это будет стоить полторы тысячи рублей», — сказал нам чиновник в министерстве. Тогда это было около пятисот злотых. Я согласился. В Иркутске мы собирались заодно купить мяса на зиму. У нас его достать было нельзя. Накопили денег. Я подумал: «На остальное купим мясо». Чиновник позвал какую-то сотрудницу: «Выпиши квитанцию». Мы ждали почти час. Наконец она напечатала на пишущей машинке, что в качестве добровольной помощи МВД мы передаем им четыре с половиной тысячи рублей. Я потерял дар речи. «Ведь майор говорил, что полторы тысячи!». «Так это за одного члена семьи», — возразила она. Мы ехали с младшим сыном, делать было нечего. Остались мы без мяса.

Чтобы получить загранпаспорт, нам пришлось выписаться из квартиры в Усть-Илимске, а потом ее продать. В пересчете на польские злотые мы продали трехкомнатную квартиру за двадцать шесть тысяч. Перевод документов в Новосибирске тоже обошелся в копеечку. И нотариус. Визу получать — пришлось ехать за три с половиной тысячи километров в Москву. А потом еще собирать деньги на дорогу в Польшу. Ехали мы сюда семь с половиной суток».

Памятник сибирским ссыльным

В 1998 году однокурсница Зофьи по лицею уговаривает ее написать во вроцлавское отделение Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов, которое в это время ходатайствует о получении территории бывших советских казарм. Мать Зофьи находит документы, подтверждающие право на собственность на Волыни и дает дочери доверенность. Компенсацию они получают очень быстро, в том же году. Сорок квартир. Мать с дочерью решают все отдать возвращающимся с Востока полякам.

Зофья: «У меня была пенсия, я решила, что этого достаточно. Зачем мне, старухе, деньги? Счастья они не приносят. Семья — самая большая ценность, а большая семья — это настоящий клад. В Казахстане остались как раз такие многочисленные кланы поляков. Я знаю Казахстан и знаю, чего стоит там человеческая жизнь. Я сделала для репатриантов то, что должна была сделать для них родина».

История «Кресувки» началась в 1999 году, Зофье было семьдесят три года. «Два раза в месяц я ездила в Варшаву, в отдел по делам репатриации, решать вопросы, связанные с возвращением польских семей из Казахстана. Главная проблема — виза. Ее можно получить только при наличии всех документов, квартиры и работы. Квартиру я давала, работу помогала найти, но все равно чиновники создавали препятствия. От меня любезно отделывались. Например, когда госпожа президент Европейского союза полонийных организаций Хелена Мизиняк спросила у чиновников в МВД, кто такая Зофья Мертенс, ей ответили: «сумасшедшая, но безвредная старуха».

9 ноября 2000 года вступает в силу новый закон, согласно которому частные лица больше не могут приглашать репатриантов. Это могут делать только гмины. Но мать Зофьи еще успевает послать приглашения выбранным Зофьей семьям ссыльных. Через год ее не станет. «Я выбирала тех, — объясняет Зофья, — кто живет в северном Казахстане, потому что там очень тяжелые условия. И по профессиям: строители, механики, шоферы, чтобы можно было найти работу в районе Болеславца. «Кресувка» — это семьсот квартир, здесь могут жить три-четыре тысячи человек и нужны разные специалисты. Понятно, что ни у кого из репатриантов не хватит денег даже на ремонт. Каждому придется многое делать самому. У кого есть профессия, тому повезло».

Зофья теперь все организует сама. На нижнесилезских строительных ярмарках ведет переговоры с сотнями фирм, рассылает письма с просьбой помочь репатриантам. Но помощь фирм и других благотворителей не превышает десяти тысяч злотых. Когда Зофья просит вроцлавское отделение «Союза сибиряков» организовать разовый сбор пожертвований для репатриантов (каждый «сибиряк» получает двести злотых ветеранской надбавки, а некоторые также военную пенсию — несколько сот злотых), слышит в ответ, что это невозможно. Зато руководство отделения предлагает Зофье продать полученную компенсацию и отдать средства на памятник сибирским ссыльным. Зофья дает двадцать злотых на памятник и выходит из «Союза».

В какой-то момент другие члены Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов поговаривают о том, что по примеру Зофьи отдадут репатриантам в «Кресувке» несколько квартир. Но потом быстро все распродают, задешево и в таком состоянии, что жить там все равно невозможно.

Зофью обнадеживает один из банков, пообещав дать несколько десятков тысяч злотых на ремонт крыши. Не дожидаясь письменного подтверждения, Зофья в кредит берет на оптовом

рынке в Легнице материалы и в марте 2000 года начинает ремонт. «В банке, однако, прошла какая-то реорганизация, и вместо обещанных нескольких десятков тысяч я получила всего три. Кредит пришлось выплачивать из собственной пенсии, на мамину мы жили. Я впервые в жизни осталась без гроша и с долгами. Я всегда жила по средствам, поэтому было особенно тяжело. На сегодняшний день, к счастью, я полностью рассчиталась с банком, но это поглотило все наши сбережения». — рассказывает Зофья.

Никому вы не нужны

Весной 2000 года, когда в «Кресувке» еще не было ни воды, ни света, ни людей, туда вселилась молодая пара из Казахстана. Зофья: «Я всех предупреждала в письмах: никто вас тут не ждет, никому вы не нужны, рассчитывать придется только на себя. К тому же вас станут называть «русскими»».

Через два месяца закончился ремонт первой крыши. «Будете мне передачи в тюрьму носить, если я не справлюсь со всеми финансовыми обязательствами», — шутит Зофья.

На ремонт двух оставшихся крыш, водопровод и канализацию дает деньги Горно-химический комбинат. Ремонт помогает закончить варшавский фонд «Клуб 500». Оптовики разрешают выплачивать деньги постепенно, без процентов. Банк «Западный ВБК» дает семнадцать тысяч.

Семья Шкорупинских, которая приезжает в 2001 году, получает от Зофьи две квартиры: одну для себя, другую для детей. В 2004 году прибывают еще семьи. Клань Колодзинских, Донкинов, Рудковских. Польское государство дает им по восемь, а потом по десять тысяч злотых на обустройство и ремонт.

Ян Шкорупинский: «Мы все делали своими руками: электрика, подвесные потолки, утепление стен, покраска, полы, я даже камин сложил — впервые в жизни. Еще я вычистил в «Кресувке» десять труб. В Сибири нас приучили хорошо работать. Эксплуатировали людей по максимуму. В России как говорили — даешь пятилетку за четыре года».

Сначала Зофья подписывает с семьями договоры на безвозмездное предоставление жилья. Потом вручает им нотариальные акты собственности. После смерти матери в 2001 году ей пришлось приостановить этот процесс, чтобы вступить в права наследства. «Всего я поселила в «Кресувке» сорок семей, — радуется она. — Не всех из моего списка удалось сюда привезти. Некоторые получили приглашения от гмин, но я не могу узнать, где они сейчас — защита личных данных. Я бы очень хотела знать, как сложились в Польше их судьбы. Кое-кто написал, что очень благодарен мне за то, что я дала надежду, и

вообще за все, что я сделала, просто у них появилась возможность уехать в другую гмину. И они согласились». Ян Шкорупинский: «Мне так хорошо живется, что я, наверное, самый счастливый человек в Польше. Тут жизнь спокойная. У нас хорошие «сибирские» пенсии — около полутора тысяч злотых. Больше всего не хватает детей и внуков. Здесь сложно найти работу. Сын уехал в Англию, младшая дочь с мужем и детьми живет в Варшаве. Старшая — осталась в Новосибирске».

А кто без греха?

Были и такие, кто захотел урвать побольше. Вроде Василя, который едва здороваётся, потому что Зофья дала ему две квартиры, а не три.

Другая репатриантка получила квартиры одновременно от Зофьи и от одной из гмин. Она собиралась привезти родственников. Но не привезла, а квартиру в «Кресувке» выставила на продажу. Зофья ей написала. Репатриантка ответила, что разводится с мужем. «Бессовестная и жадная, — жалуется Зофья. — Я ничего не смогла сделать. Суд она выиграла».

Некоторые семьи друг с другом не разговаривают. Еще они не любят СМИ. Не хотят, чтобы журналисты совали нос в их жизнь.

Зофья: «Репатрианты очень недружно живут, не хотят вместе работать. Может, то, что они росли среди насилия, сделало их такими? Но это не воры, не пьяницы, не проходимцы, все живут более или менее честно. Может, за кем-то и водятся какие-то грешки, а кто из нас без греха?»

Зофья раздала все, что у нее было, и закрыла кадастровые дела. Говорит, что после возвращения из Казахстана для нее нет сложных проблем. Тамошняя нехватка всего, в чем нуждается большинство людей, чтобы жить нормально, оказалась для нее даром. Она помогла Зофье увидеть другое измерение жизни: «Не знаю, кем бы я стала, если бы не тот урок выживания. Сегодня люди готовы убить друг друга за несколько злотых, хотят все больше и больше, а ведь с собой на тот свет ничего не возьмешь. Мы рождаемся и умираем голыми».

Зофья основала Нижнесилезское общество для репатриантов «Рука помощи», поскольку, как она утверждает, Польша по-прежнему о них не думает: «Теперь дело за молодыми». Ведь в «Кресувке» все еще пустуют почти двести квартир. Членам Всепольской ассоциации кредиторов Государственного казначейства из пограничных регионов не все удалось продать. По примеру Зофьи их могли бы выкупить частные лица для репатриантов. Например, для поляков с Донбасса, которых

польское государство хочет оттуда забрать.

Зофья продолжает покупать на свою пенсию книги — хочет организовать в «Кресувке» библиотеку. Для этой цели она передала гмине два помещения (во втором находится клуб). В ее квартире по-прежнему хранится множество вещей. Например, книжные стеллажи, оставшиеся после ликвидации городской библиотеки.

Нет. В Бога она не верит. «Хватит того, что мои подопечные заботятся о спасении моей души. Молятся за меня», — смеется она.

Но в бумажнике она обнаружила документ о соборовании: «Когда я лежала в больнице, в коме, и врачи не были уверены, что им удастся вернуть меня с того света, мои репатрианты решили, что следует спасти мою душу, и привели ксендза. У меня даже медальон есть. Я не думаю, существует Бог или нет. Это не мое дело. Я знаю, как мне жить на земле по-человечески. А в вечную жизнь я верю, о да! Потому что на мне вырастет трава, и старуха превратится в прекрасный цветок».

Репатриация

Из доклада Высшей контрольной палаты следует, что результаты репатриации в Польше не слишком впечатляют. В последние годы в рамках репатриации на родину возвращается не более двухсот человек в год, а период ожидания занимает более десяти лет.

Согласно закону 2000 г., на репатриацию имеют право лишь лица польского происхождения, проживающие в местах ссылок и депортаций, то есть в азиатской части бывшего СССР.

Репатриация не охватывает территорию Украины, Белоруссии и Литвы, где также имеются большие скопления поляков. Для репатриации необходимо, чтобы один из родителей или бабушек-дедушек, или все прадедушки-прабабушки были польской национальности, необходимо также доказать свою связь с польской культурой и народом.

Если бы каждая гмина...

В 2009–2013 гг. лишь в 57 гминах (из 1 645 обследованных) поселились репатрианты. Высшая контрольная палата заявляет, что необходимо срочно внести изменения в закон о репатриации, чтобы все те, кому обещана репатриационная виза (в одном только Казахстане это почти две с половиной тысячи человек), смогли наконец переехать в Польшу.

В прошлом году центральный бюджет предназначил для этих целей девять миллионов злотых. Если бы каждая гмина

приняла одного репатрианта, Польша в кратчайшие сроки выполнила бы свои обязательства перед этими людьми.

-
1. От польского слова «крес» — граница, конец, край. Кресы — польское название западной Украины, Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав Польши, «восточная окраина».
 2. Начало католического приветствия: «Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!» — «Слава Иисусу Христу!»

Казахстанские ночи

На горизонте солнечные закаты граничили с восходами. Вечерняя заря, скрытая на долгие часы ночью, вновь пробивалась и, брезжа всё с тем же зелено-золотистым оттенком, расцвечивала кромку неба уже как восход. Это были два крайних момента, ограничивавших время моей ночной службы в казахстанском лагере, в Бурме. Еще до того, как совсем стемнеет, я приходила на помощь природе, вздымая клубы пыли метлой, связанной из нескольких прутьев. Тогда над большим двором уже поднимались высокие, густые и душные сумерки. После шести походов к пруду (6 раз по 1500 шагов), набирая каждый раз по ведру воды для шести деревьев, вянувших от дневной жары — я заставляла на земле почти уже ночь. Но небо еще светилось бирюзовым отблеском, словно фон для офицера из конторы и для инженера Наташи. Как раз происходила церемония опечатывания замков на дверях двух помещений склада ядохимикатов. Эти склады и их содержимое я стерегла из ночи в ночь.

Когда офицер спускался вниз, в подвал, чтобы вдавить печать в горячую смолу, мне всегда вспоминалось одно и то же: сторбленная фигура гуменщика с фонарем, висящим на пуговице куртки, и веселый парень, размахивающий жестяным бидоном. В пору бирюзового полумрака, который уже не достигал грядок петрушки, а фигуры идущих выталкивал из себя в виде темных силуэтов, они шли в подвал за керосином, за «канфином», как говорилось в моих краях. Физическое изнеможение лишало меня способности выборочно воссоздавать то, что накопилось в памяти за все годы жизни. Наверное, поэтому, сидя на скамейке у стены склада ядохимикатов, я смотрела на огоньки, которые еще теплились до урочного часа где-то внизу в окнах бараков — как на деревню, где жили хорошо знакомые мне когда-то люди. По той же причине и небо, полное звезд, было небом Войского^[1] из «Пана Тадеуша».

От таких послаблений воображение беднело и потом уже угасало смазанными контурами и пустело в запретной дремоте. Пробуждение приходило резко, будто от удара кулаком или укола иглой. Нужно было держаться в границах действительности, оставаясь в ясном уме и гневe. Ночь, во всей красе, неповинная в людских бедствиях, очаровывала по заданной программе. Звезды, прочно закрепленные на небе, перемещались вместе с ним по мере

того, как текло время. И эти, складывающиеся в рисунки созвездий, и те, пребывающие в одиночестве, и те, дробящиеся на мириады. Некоторые — в опаловом мерцании, другие — медные или бронзовые, застывшие в виде точек и шариков. Я не видела их сияния на высоком, словно стеклянном, небе. Зато я видела, как они бледнели, когда луна замораживала своим светом небо и землю.

Луна, неотвратимая, жуткая, появлялась за силуэтом сопки, восходя всякий раз на новом месте. Выныривала почти внезапно, красная и огромная, неважно, полностью или только четвертью, рогом, серпом ли выходила на небо. Выцветая, пусть даже только каемкой, она освещала землю, далеко открывала простор степи до самого ее соприкосновения с темной стеной севера. Здесь, близ стены домика, где спала инженер Наташа, и стены склада ядохимикатов, она отбрасывала тень, сглаживавшую неровности двора.

В степи фыркали кони, в глубине лагеря грохотала какая-то мельница, дробилка или мотор. За лагерем гасли и снова загорались фонари вдоль железной дороги. В одиннадцать часов проносился темный поезд. Луна на мгновение серебрила полоску дыма, эхо от сопки вторило стуку поршней, а свисток паровоза слышался уже где-то вдали, замедляя дыхание перед станцией.

Ночные голоса и видения подолгу обходились без людей. В моем воображении их не было, и мир, казалось, не нуждался в них. Сопки, сохраняя свои неизменно волнистые очертания, высились над крышами бараков. Порой крупные совы, снизившись в полете, на миг заслоняли луну мягкими крыльями. Зато летучие мыши своим хлопаньем заставляли мои веки врасплох. А иногда особо назойливый комар, которого не отогнал холодный свет луны, надоедливо жужжал у самого уха. Тогда случалось и ослышаться, ведь трудно было отличить жужжание комара от гула двигателя автомобилей, время от времени пробегающих по невидимой трассе. Музыка моторов раздражала степных волков, рыскавших вокруг коней на выпасе. Тогда лающий вой разрывал ночь, на время превращавшуюся в ад, полный жалобной ярости. Пастухи — заключенные из лагеря — поднимали крик, наконец-то выводя человеческие голоса на подмостки ночи. Но голоса эти походили на волчьи, с той только разницей, что в них слышался еще и страх. Испуганные кони, убегая из степи, мчались через двор склада ядохимикатов, украшая мои «сторожевые» ночи романтическим зрелищем.

Бывало, однако, что испуг надвигался издалека, из пространств, неохватных даже для догадок. Чтобы смягчить предчувствие, я назначала первое попавшееся место. Говорила: «Это за зоной». Винтовки своей пальбой расточали

аплодисменты для какой-то сцены, разыгрываемой человеком в одиночку. Где-то там он бежал, пригибался, полз. Выданный лунным светом, отталкивал свою тень, петляя по степи. Если он еще не упал, пригвожденный пулями, если еще бежал — степь втягивала его в себя пустотой, неразделимой на дни и ночи. Но винтовки начали круговой обстрел со всех постов лагеря. И человек уже стоял там, беспомощный, в ожидании неизбежной свободы. Его, агонизирующего, настиг приклад, над ним дышало яростью гнусное слово, на губах был соленый вкус иссохшей земли. Степь убегала в свою бесконечность наперегонки с небесным сводом. А небо так и висело надо мной, текучее, как глубокие, темно-зеленые воды. После того, что совершилось где-то там, оставалась только боязнь пространства. Степь. Степь...

Другой раз, когда луна сползала с неба, по дорожке, ведущей мимо склада ядохимикатов, скрипели караваны телег, запряженных волами. Медленно и долго тащились они, пока не добрались до хранилища овощей, предназначенных для столовых НКВД и отправляемых из Караганды в Москву для Кремля. Это всегда происходило в глубокой темноте и тайно, как будто скрытно от врага. Но казахи, невзирая на строгие запреты, тянули в ритме плетущегося каравана свое плаксивое «ай-ай-ай». Может, это были молитвы, может, сказки, а, может быть, всего лишь жалобы, которые распарывали недружелюбную к людям тьму. Однако, слушая эти причитания, я не испытывала эмоциональных реакций, потому что впадала в долгий, невыносимый голодный бред. Овощи — морковь, лук, огурцы, капуста, свекла, картофель — сырые, сочные, их хруст на зубах, сладость на нёбе, острота их запаха, их мучнистость, впитывающаяся в пищевод... Ослабленный голоданием желудок выполнял иллюзорную работу до обморочной усталости. Папироса, скрученная из газетной бумаги и щепотки сушеных цветов, щипала язык и высушивала слюну, не даруя никотинового забытья. В такие минуты уже ничто не давало забыться. От голода и недосыпания тело деревенело, а душа расползалась в клочья. Шатаясь на ногах, я пыталась хождением побороть безжизненность. Но мне приходилось останавливаться в каком-нибудь месте во дворе, которое вполне могло быть и серединой земного шара. Я стояла под небесным зенитом, втиснутая в ночь. Однажды в такой момент Бог приласкал меня молнией, отрезвил громом и покарал проливным дождем. С тех пор я стала молиться более пылко. Дождавшись «гудка» — непременно сигнала трубы, дающей знак гасить свет в бараках, я приступала к молитвам. Были они разные — и те, правильные, заученные, и собственные, сложенные из слов покорных и горделивых, простых и

патетических. Затем я добавляла к молитвам стихи, извлеченные из застывающей памяти. Эти светские строфы и рифмы я тоже подносила Богу. Я успокаивалась, приобретая какую-то жизненную уверенность, хотя слова стихов были о смерти: «Гафне с Аминой ночью той скончались...»^[2], «Беда стряслась нежданно — убила пани пана...»^[3]. Страдания и грех «стихотворных» людей я отдавала милосердию Божьему так же, как свои собственные страдания и грехи.

Но совсем близко был человек, неведомое существо — инженер Наташа. Она жила в своей избушке, что было знаком отличия. За умение травить паразитов на растениях и обеззараживать степную пшеницу ей причиталось это счастье одиночества. Койка на подпорках, стол, сундук и собственная керосиновая лампа в избушке-каморке, пропитавшейся запахом этих ядовитых химикалий, определяли положение инженера. Как обитательница «барака 100», где теснота, клопы, вши, блохи и мухи, где смрад воздуха, разговоров и лагерных обычаев отравляли хуже всяких ядов — я входила в Наташину избушку, как в уединенную часовню.

Наташа была еще молода и хороша собой. У нее было округлое, обожженное солнцем лицо, голубые глаза с покрасневшими белками, пшеничные косы, пышно уложенные вокруг головы, которая из-за этого казалась слишком большой. Живя в несколько лучших условиях, она сохранила какую-то деревенскую свежесть. Ее сдержанность явно была связана с моим иностранным происхождением. Мы кратко рассказали друг другу, кто мы и за что здесь. Этого требовали «светские» обычаи, не отменявшие, однако, взаимного недоверия. Наташа была коммунисткой, приговоренная, подобно множеству других, к лагерю за какие-то непонятные для меня уклоны или идеологические ереси. Ее лишили свободы «за мужа», который тоже чем-то провинился перед догмами и режимом.

В лагерной системе, хотя все происходило в одной плоскости непосильного труда, голода и унижения, существовали, однако, различия и своя иерархия. Так, инженер Наташа выражала свою благосклонность ко мне словами и жестами, свойственными вышестоящим. А может быть, именно так — сдержанно и официально — проявлялась ее безнадежная тоска по несбывшимся замыслам в работе и науке, по обманутым чувствам и потухшим огням личной жизни.

Я наблюдала за ней со стороны. Она вошла в безлюдье моих ночей, чтобы я снова начала упражняться в проницательности, делании выводов, складывании сюжета. Но, в то же время, я избавлялась от эгоцентризма, столь мучительного в таких условиях. Ведь человек, лишенный свободы, постоянно пытается добраться до своей сущности, чтобы поспешить

спасти ее от гибели. Вспоминая прошлое, противостоя настоящему, отчаявшись или сопротивляясь, выполняет он эту предупредительную работу, одновременно осознавая, что теряет физические силы и духовные ресурсы. Так умирает человек, больной раком или кавернозным туберкулезом, именно так, как постепенно погибает, упрямо борясь за свое отмирающее «я» — советский лагерник.

Наташа населила мой ночной, лунный, звездный, либо затемненный мир не только собой. Ее иногда навещали знакомые, которых я тоже пыталась распознать по блеклым признакам жизни. Сопоставления помогали многое в них объяснить, а обретая знакомые мне человеческие черты, они пробуждали сочувствие. Не догадываясь об этом, они стали моей заботой и беспокойством.

Особенно я ощущала это, когда приходила Шура. Не приходила, а прокрадывалась в сумерках. Ее белый халат — ведь она была помощницей инженера, то есть кем-то вроде лаборантки — нежданно выплывал из степи. Она шла оттуда, избегая встречи со «стрелками». Тогда Наташа запирала дверь изнутри, и, после долгих минут или даже получаса тишины, дом как будто начинал дрожать от взволнованных, ритмичных слов. Это декламировала Шура. Иногда мне удавалось уловить рифмующиеся строки, иногда слово кричало в протесте или надрывалось в плаче, чтобы потом постепенно и долго замирать, как человек, измученный пытками. Но бывали и фразы, полные нежности, молодые, капризные, красочные. Наташа сказала мне, что на воле Шура была артисткой. Говоря это, она будто бы оправдывала подругу, которая все еще не желала забыть о том, что сгинуло. Несколько раз я видела Шуру почти засветло. Она походила на цыганку, но ее огрубевшая, шершавая кожа была цвета киновари, словно натертая кирпичом. Шура была маленькой и настолько худой, что белый халат, казалось, скрывал в себе просто стебелек с ветками. Тем необычнее смотрелись ее слишком большие руки, как будто расплюснутые кузнечным молотом. Когда, здороваясь с Наташей, она брала в эти свои руки ее лицо, выглядело это, как если бы она несла в них выпуклый горшок либо арбуз.

После декламаторских вспышек Шура выбегала из Наташиного домика — ничуть не успокоившись. В слезах, почти крича, она восклицала: «Спокойной ночи!», и какое-то время еще была видна, порхающая, как белый мотылек над сухой, посеребренной лунным светом степной травой.

После нее оставалось беспокойство. Когда она уходила такой взволнованной, Наташа долго стояла ночью на пороге домика и, произнося банальное: «чудесная ночь» или «душно в избе», смотрела, как я перебинтовываю раны от цинги на ногах, как достаю из полотняной сумки зачерствевшие крошки из

дневной порции хлеба и скупое выделяю их сама себе, чтобы хватило на всю ночь. Нам нечего было сказать друг другу, ведь мы и так знали свое положение. Наше молчание пересекало разделявшую нас дистанцию в два-три метра, подобно ниткам в мотке, который держат в руках двое. Кто-то — так мне тогда казалось — сматывал из этих ниток клубочек, нет, целый клубок величиной с футбольный мяч. Кто-то подбрасывал этот мяч ногой. Подбрасывал так высоко, что тот повисал луной в небе.

Так я размышляла, тоже полная беспокойства, одичавшая от молчания и уже неспособная контролировать видения. Наташа говорила деловым тоном: «Вам нужны витамины, ведь у вас цинга». Уходя, так же по-деловому напоминала, чтобы я разбудила ее утром, когда протрубит «гудок». Я опять оставалась одна перед лицом расстилавшейся ночи. И снова возвращалась к видениям, которые теперь нужно было заставить вернуться.

Ведь самого желанного было недостаточно, требовалось некое внутреннее воссоздание форм и красок. Приходилось помогать себе, зажмуриваясь, сдавливая виски, даже сдерживая дыхание. Лишь тогда появлялась картина, всегда одна и та же. За сопками, скорее, над ними — зарево, а на нем очертания города, башни соборов, небоскребы, заводские трубы, ломаная линия крыш. Город был черным на этом красном фоне. На ближнем плане виднелись телеграфные столбы, соединенные проводами. На проводах сидели ласточки. Вот и всё.

Вглядываясь в этот далекий город, я, в сущности, уже обладала всем тем, что могла извлечь из небытия. Я не желала ни быть в этом городе, ни знать, что это за город. Только ласточки меня удивляли. Откуда они могли тут взяться, когда в этой Бурме и воробьев-то было немного. Птицы избегают голодных людей, а может быть, это голодные люди истребили птиц, не насытившись ими. Стоило, однако, удивиться этим ласточкам, как вдруг на фоне зарева над городом начинали летать стаи птиц. Они летели, плыли, клубились, мелко рассыпавшись, будто комариный рой. Это птичье движение становилось, в конце концов, монотонным, как сон. Без сомнения, это и было засыпанием.

Я просыпалась так, будто меня предупредили. И действительно — издалека, от овощехранилища, от конюшен, от гаража раздавались с перерывами голоса других ночных сторожей: «Кто идет?» и глухие ответы: «Свой!». Это шла «проверка», обход, ночной контроль. Сторожат ли сторожа, не заснули ли? Доносился негромкий разговор, или выговор на повышенных тонах с обещанием наказать. Я уже ждала с краю двора, вооруженная словами: «Кто идет?». Одна или две тени сходили с дороги и говорили: «Свой!», шли к замкам проверить печати.

Когда приходила только одна высокая тень, всегда звучал и дополнительный вопрос: «Инженерша спит?». — Я отвечала: «Спит». Тень входила в дом и какое-то мгновение возилась в избушке. После чего выскакивала в гнев, ругаясь, плюясь, крича в мою сторону: «А ты не спи, стереги, как собака, имущество советской власти!». Вскоре на порог выходила Наташа в куцей ночной рубашке, и ей теперь уж приходилось говорить с «чужой», теперь уж приходилось объяснять: «Нельзя закрывать дверь изнутри, такое распоряжение в лагерях». А потом почти нежно: «А вы не спали, когда он пришел?».

Не знаю, рассказывала ли потом Наташа об этих ночных визитах инженеру Ивану Кирилловичу. Тот приходил с вечера, после работы, оставляя на гравии косой след от хромой ноги. Не застав Наташи, он садился рядом со мной на лавочку, и мы с ним как бы немного беседовали. Иван Кириллович говорил по-французски и по-немецки, понижая голос до шепота. Он отбывал свой срок уже шестой год и сам превратился в какое-то серое нашептывание. Его вытянутое, впалое интеллигентское лицо тоже посерело. А в легких у него была серая мокрота, лишь слегка расцвеченная прожилками крови. Мы не говорили о личном. Но однажды, глядя прямо перед собой на заходящее солнце, на эту разливавшуюся по краю земли красную лаву — я призналась ему, что молюсь. Он по-детски улыбнулся и спросил: «А какой от этого толк?». Мы горячо, по-студенчески, спорили об этих вопросах. Инженер держал в руках букет степных цветов, он всегда являлся к Наташе с букетом. По вороту его потертого пиджака ходила вошь, крупная, величаявая. Мы курили папиросы из сушеных трав и постигали истины бытия. Мы не собирались переубеждать друг друга, потому что каждый из нас считал свои аргументы настолько неопровержимыми, что лишь оттачивал заключительные тезисы. Наконец лицо Ивана Кирилловича просветлело от восторга. Издалека он увидел возвращавшуюся Наташу. Но она была не одна — рядом с ней порхал белый халат Шуры.

Через приоткрытую дверь до меня долетал разговор, негромкий и чинный. А еще доносился резкий запах лука и редиса. Именно для этого был нужен широкий Шурин халат — догадалась я. Они украдкой ели ворованные с огорода овощи. Когда они закончили, первой выскользнула Шура, на этот раз успокоенная. Звучным голосом «актрисы» пожелала мне спокойной ночи. Ее запекшиеся губы были влажными. Спустя немного времени, по двору проковылял Иван Кириллович. Наташа вынесла очистки, чтобы закопать в землю. К этому делу она подходила серьезно. Старательно притоптала землю, как преступник, который закапывает свою жертву и замечает

следы. Проходя мимо, она не смотрела в мою сторону. Когда уже совсем стемнело, Наташа неожиданно вышла ко мне. В потемках она коснулась моей руки своей теплой ладонью, а потом я почувствовала холод каких-то предметов. Я вздрогнула, не сразу узнав их по форме. Еще раньше они выдали себя запахом овощей и земли. Наташа сказала: «Поправляйтесь», предупредив еще, чтобы никто не видел, потому что нельзя, потому что за это строго накажут. Я надкусила огурец. Но даже зубам его не хотелось. Во рту он был, как кусок пробки, который никак не желал проходить через пищевод. Когда-то в детстве я подглядывала за нищим, который, сидя под дверью кухни, лениво жевал какую-то вынесенную ему еду. Глотал ее, давясь. Остатки он бросил в мешок. Тогда я подумала, что, значит, не так уж он и голоден, раз не съел всё. Теперь и я сложила остатки в свой полотняный мешочек. Точно так же.

Как-то под вечер завернул «буран». Широкими волнами шел рыжий от песка вихрь. Лагерники с тревожными криками разбегались по баракам, но те, у кого ночная служба, должны были в назначенное время идти на пост. Я пробивалась сквозь «буран», который дул мне навстречу. Гравий сек по лицу, по цинготным ранам. Поток ветра бил жестко, как таран. На дворе складов с ядохимикатами крутился вихрь. Здесь у него был облик высокой дамы времен сецессии. Я запуталась в развевавшемся шлейфе ее платья и не могла двинуться с места. Вдруг «буран» спал и как будто погас.

И все же ночь была бурной. Молнии скалились на горизонте, либо падали ракетами по небесной дуге. Гром то опасно приближался, то вновь ворчал где-то за сопками. Порой тучи открывали свои формы на частично очистившемся небе. Зато ливень с плеском и шумом обрушился уже из сплошной черноты. Я стояла под карнизом, представлявшим собой иллюзорное укрытие. Как обычно, пронесся поезд, как обычно тарахтела мельница или мотор. С крыши комком грязи скатилась убитая ливнем летучая мышь.

Когда гроза прекратилась, влажная темнота прильнула ко мне так тесно, что мне пришлось и дальше оставаться в неподвижности под карнизом. Наконец, я решила отыскать лавочку. Я стряхнула с нее воду, и мне казалось, что, сидя, я отдыхаю после тяжелой работы. Работы, которую я все же одолела. Тишину дробил плеск падавших с крыши капель. Теперь мне нужно было привести в порядок мой ночной мир. Сначала стороны света, потом значимые места: гараж справа, чуть левее овощехранилище, прямо, за бараками, хлева и конюшни. Порядок. Теперь люди: Наташа спит в своей избушке. В грозу хорошо спится. Иван Кириллович сегодня уж точно не рвал цветы в степи. Лежит на нарах в бараке, отхаркивает

мокроту, курит вонючие папиросы. Шура подмешивает стихи к ветру, к молниям. Меня затрясло то ли от смеха, то ли от озноба, ведь моя одежда промокла. Но, на самом деле, я смеялась над Шурой, которая декламировала, только когда бывала голодна.

Меня это развеселило, словно удачная шутка. Я смеялась вполголоса, чтобы послушать, как звучит веселье. Вдруг я услышала уже не свой смех, а короткие, тупые револьверные выстрелы. Подряд — шесть. Они прозвучали после чьего-то тревожного крика. Когда выстрелы затихли, раздался протяжный женский стон. Потом, с паузами, повторился несколько раз и замолк. Все это происходило где-то возле овощехранилища. Я вскочила с лавочки. Колебалась, разбудить ли Наташу, сообщить ли ей. Все же я сделала это.

Когда я сказала Наташе о выстрелах и женском крике, она даже не подняла голову. Так и лежала под тонким серым одеялом, сжавшись, как ребенок. Сонно спросила: «Где так стреляли?» — казалось, ей безразлично, была ли стрельба у склада, на огороде, за «зоной» или где-то еще. Я только заметила, что ее начала бить дрожь. Зная об этом, она сильнее прижалась щекой к подушке-сенничку, уткнулась губами в наволочку и закрыла глаза, будто снова погружаясь в сон. И, как сквозь сон, забормотала: «Все сдохнем... замучают... убьют... нелюди...».

Ночь была черной, пахла водой и землей. Но поднимался розовый рассвет, и внизу засверкал пруд, похожий на ракушку. Как всегда на рассвете, стучали зубы, и от озноба стягивало кожу. Трубач возвестил рабочий день разом с солнцем, которое разгоралось за сопками.

Возвращаясь в барак, я с трудом передвигала ноги, не гнувшиеся после ночи. Обходя лужи, поздоровалась с маленькой дворняжкой с гноящимися глазками. Ее взъерошенная от струпьев шерсть была серо-зеленого окраса, сливавшегося с цветом грязи. Она всегда некоторое время бежала за мной. В этот день, сопровождая меня подольше, она неожиданно залаяла. До этого я никогда не слышала ее голоса, который раздался так внезапно и звучно, как будто подавал мне какой-то сигнал заливистым лаем. Я почти поняла его, но не сразу посмотрела в ту сторону. Лишь когда собачонка, взъерошенная больше обычного, побежала туда, я взглянула мельком. Овощехранилище стояло в центре огорода, среди молодых, не плодоносивших еще фруктовых деревьев. Его глиняная крыша после ночного ливня была гладкой и блестящей.

Я смотрела, не останавливаясь, ведь так требовали лагерные правила. Там, на огороде, были люди. Шапки «стрелков» выделялись своим цветом. Я заметила, что люди поднимают что-то с земли, что они строятся, что, наконец, трогаются с

места. Между серыми фигурами несущих забелело то, что они несли. Я ведь знала об этом еще вчера ночью, знала об этом уже давно, еще с того момента, когда впервые увидела Шуру в белом халате!

Перевод Владимира Окуня

1. Войский Гречеха — персонаж поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш». В VIII книге поэмы он излагает причудливую историю появления на небе созвездий — *Здесь и далее примеч. перев.*
2. Из поэмы Ю. Словацкого «Отец зачумленных» в переводе А. Селиванова.
3. Из баллады А. Мицкевича «Лилии» в переводе А. Ревича.

«Меня зовут Майдан»

Отрывок из романа

Да и то, правду сказать, виноват в наших невзгодах да неурядицах не кто иной, как я сам. Ведь сразу, как только мы уехали, папаша начал в город наведываться. Мол, в Бохум позвонить из автомата — у нас и телефона тогда еще не было — а если по правде, то по кабакам шатался до полуночи. А вскоре еще и книжки начал в дом таскать, что уж точно к беде или к чему плохому. Сколько раз ему мамуля объясняла:

«Неизвестно, вернется ли Петро из Бохума, так зачем нам опять неприятности в семье. Окно бы лучше позатыкал, воды на ночь начерпал, ведь неизвестно, будет она завтра или нет... К чему тебе еще на старости лет забивать голову бумагой да мыслями, которые решеткой пахнут, да Сибирью погибельной отдают». А он за свое. За свое и всё тут, как будто этот мой отъезд открыл в нем тайную защелку, старую кровь пустил, которая уже было застоялась, а теперь вот заиграла, закипела. А он ведь тогда уже был на пенсии, давно на печень жаловался. И вообще его теперь было не узнать. С лица спал, но и как бы возмужал, движения сделались быстрыми, но как бы медленными, молчалив стал и сосредоточен, при этом порой красноречив, а еще духом силен. Бакунова все его расспрашивала, зайдет то якобы за солью, то за мукой, внимательно смерит взглядом всю его наружность от головы до пят и скорее бежать домой, за кастрюлькой на плите присмотреть. А кто так дотошно, да со вниманием выпрашивает, вскорости может всезнающим стать, вот и с ней такое бывало. Еще в тот же вечер к соседкам подсядет, чтобы свежей новостью, словно пшеничным хлебом, поделиться, а те знай ей поддакивают, что, как пить дать, в Киеве у него любовница. Все же видали, как он перед университетом в толпе студенток шагал, держа какой-то плакат, а у одной сиськи совсем наружу, и надпись на них черной смолой: «свобода!» — поди, самим Вельзевулом намалевана.

Подолгу и с горячностью призывали они друг дружку к бесстрашию в повседневной жизни, до позднего вечера проливая слезы над несчастной Ольгой, пока папаша где-то снова заказывал для всех выпивку, вглядывался, будто бы не глядя, в двоих товарищей своих и, не слушая, жадно прислушивался. Один из них как раз говорил, что сила не от

гнева бывает, а от достоинства. Много при этом приводил он примеров, как народы, униженные сверх всякого терпения, не раз из-за вождей, либо просто главарей своих, впадали в дикое безумие, которое потом уже, лишенное всяких тормозов, обращалось в дьявольскую жестокость.

— А нам не гнев будить, но силу. А она проистекает оттого, что мы объединены верностью и уважением. И именно в том свое достоинство обрели, что готовы скорее погибнуть, нежели предать общее благо!

Вот так один из них высказался, а одет он был в темное пальто, под которым радостно поблескивал оранжевый шарфик, будто знак надежды. Тут же каждый получал от него кипу бумаг, прятал в портфель и с высоко поднятой головой выходил на улицу, которая, пусть и темная, казалась им теперь светлой и прямой, как луч, падавший как раз с далекого неба, от недвижной и мрачной, как наша история, звезды.

— Ах, история! Незаживающая наша рана, наш внутренний разлад! Велики мы в тебе и малы, прекрасны и заурядны. Как во всем мире, так и в тебе уживаются священный ужас и будничные дразги, страшное и смешное. Мы ухватились за тебя, как за героический гимн, а его уже окружает серая повседневность, подобно шутовской процессии вокруг благородного монарха. Хотелось бы, очень бы хотелось, жить только в силе твоей и величии, но просыпаются будни, а с ними странная ирония, как будто мы в тебе, а в то же время и вне тебя. Вот, поем о себе, находясь внутри героического сказания, и в то же время где-то далеко, в таком месте, откуда видно не только высокое, но и жалкое — мелкие щели человеческой жизни, которую нужно принять и в величии, и в малости, ведь она наша, а не чья-то еще. Так и у нас было, ведь пока все мы недоверчиво, хоть и с растущим уважением наблюдали перемены в батке, мамуленька сохла в темноте от безмерного горя, сжималась вся от беспокойства, не имевшего ни явного источника, ни названия, разве что в травмах детства. Вроде и радовалась она, что он теперь такой городской да просвещенный, что сделался настоящим украинцем, а от советского языка и прежнего своего большевизма, как от сатаны в церкви, отрекся. Ничего ведь не скажешь, сам, по своей воле в храм ходить начал, порой даже всю службу выдерживал. Ну и что с того, раз у мамы от этого никакой поправки здоровья не случилось, а только ухудшение и пароксизм. Ну, не сразу, конечно, а стало заметно, может, только месяца через два, когда лето постепенно начало погружаться в туманы, листья бледнеть, а Григорий пришел в отпуск из армии. Он как раз сидел в кухне, когда она вернулась пораньше с работы. Глянул — видит, что обед с больничной кухни, как обычно бывало, не принесла, только курицу купила

на рынке и тут же бульону наварила с клецками. Он уже собирался что-то сказать, да она его опередила:

— Ешь, дытына! — говорит. — Ешь, рыбонька моя! — И гладить его начала по бритому затылку, он аж вздрогнул, на пол сплюнул: ведь у нас, чтобы погладить — такого и в заводе не было, теплое слово-то редко услышишь. Не помогло, хоть харкал он всё гуще и еще сопеть начал. Минуты не прошло, а она снова гладить принялась:

— Ешь, ешь так, будто в последний раз среди родных угощаешься. Всё же страшное дело расставаться, когда печаль, как старая овчинная шапка, накрывает тебя в дороге средь бела дня. Уж и мне немного дней осталось, раз бессилие высасывает все желания, а солнце темнеет и становится маленьким, с денежку.

Ох и напугался Григорий! Наверное, первый раз в жизни напугался, побежал к Бакуновой за советом: может, врача или, может, психиатра, а Бакунова только головой покачала — ведь, известное дело, если уж солнце с денежку становится, тут уж ни врач, ни психиатр никакой не поможет, только бабка-шептунья, что у леса живет, старая Грынёва, колдунья наиудивительнейшая. Так что, собрался он с утра, грошей прихватил и бегом, помощи просить, а тут бабка-чародейка как раз из лесу хворост тащит. Он еще и не разглядел ее, а уж крикнул «Слава Богу!», а потом любезно помог, дрова на кусочки порубил, под плитой разжег, хоть внутри у него всё горело жарче огня, что жадно вспыхнул из щепы сосновой. А Грынёва спокойно поставила горшок на конфорку, чистит ножиком картошку и говорит своим тихим, хриплым голосом: — Взоры злые да презрительные, что мир бросает в нашу сторону, только добрым и сознающим свое достоинство взглядом отворотить можно. Пусть батько ежедневно вечером хотя бы с полчаса поглядит заботливо на молодницу свою, а утром даст ей два яйца всмятку, скорлупок же не выбрасывайте, а потолките в ступке и на кончике ножа добавляйте в обед. Потом, купите гарной вашей дивчине шоколаду да корицы. И, пока еще можно, собирайте свежую крапиву, пускай сок пьет или хотя бы несколько листков в день съедает. А если крапива померзла, дам вам сушеной да валерианова корня, что сон приносит и сладость.

Ну, стали собирать. Сперва оба, а потом один Дмитро: Григорию-то пора было назад в армию ехать. И младший наш удалец хорошо себя показал, хоть тогда еще и школу не окончил, и в голове у него было пусто. Через день ходил аж за железную дорогу, за лес в дубраву, и там косил крапиву обильно, пока мороз все не побил, листья не зачернил. А дома крутил сок на чугунной машинке, яйца самые лучшие у Бакуновой покупал вместе с корицей, а шоколад папаша

привозил из Киева, но только наш, в Виннице сделанный, получше швейцарского или бельгийского. И еще всё говорил ей о достоинстве, которое произрастает из верности, то есть из того, что многие отказываются от эгоизма и душу свою склоняют к общему благу. И так смотрел на нее, с какой-то, именно что убедительной силой, так всматривался в глубину очей молодницы своей и так заговаривал, что постепенно поднялась кормилица наша, хранительница истинная, дражайшая. В ноябре она совсем уже поправилась, потому что папаша наш теперь дома сидел, листовки печатал, и лишь время от времени выходил, на деревьях да на заборах их поклеить. А что уж он при этом людям наговорил, то всё его: что тот, кто Украине доверится, это, как если бы он доверял любимой жене своей, и как если бы прекрасного наследника своего зачинал тот, кто голос свой через отверстие в урне отдаст за «Нашу Украину». И люди-то слушали его по-другому, ведь в глазах его горел какой-то новый огонь, и даже мамуленька слушала с восхищением, особенно это, про жену. Он ведь теперь уже не спал на веранде — как летом — а в комнату вернулся. И вообще тогда всё просветлело, целые недели были окрашены в приятные цвета, которые побуждают к действию. Тут батько и комнату ладно покрасил, а на Рождество, хоть никогда так не делал, украсил елку маленькими апельсинами и кожуру по углам разложил для запаху.

Странное же наступило тогда время: необычный октябрь, а декабрь еще необычнее. Вроде бы по-прежнему темный, а вот на удивление светлый — жаркий в холоде своем, а в суровости мягкий. Можно сказать, что зимой посетила нас поздняя весна, чтобы на морозе вывести из-под снега первоцвет. Всё ведь таяло на глазах. Лед, который порой десятилетиями нарастал между краями страны, вдруг как будто начал лопаться. А тот, что за годы вырос между людьми, какое-то неведомое, но горячее дыхание превратило в ключевую воду. Была она чистой и прозрачной, кое-кто и глаза ею радостно промывал, и все тело, чтобы не только новыми глазами на мир посмотреть, но и всю свою кожу от старой грязи отчистить и как бы в свежую одеться, чтобы стать новым человеком для времен воистину небывалых. И многие тогда — к великому общему делу повернувшись — ощутили в себе неведомые прежде силы и настолько сами к себе прониклись уважением, что к другим выходили, протянув руку и раскрыв настежь сердце. Точно так же было и у нас, когда где-то сразу после 25 ноября, после знаменитой речи Валенсы, батько наш принес с Майдана маленький значок с надписью «Солидарность», и тут же, на другой день, спрятав его в карман своего выходного костюма, отправился электричкой в нежданное, но давно ожидаемое

путешествие. Ведь ехал он недалеко, а и очень далеко, к теще своей. И недолго длился его путь, вроде бы полчаса, а и целых двадцать лет, которые, совсем как горы, покрытые ледниками, пролегали между ними, никак не давая проходу. Ведь уже не одна экспедиция сгинула на их крутых склонах, не одну увлекло лавиной вниз к гибели. Потому-то опасным было это путешествие, но и безопасным, ибо с другой стороны, словно по наитию, вышла на порог дома добрая старушка, застегнула ватную безрукавку и, в калошах, подвязанных веревочкой, направилась к калитке, закрытой на щеколду, а и как бы открытой в неведомое. Ведь что тебе известно о человеке, который может в один миг перемениться? Что знаешь ты о своей теще, а хоть бы и о зяте, с которых в одно мгновение будто сошла, подобно змеиной чешуе, старая форма, открывая свежее тело, а под ним совсем новый и непохожий дух?

Не видел этого Федор Михайлович Достоевский, хотя, может, и видел в небесной писательской отчизне, сидя на троне, как в гарвардском учебнике. А увидев, сразу же другим представил это в настоящем времени: как Василий Майдан, выходя из сада, словно Родион Романович Раскольников, приближается к калитке, а сразу за ней — там, где пересекаются полосы буряка и моркови — именно там, глубоко кланяется теще своей, и потом, встав на колени, четырежды целует землю. А затем поворачивается к востоку и западу, к югу и северу, громко свидетельствуя о своей прежней духовной зиме и слепом бессилии, и прося милости не у одной бабули, а и у всего мира, и всякого создания. Не видел этого и Лев Николаевич Толстой, хотя, возможно, и видел, сидя на другом троне, словно за оксфордской кафедрой. А видя это, рассказывал другим, как Анна Феликсовна Майдан, восстав из могилы презрения своего, подобно воскресшей из мертвых, раскрыла перед Василием душу свою, как восемь благословений Господа нашего, и сама, пролив не одну горькую слезу, также о прощении просила за дурные мысли, да за высокомерие, за минуты слабости и тщеславия.

Но лучше других подметил это не столь известный обитатель потустороннего Парнаса, рожденный в селе Новица неподалеку от Горлице, Богдан-Игорь Антонич^[1]. Вот он-то своим юношеским оком сразу всё высмотрел с отдаленных небес, чтобы тщательно облечь в благородную форму думки и препоручить для пения нынешним бандуристам. А говорилось в ней о том, как было отважному Василию нипочем, что сбежались люди, нипочем ему были издевательские усмешки и слова, какие своим лезвием могли бы многим отсечь голову. Сказано там, что бежал он до тех пор, пока седовласая бабуленька не остановилась в опасении, что не сумеет его остановить, протянув руку с клюкой. Говорилось еще, что

пронзительный плач вконец разорвал ему грудь, когда упали они в объятия друг друга, а бабуленька, уронивши палку, сама плаксиво запричитала: «сынку мой, сынку...». И в четвертой строфе дал еще нам понять поэт, что более ничего уже не могла она вымолвить, только слезы их капали на землю, а там, где больше всего натекало, лед сразу же таял. А в пятой он имел в виду, что дивились этому люди, но и не дивились, а милейшая бабуся потом на этом месте ни свеклы, ни моркови уже не сажала, только георгины, блакитные и желтые, а за ними благородную гвоздику, червонную да белую. И лишь через год Бакунова начала рассказывать, что они сами там вырастают — на том месте, где свершилось семейное чудо — в виде знамения для городка, а может, и для всей земли нашей, истерзанной и прекрасной.

Ведь слишком уж быстро все это творилось, слишком далеко от повседневных мыслей — так скоро, что даже она, соседка наша, что всегда всезнающей была, стала не поспевать. Возможно, было это настолько смелым, что лишь самые смелые и разумели. А среди них был наш папаша, потому как именно в нем свершилось величайшее знамение, и нет в этом ничего странного, ведь самые большие чудеса всегда находишь не где-то еще, а в человеческом сердце. Он-то, уже вновь познав однажды вечером в Киеве свое достоинство — что из верности происходит и душу нашу соединяет не с одними людьми, но и со всей природой — он-то делами засвидетельствовал, что всяк способен в любой миг восстать из смердящей гнили и упадка своего и повернуть к общему благу знание свое.

А знал он теперь обо всем, как никто другой, ой, знал! И о значении единства, и о чести и ее правах. Умел и превосмогающие слова извлечь из глубин сердца, вырвать косные умы из зимней лени, подобно Вернигоре^[2]. Еще тогда был он навеки прозван нашим провидцем, когда как-то показали его по телевидению, как он одним прыжком взлетел на перевернутый мусорный бак, чтобы, в страшной своей мощи, во все горло прореветь «я — Майдан!» и «Слава Украине!». А ведь кто умеет бросить действенное слово, того и чужое слово может сильно задеть, а порой и тяжело ранить. Так, не раз бывало, что батько из Киева возвращался в синяках, а однажды его, серьезно побитого, к самой хате, сигналя, привезла неотложка. Выходят не спеша два санитар в форме, головы от холода в балаклавы упрятаны, папашу под руки ведут, да он прямо на пороге у них вырывается! — Ничего, Ольга! — кричит. — Что нам беркутовские раны, когда мы как народ Украины обрели свое достоинство и незалежность, когда мы, наконец, великими стали, однако ж, не чужим величием, а собственным, Майданным!

Струхнула мамуля, у нее уже и Магадан, и Колыма перед

глазами пронеслись, но тут же начала кровь под носом останавливать, промывать йодом раны. Были они, однако, неглубоки, так что вскоре папаша, как и положено провидцу, сам уже смог себе стопку налить, а через несколько дней совсем поправился и стал обмозговывать новогоднюю ночь, ведь обещала она в этом году быть шумной, как никогда. Чего там только не было! Как Дмитро подсчитал мне в письме, вся отцовская пенсия закончилась в одну неделю, и опять пришлось занимать у бабуленьки. Мамуля налепила, наверное, с сотню пельменей, принесла засахаренного сала, а горчица к нему была козацкая, да и горилку гнали не из чего попало, а из нашего жита, с которым никакое другое не сравнится. Сразу же после телевизионной речи премьера, когда уже ясно стало, что идут новые времена, собрались наши соседи, даже из Киева приехало несколько отцовских друзей, а еще раньше объявился дядько Юрий из Запорожья, равно как бабуленька наша волшебная и Григорий, который насовсем пришел из армии. Он тоже героем стал в ту чудесную ночь, уж так он красиво излагал, как они в казармах все, как один, взбунтовались, что, мол, на братьев руку не подымут, крови родной не прольют, и как сам командир им поклялся, что их часть будет Майдан защищать, а у кого фамилия Майдан, тот безотлагательно может стать ординарцем генерала, а в будущем даже адъютантом. А как выпил козак наш brave, то еще краше рассказал о своем глубоком овладении воинской наукой, так что теперь может он коктейли Молотова мастерить из бензина, либо из пенопласта, и даже петарды из селитры. Тут же они с Дмитрием устроили показ фейерверков, ранее в дровяном сарае домашним способом изготовленных и припрятанных. Потом все лихо танцевали до рассвета, а слепой Семен на гармонии играл, пели и чудесные украинские песни, да и польские тоже. Все там и остались до Рождества, постелили им на чердаке в бабкином хлеву, а в Святой Вечер уселись за стол, просфору любовно меж собой разделили, и даже бабуся не жаловалась, что ей чесноком несет с четырех концов стола, а поставила посредине кутью собственной готовки, да вместе с другими отложила по пшеничному зернышку для духов наших предков, которые в эту святую ночь слетаются в родную хату. Ведь и на кладбище побывали, а потом в церкву пошли на Великое Повечерие, и, прежде чем лечь спать, еще душевно целовались, еще заверяли друг друга, что теперь настанут новые порядки, аж батько наш могучий не выдержал и на рассвете заорал во все горло:

— Ну, братья, теперь-то, наконец, у нас Европа!!!

Войцех Кудыба (р. 1965) — польский поэт, критик, историк литературы. Профессор кафедры современной литературы в Университете им. кардинала Стефана Вышинского в Варшаве, автор нескольких поэтических сборников, лауреат многих литературных премий. Книга «Меня зовут Майдан» (издательство «Вензь», Варшава 2015) — его дебютный роман.

1. Богдан-Игорь Антонич (1909—1937) — украинский поэт, прозаик, переводчик, литературовед. Родился на Лемковщине в Карпатах. Для его поэзии характерны философичность, религиозные и космические мотивы.
2. Мосий Вернигора — легендарный украинский старец-провидец, казацкий лирник XVIII века.

Как пройти на Майдан?

«Меня зовут Майдан» — роман дебютанта. Нетипичного дебютанта, имеющего многолетний поэтический стаж, но именно книга об украинском аспиранте культурологии Петро Майдане сделала его прозаиком, причем сразу же заметным на польском литературном рынке, так как роман «Меня зовут Майдан» попал в список самых интересных публикаций 2015 года (<http://ksiazkipodlupa.pl/aktualnosci/plebiscyt-ksiazek-2015-roku/>). Значит, Войцеха Кудыбу, автора этой необычной книги, жанр которой однозначно определить довольно сложно, можно назвать прозаиком. Но еще и историком, а также литературным критиком, поэтом, университетским преподавателем. Писатель, родившийся в 1965 году на Сондецкой земле, много лет собирал материал для дебютного романа, ведь самое главное в нем — это правда наблюдения и правда воображения, хотя рассказчиком и главным героем, а во многих аспектах и альтер эго польского автора, стал украинский интеллектуал. Источники этой соединенной польско-украинской двойственности можно было бы поискать в биографических связях Кудыбы с Украиной, но, наверное, важнее то, что в романе «Меня зовут Майдан» он шире смотрит на идентичность. С одной стороны, несомненно, важна малая родина, местные традиции, язык отцов, однако, с другой стороны, в сложном центрально-европейском плаvilьном котле, где не может быть и речи о каком-либо монокультурализме, все существенные черты должны быть сконструированы с учетом более широкой ценности — европейскости как цивилизационной подпочвы. Именно поэтому отдельные главы этой колдовской, грустно-горько-веселой книги озаглавлены одинаково — Европа. Меняются только имена героев и номера этих «европейских» приключений.

Название романа отсылает к политическому контексту, и действительно, последние события на Украине, в том числе и трагические, составляют фон повествования, хотя не определяют, к счастью, сюжет книги. К счастью, потому что для описания этих болезненных страниц украинской истории еще не пришло подходящее время. Украинская литература, живо и незамедлительно реагирующая на события, связанные с Майданом, в настоящее время представляет собой важную, мартирологическую хронику происходящего, и будет хорошо, если именно украинские писатели через какое-то время

хладнокровно «сведут счеты» с историей, в очередной раз «сорвавшейся с цепи». Зато благодаря таким книгам, как «Меня зовут Майдан» Войцеха Кудыбы, уже теперь может создаваться внеполитическая и вненациональная территория для сопереживания растревоженной европейскости в глобально понимаемом «центрально-европейском» мире. И именно в этом смысле данный роман становится путем на общий Майдан, называемый Европой. Нашей Европой.

Мне хотелось быть ближе к опыту отдельного человека

С Олей Гнатюк беседует Иза Мжиглуд

— «Отвага и страх» состоит из семи глав и семи историй с разветвленными сюжетами, где представлены судьбы львовской интеллигенции и среднего класса во время Второй мировой войны и непосредственно после нее. Что, собственно говоря, представляет собой эта книга? Исторический репортаж, научный труд или особый вид мемуарной литературы, обогащенный взглядом историка?

— Наверняка это не репортаж, так как для репортажа в ней слишком много отсылок к источникам и слишком богатый научно-исследовательский аппарат, хотя фактически данная книга, быть может, ближе всего к литературе нон-фикшн. Она также не относится к литературе, созданной на базе воспоминаний, поскольку даже моя семейная история лишь в небольшой степени основывается на том, что сохранилось в памяти. Однако и типичной научной работой ее тоже никак не назовешь, хотя по инструментарию она и напоминает таковую. Первая глава — это скорее попытка реконструкции того, как выглядела оккупация в случае моей семьи. Бабушка из-за сильной военной травмы не хотела ничего рассказывать. Я могла о чем-либо узнать только из маминого пересказа. А ведь при создании этой книги для меня важнее всего было добраться до личных свидетельств, до так называемых эго-документов^[1], которые были зафиксированы на бумаге максимально близко ко времени главных событий, иными словами, ко времени войны. Мною руководило такое честолобивое устремление, чтобы данная работа опиралась на менее известные, почти неиспользованные источники. Задача состояла в том, чтобы все происходило на расстоянии вытянутой руки, чтобы человек не был каплей в океане истории.

— Однако разве сосредоточение на микроисториях не есть бегство от обобщенного диагностирования польско-украинско-еврейских отношений того времени? И разве эго-документы не ведут нас немного в сторону от истины?

— Думаю, что в сторону нас ведет и сбивает с пути истинного польский национальный нарратив. Именно это я и пробую показать в данной книге — продемонстрировать, каким

образом его доминирование приводит к тому, что мы не замечаем «других». Польское видение истории Второй мировой войны сосредотачивается на польской боли, польском героизме, польской мартирологии. Подобное происходит и в случае украинского национального нарратива. В свою очередь, в нарративе, касающемся истории евреев, начальный период войны, иначе говоря, два года советской оккупации, остается по существу не замечаемым, как бы невидимым, поскольку травма Холокоста столь огромна, что всё, происходящее перед ним, в сущности, является периодом нормальности. И этому трудно удивляться, но надо пытаться это понять и уравновесить.

Мне хотелось максимально приблизиться к индивидуальному опыту отдельных людей, причем независимо от того, будет ли это история моей семьи или же история героев моей книги. Такой подход позволяет мне показать, как изменение перспективы или угла зрения полностью меняет картину истории. Она тогда уже не выглядит ни двумерной, ни черно-белой; и не обходит стороной точки зрения тех, кто не укладывается в национальный нарратив.

— Фактически в описанных вами историях ключевым фактором часто оказывается солидарность внутри среды, внутри своего круга, а вовсе не национальная солидарность. В частности, там звучит такая фраза: «У людей одного круга обычно не бывает приписанной им национальности» [стр. 95]. Что это, собственно говоря, значит? Каким образом общественное положение и общественные роли воздействовали на формы поведения во время войны?

— Эта фраза появляется в определенном контексте, применительно к воспоминаниям героини соответствующей главы. Я бы не отважилась на подобное обобщение. Автор указанных воспоминаний, рассказывая о коллегах, знакомых, друзьях, не присваивает им национальности. Национальная категория возникает у нее исключительно в те моменты, когда она пишет об угрозе или о каком-то отрицательном опыте. Отвечая на вторую часть вашего вопроса, я должна сказать, что не придерживаюсь мнения, будто общественная роль или происхождение оказывали решающее влияние на позицию человека перед лицом угрозы. Однако вне всякого сомнения у интеллигента во время оккупации было намного меньше шансов сохранить себя и выжить отнюдь не из-за так часто приписываемой ему неприспособленности к трудным условиям. Как советские, так и германские оккупационные власти уничтожали все структуры польского государства, в том числе стремились к истреблению элит. Потери среди интеллигенции были — пропорционально численности — многократно выше, чем в среднем по всему обществу Речи

Посполитой (я умышленно пользуюсь такой формулировкой, признавая тем самым всех граждан Второй Речи Посполитой поляками^[2]; традиционно здесь применяется определение «польское общество»). Но все-таки именно интеллигенция создавала движение сопротивления, структуры подпольного государства, «Жеготу»^[3]. Схожую активность проявляла украинская и еврейская интеллигенция, хотя условия у них были совершенно иными.

— *А как специфика довоенного Львова влияла на оккупационную ситуацию?*

— Мы сидим и разговариваем в Варшаве — здесь перед войной можно было говорить об очень большом еврейском сообществе, достигавшем 30% общего населения города. А вот во Львове дело обстояло немного иначе: 50% поляков, 33% евреев и 17% украинцев. Это немного — для города, окруженного украинскими деревнями. Одновременно давление польско-украинского конфликта наложило свой отпечаток на весь довоенный период, хотя по сегодняшним меркам этот конфликт был не очень-то бурным. Если вспоминать об украинских выступлениях антипольской направленности в 1930-х годах, то на территории Львова их скорее не было, а за его пределами они случались по большей части в маленьких городках и местечках. Если же говорить о том, что происходило в самом Львове, то там бывали эксцессы польской гимназической и университетской молодежи, направленные то против еврейского, то против украинского населения. Такие события иногда принимали драматический характер, причем блюстители порядка без особого желания привлекали виновных к ответственности, даже когда речь шла об убийствах или жестоких избиениях со смертельным исходом. Полиция реагировала лишь тогда, когда виновными были украинцы; если же громили украинское студенческое общежитие или украинское издательство, то она не делала ничего. Можно говорить о гражданах первой и второй категорий. Гражданами второй категории во Второй Речи Посполитой были национальные меньшинства.

Поэтому трудно удивляться такому явлению, как Schadenfreude (нем. букв. злорадство) — желанию возмездия или какой-нибудь компенсации, которое можно было заметить среди украинской и какой-то части еврейской интеллигенции, то есть интеллигенции из кругов, подвергавшихся в межвоенный период сильной маргинализации. Примером такой позиции является Кирилл Студинский, лишенный в этот период не только профессуры в Львовском университете, но и права на пенсию. Еще лучшим примером может служить Якуб Парнас. Он преподавал в Университете Яна Казимежа, но в 1930-х годах

из-за своего еврейского происхождения стал объектом постоянных гонений. Оба они при советской оккупации заняли высокие посты в Львовском университете. Оба были также вовлечены тогда в политическую деятельность. В связи с этим польские авторы воспоминаний оценивают их обоих негативно, как бы совершенно не принимая во внимание те унижения, которые эти люди испытали со стороны польских коллег или польской администрации.

— Американский историк Тимоти Снайдер в своей последней книге подчеркивает, что основополагающее влияние на поведение обществ во время войны оказывали как раз государство и государственные учреждения — их распад или же сохранение. Согласны ли вы с этим тезисом? Как это выглядело во Львове?

— Я не занималась в моей книге падением польского государства, но все время подчеркиваю, что как одна, так и вторая оккупационная власть придерживались принципа «разделяй и властвуй». На этом, однако, дело не кончается. Первая оккупация, советская, означала немедленный демонтаж всех структур польского государства. Причем речь идет не только о ликвидации институтов и учреждений, но также об избавлении от высших государственных чиновников. Мой дедушка, к примеру, выжил только благодаря тому, что занимал довольно незначительный пост, будь он, скажем, судьей, то, несомненно, очутился бы в катынском списке. Его арестовали, но он вернулся — хотя уже человеком, который был тяжело болен из-за избиений в ходе допросов. Вы только представьте себе: в течение месяца были «обезврежены» все административные структуры польского государства — не только гражданские власти, но и полиция, и армия. Судья, человек весьма уважаемый, стал врагом народа. Адвокат, хотя и занимал совсем другое место в системе правосудия, тоже попадал в указанную категорию врагов. Более 20 тыс. интеллигентов, арестованных и расстрелянных весной 1940 г., уменьшили способность к сопротивлению на восточных землях Речи Посполитой. Всеобщее и повсеместное беззаконие — так я привыкла думать о том времени. Тимоти Снайдер утверждает, что это беззаконие, творимое от имени законодательства немецкого оккупанта. В своей предшествующей книге «Кровавые земли» Тимоти Снайдер показал повсеместный характер беззакония, осуществляемого от имени народной власти.

Это было не только физическое, но и символическое насилие, что легко заметить, просматривая тогдашнюю прессу, фильмы, кинохронику. Это было время, когда польской символикой помыкали и измывались над нею, когда красные флаги получали, раздирая пополам бело-красные. Наряду с демонтажем государственных структур проходила полнейшая

национализация, частная собственность перестала существовать. Владелец большого каменного дома отправляется в лагерь, владелец предприятия — туда же.

— *Вдобавок к этому советские власти нанесли удар по конфессиональным сообществам*

— Советские власти обложили конфессиональные сообщества высоким налогом, настолько высоким, что те оказались не в состоянии нести подобное бремя. На депутата Студинского, который отстаивал интересы местного населения, обрушивается настоящий поток писем от ксендзов с просьбами об уменьшении налога, который не в состоянии уплатить ни один приходский священник, ни один приход. Таким образом, это было главным образом финансовое давление. Еще не приняли закон, ликвидирующий греко-католическую (униатскую) Церковь, как это произошло в 1946 г., не ликвидировали структуры католической Церкви. На еврейские общины тоже наложили высокие финансовые обременения. Однако это еще не были такие репрессии, как тюрьмы, преследования, депортации или высылки.

— *В этих историях из «Отваги и страха» речь часто идет о связях, узах, дружбах, союзах, которые продолжают существовать или рождаются, невзирая на меняющиеся обстоятельства и драматические события. Это напоминает «Попытки свидетельства» Яна Стшелецкого^[4]. Разумеется, рассказываемые вами истории — отнюдь не черно-белые, вы нюансируете свои повествования, в них появляются антисемитизм, этнические конфликты и поведение, которое мы бы определили словами «коллорабационизм» или «предательство». У меня сложилось, однако, впечатление, что подобные вещи находятся у вас скорее где-то в тени, образуя фон, на переднем же плане экспонируются совсем иные, положительные примеры. Тем самым вы идете словно вразрез с представлениями о войне как времени распада всякой общности и о Львове как городе, терзаемом этническими конфликтами. Так ли это — и почему? Это ведь совершенно другой подход, нежели тот, которого придерживается, например, Ян Томаш Гросс^[5].*

— Про эти убийственные повествования говорилось уже так много, что мне кажется необходимым рассказать о чем-нибудь другом. Никогда не бывает так — даже в самые худшие времена, — что мы имеем дело с одним лишь беспримесным злом. Может возникнуть обвинение, что описываются какие-то исключительные случаи, однако, на мой взгляд, это не так. Но даже если признать правоту критиков и принять, что это были всего лишь исключения, то и ими есть смысл заняться. Такое мужество, такое отважное стремление помочь, несмотря на угрозу для собственной жизни, такая убежденность, что есть

вещи, более важные, чем спасение самого себя, достойны того, чтобы о них помнили. Мне было бы неловко говорить об опыте собственной семьи. Значительно более подходящим мне представляется пример уже упомянутого здесь Кирилла Студинского, который, будучи советским депутатом, приложил все возможные старания, чтобы спасти из затруднительного положения, например, видного польского теоретика и историка литературы, театроведа профессора Стефанию Скварчинскую. Он не делал различий между украинцами, поляками или евреями. НКВД ликвидировал его в конце июня 1941 г. А ведь казалось, что его позиция прочна и похожа на ту, которая была у Ванды Василевской^[6]. Та, однако, не предпринимала подобных усилий.

Легче двигаться по стезе выпячивания негативных событий и фактов. В сегодняшнем мире средства массовой информации опираются как раз на такие нарративы. При таком подходе важно не то, что пожар потушен, а то, кто его вызвал; не спасение ребенка, а то, что он оказался в опасности. Моя книга — это, кроме всего прочего, еще и мое глубокое несогласие описывать действительность и рассказывать историю таким образом. Мне это попросту надоело.

— Но не боитесь ли вы обвинения в воскрешении ностальгической картины Львова — мультикультурного плавильного котла наций и сообществ, которые жили в дружбе?

— Не боюсь, так как ничего такого в моей книге нет. В ней нет ни ностальгии, ни большой дружбы между национальностями. Она полна конфликтных взаимоотношений, но вместе с тем говорит об умении подняться выше этого. На протяжении всего межвоенного периода мы имеем дело с непрерывно тлеющим конфликтом. А война никогда не смягчает напряженностей; напротив, она обостряет их. В час испытаний не все показывают себя с лучшей стороны. Следует, однако, помнить о тех, кому это удалось.

— В таком случае может ли данная книга помочь освоить эти трудные темы? Уходят последние свидетели Второй мировой войны, которые, будучи обиженными, имели моральное право на прощение и примирение. По-прежнему ли сейчас остается возможной политика примирения и прощения в той форме, в которой мы ее знаем?

— В такой форме она невозможна. Формула «прощаем и просим прощения»^[7] не может быть уместной в любое время и при любых обстоятельствах. Ее невозможно, например, употребить в польско-еврейских отношениях, так как в иудаизме подобной речевой конструкции не существует. Таким образом, мы не можем навязывать другим собственную матрицу, собственный способ справляться с

действительностью. Когда мы говорим о польских католических епископах и их воззвании, то забываем о том, что немецкие епископы испытывали огромные трудности с ответом на данное письмо и вовсе не горели желанием давать его. Совершилось ли примирение? Совершилось. Но только ли благодаря данному жесту? Нет, не только. Он был не более чем началом. Если бы не признание границы на Одре и Нысе, то польско-немецкое примирение не стало бы свершившимся фактом. В польско-украинских отношениях аналогичные жесты имели место и ни к чему не привели.

— Тогда что же в данном случае может привести к примирению и прощению? В состоянии ли мы вообще предвидеть это и выработать нужную формулу или же оба общества должны просто дозреть до этого и найти собственный путь, отличный от тех, которые существовали до сих пор?

— Мы все время ищем такой путь, а манипулирование историей отнюдь не помогает в этом и уж тем более не способствует взаимопониманию. Умножение числа виновных и жертв, попытки объяснять причины преступлений, а тем более оправдывать их, с чем я сталкиваюсь у обеих сторон, — это дорога в никуда. Преступление остается преступлением. Память о жертвах не может быть односторонней. Кладбища и памятники — не поле битвы. Казалось бы, это очевидно, а тем временем мы раз за разом имеем дело с актами, которые эвфемистично определяются как вандализм, встречаемся с неприязненной предубежденностью, сопутствующей увековечиванию жертв преступления. Никто не усвоит этот урок за нас. И не надо перекладывать вину на «provokatorov».

— Тогда как же следует строить открытую идентичность и формировать гражданское мужество, которое играет решающую роль в выборе вариантов общественного поведения при экстремальных ситуациях, в том, что одна из главенствующих людских позиций — отвага — побеждает вторую — страх? Может быть, такие позиции невозможно формировать, и они представляют собой результат случая или стечения благоприятствующих обстоятельств?

— Несомненно, их можно воспитать и развить, а открытость другим является в сегодняшнем мире необходимостью. И наоборот — если концентрироваться только на собственной мартирологии и собственной истории, то конец может быть страшным. Сегодняшняя реакция на проблему беженцев и ощущение угрозы свидетельствуют как раз о том, что польское общество остается закрытым. А ведь подобным образом реагирует общество, которое многократно испытало помощь и гостеприимство других стран, а также их граждан. Начиная с восстания Костюшко, а затем ноябрьского восстания (1830–1831 гг.) и вплоть до совсем уж современных событий польские

эмигранты сталкивались скорее с доброжелательным приемом. Ведь в 1980-х годах большинству беженцев из Польши не угрожали на родине никакие репрессии, и только незначительная их часть выезжала с билетом в одну сторону. Тогда польская эмиграция была в большинстве случаев экономической. И как же приняли поляков во Франции? А как их приняли в Германии? Насколько интенсивно им старались облегчить тот трудный момент вхождения в новый мир?

— *А может, нам следует обратиться к послевоенному опыту, когда значительной части населения Польши силой навязали миграцию; когда люди подверглись переселению и были вынуждены помериться силами с такой проблемой, как адаптация к новым условиям. Разве «откапывание» того опыта миграции не помогло бы нам лучше понять ситуацию и опыт современных мигрантов?*

— Наверняка это бы очень помогло, но в польском нарративе, касающемся Второй мировой войны, зияют тревожные, пугающие пустоты. То, что функционирует в учебниках на тему оккупации, — это сплошные искажения и перекосы, допускающие манипуляции типа «дедушка в вермахте»^[8].

Потому что, если бы в указанном нарративе фигурировали территории, включенные в Третий рейх, и ситуация их жителей, однако в категориях не только мартирологии, но и повествований о повседневной жизни этих людей, то нам безусловно было бы гораздо легче.

Ситуация принудительно переселенных лиц различалась в деталях, но, если взглянуть на нее с точки зрения человека, который потерял свой дом, а вместе с ним и свою малую родину, то оказывается, что этот опыт не является столь уж отдаленным. Мы, однако, по-прежнему склонны культивировать собственную боль. Полная погруженность в нее лишает возможности открыться другому человеку. И ведет не только к обеднению личности, но и к одичанию. Двойные стандарты или мораль Кали^[9] позволяют легко оправдывать всякое бесчестие. Если взглянуть на послевоенную историю Польши, мы найдем там чудовищные страдания. Загвоздка в том, что, погрузившись в собственную боль, мы забываем о ближних. О силезцах и мазурах^[10], которым под мощнейшим давлением приходилось покидать свою малую родину. О евреях, изгнанных из Польши в 1968 г. Об украинцах, которые после войны более полувека были одной из трех самых нелюбимых в Польше национальностей. До сего времени я сталкиваюсь с мнением, что ведь на западных землях Польши украинцев одарили ныне благами западной цивилизации. Не только поляки вследствие Второй мировой войны потеряли свою родину.

Оля Гнатюк, «Отвага и страх» (на польском языке), Войновице 2015.

Оля Гнатюк (р. 1961.) — украинистка, доктор гуманитарных наук, профессор Варшавского университета и Института славистики Польской Академии наук, переводчица и популяризатор украинской литературы в Польше. В 2006–2010 гг. — советник посольства РП в Киеве. В 2015 г. ее книга «Отвага и страх» получила Гран-при Форума издателей во Львове и была награждена премией Варшавской литературной премьеры.

-
1. Эго-документ — историческое свидетельство (например, воспоминания), отличительной особенностью которого является выраженный личный характер. Иногда его называют «человеческий документ» — *Здесь и далее примеч. пер.*
 2. Второй Речью Посполитой в Польше называют свою страну в период 1918–1945 гг.
 3. «Жегота» — кодовое название Совета помощи евреям, подпольной общественной организации, созданной в конце 1942 г. Помогала скрывающимся евреям, поддерживала материально около 4 тыс. человек, снабжала беглецов из гетто фальшивыми документами (около 50 тыс.) и проч.
 4. В этой вышедшей в 1971 г. и наделавшей много шума книге ее автор, известный социолог, эссеист и альпинист, который исповедовал социалистические взгляды, интерпретирует опыт польской молодежи, взрослеющей во время Второй мировой войны.
 5. Ян Томаш Гросс (р. 1947) — польско-американский историк еврейского происхождения, профессор Принстонского университета. Его документальная книга «Соседи: история гибели еврейского местечка» (2000) повествует о погроме в Едвабне недалеко от Белостока, учиненном жителями этого местечка и его окрестностей в начале июля 1941 г. Вторая книга Гросса «Страх: антисемитизм в Польше после Аушвица», написанная по-английски (2006, польский перевод 2008), посвящена проблематике келецкого, краковского, жешувского и др. еврейских погромов 1946 г.

Книги Гросса, особенно первая из них, стали в Польше предметом широкой общенациональной дискуссии.

6. Ванда Василевская (1905–1964) — польская и советская писательница, поэтесса, драматург, сценарист и общественный деятель, дочь видного польского социалиста и жена плодовитого советского драматурга А.Е. Корнейчука. Лауреат трех Сталинских премий (1943, 1946, 1952). Член ВКП(б) с 1941 г.
7. Знаменитая цитата из известного письма-воззвания польского епископата к немецким епископам (1965), призывавшим к примирению двух народов
8. Это отсылка к имевшей когда-то широкое хождение в Польше, особенно среди сторонников партии «Право и справедливость», инсинуации о том, что дед премьер-министра страны, Юзеф Туск, во время Второй мировой войны добровольно завербовался то ли в вермахт, то ли в СС.
9. Кали — мальчик-африканец, персонаж приключенческой повести Г. Сенкевича «В пустыне и пуще». «Мораль Кали» — вошедшая в поговорку двойная система оценки поступков в зависимости от того, кто их совершает: «если кто-то у Кали украсть коровы, это плохо. Если Кали у кого-то украсть коровы — это хорошо».
10. Силезцы — жители Верхней и Нижней Силезии в составе Чехии и Польши. Мазуры — этнографическая группа поляков, населяющая северо-восточную часть Польши и говорящая на особом наречии польского языка.

Игорь Белов

Дни памяти Натальи Горбаневской во Вроцлаве

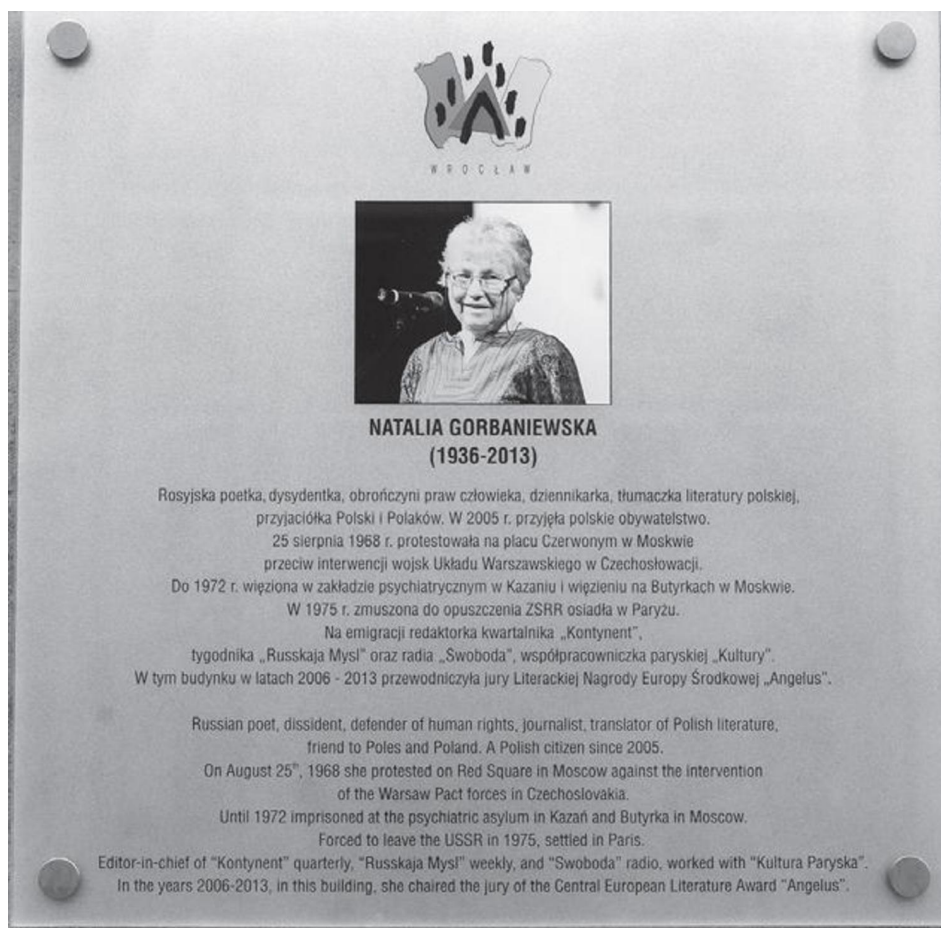

Фото: P. Zielona

28–29 ноября 2015 года во Вроцлаве уже во второй раз прошли Дни памяти Натальи Горбаневской — выдающейся русской поэтессы, переводчицы польской поэзии, диссидентки и правозащитницы, участницы знаменитой демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию.

Как и в прошлом году, в самом любимом польском городе Натальи Евгеньевны встретились ее друзья, соратники, коллеги, ученики и единомышленники. Памятные мероприятия, организованные фондом «За вашу и нашу свободу» при большой поддержке польского Института книги и администрации Вроцлава, прошли в форме международной конференции «Против войны и ненависти», что сразу

настроило участников события на серьезный разговор о проблемах сегодняшнего дня. Надо признать, что такой подход резонировал не только с неугомонным, равнодушным характером Натальи Горбаневской, всегда активно откликавшейся на важнейшие мировые события, но и с нашим крайне беспокойным, жестоким и — что греха таить — трагическим временем.

На торжественном открытии конференции, первый день которой прошел в Княжеском зале вроцлавской ратуши, директор фонда «За вашу и нашу свободу» Николай Иванов, ведущий и модератор Дней памяти, подчеркнул, что Вроцлав — единственный город в мире, где есть мемориальная доска, посвященная Наталье Горбаневской. Как известно, Наталья Евгеньевна, жившая с 70-х годов прошлого века в Париже, была гражданкой Польши, а не Франции — и многие вспоминают, как она радовалась, когда получила свой польский паспорт, и как всегда предлагала называть себя не поэтессой, а «поэткой», на польский манер. Николай Иванов заметил, что Наталья Горбаневская, возможно, сделала больше всех для укрепления взаимопонимания между польским и русским народами, что особенно актуально сегодня, когда мир буквально сходит с ума.

Затем Николай Иванов зачитал письмо Владимира Буковского, легендарного русского диссидента (вошедшего не только в историю отечественного протестного движения, но и в российский фольклор, благодаря частушке «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»), который не смог приехать во Вроцлав по болезни. «Наталья Горбаневская была для меня очень близким человеком, — писал, обращаясь к участникам конференции, Владимир Буковский. — Сегодня душой я с вами, во Вроцлаве, и тоже выражаю свой протест против войны и ненависти. Я прочитал проект резолюции вашей конференции и уверенно ставлю под ним свою подпись». Также ведущий конференции зачитал письмо от Григория Явлинского, лидера российской оппозиционной партии «Яблоко»: «Для большинства из нас Наталья Горбаневская в первую очередь останется поэтом. В ее стихах — предчувствие по поводу нашего сложного и тяжелого будущего, предчувствие, которое никогда не обманывало поэтов».

Очень сильное впечатление на присутствующих произвело полное эмоций и интереснейших воспоминаний выступление Павла Литвинова, одного из участников демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. Он рассказал о подготовке знаменитой демонстрации, о том, как Наталья

Горбаневская, пришедшая на Красную площадь с коляской, где спал ее маленький сын Ося, заранее нарисовала плакат «За вашу и нашу свободу!», сознательно переставив слова «нашу» и «вашу» в известном лозунге польских повстанцев, чтобы подчеркнуть солидарность с Чехословакией. Этот и другие плакаты у самого Лобного места и развернули участники демонстрации, тут же схваченные милицией и сотрудниками КГБ. Одними лишь воспоминаниями Павел Литовинов не ограничился, решительно осудив клеветническую деятельность пропагандистской машины современной путинской России и напомнив, что в 1968 году на демонстрацию его привело чувство стыда из-за того, что от его имени советское правительство ведет агрессивную политику в отношении страны, не желающей плясать под дудку Кремля. Как же актуально это звучит сегодня!

Писателя и журналиста Виктора Шендеровича ведущий конференции представил как не нуждающегося в представлениях человека, которого все знают в России, и был прав; от себя добавлю, что Шендерович — еще и человек исключительной храбрости, не случайно одно из его недавних интервью на умеренно оппозиционном радио «Эхо Москвы» было впоследствии удалено с сайта радиостанции самой редакцией «Эха», настолько смелые и, как следствие, опасные слова произнес он в эфире. Как и ожидалось, выступление Шендеровича на вроцлавской конференции оказалось очень ярким и живым. «Последний раз я виделся с Натальей Горбаневской в Париже, — сказал Шендерович, — и она пошутила, что хотела бы остаться в нашей памяти как человек, отлично умевший готовить щавелевый суп. Горбаневская была очень неудобным человеком, потому что всегда говорила то, что думала. И на фоне таких людей, как она, особенно заметно наше сегодняшнее нравственное сползание». Назвав Наталью Горбаневскую «кантовским императивом в его чистом виде», Виктор Шендерович заметил, что отделение себя от преступного государства — это действие не политическое, а нравственное, но именно это и приносит важные плоды.

Классик литовской поэзии Томас Венцлова, известный русскому читателю в прекрасных переводах Владимира Гандельсмана и Георгия Ефремова, открыл свое выступление собственным стихотворением, переведенным на польский Збигневом Дмитроцей — стихотворением, полным эсхатологических предчувствий относительно появления «нового Калигулы в паре с чумой». Комментируя этот весьма злободневный и хорошо поддающийся дешифровке образ, Венцлова заметил, что многое бы отдал за то, чтобы ему не

приходилось писать таких стихов. «Исторической победой нашего поколения, — сказал поэт, — стали демонтаж «железного занавеса» и падение берлинской стены. Однако стены воздвигаются вновь. И не только между Россией и Европой, но и между странами, которые мы считали и продолжаем считать свободными». Напомнив, что для тоталитарного Советского Союза, где царило полное молчание, даже единичные слова и поступки Горбаневской, Сахарова и Солженицына серьезно расшатывали целое здание жестокости и лжи, Венцлова с сожалением отметил, что в современной России, где режим всячески камуфлирует свою истинную природу, демонстрации и слова правды уже не представляют смертельной опасности для тоталитаризма. «И поэтому сегодня мы находимся перед новыми вызовами, которые в определенном смысле оказываются куда сложнее предыдущих. (...) Не поддавайтесь истерии и стереотипам, не заражайтесь нетерпимостью и продажностью ваших противников, сохраняйте спокойствие, оставив страх и беспокойство тем, кто их заслуживает. И не теряйте надежды», — заключил поэт.

С сообщением на тему «Грозит ли Белоруссии судьба Украины?» выступил Александр Милинкевич, белорусский оппозиционер, кандидат в президенты Белоруссии на выборах 2006 года, рассказавший о проблемах Белоруссии, связанных с поиском ее идентичности. Известная чешская диссидентка и журналистка Петрушка Шустрова поделилась своими воспоминаниями о Праге в августе 1968 года. Мирослав Хоецкий, польский диссидент, ветеран «Солидарности», представившийся как «простой физик-ядерщик», вспомнил о парадоксальной и двойственной роли СССР во Второй мировой войне.

Петр Мицнер, заместитель главного редактора журнала «Новая Польша», начал свое выступление с представления выпущенной в Польше небольшой книжки «Поэтка в стране Дон-Кихотов», посвященной Наталье Горбаневской. Как рассказал Мицнер, это часть большой книги, посвященной связям парижской «Культуры» и русской эмиграции. С юмором поведал поэт о поистине феноменальных отношениях между редактором «Культуры» Ежи Гедройцем и Натальей Горбаневской: «Гедройц не отдавал Горбаневской распоряжений, а она не повышала на него голос». Довольно быстро перешел Мицнер к главной теме своего выступления — «Диссиденты — реконструкция или реактивация?», поставив ряд важных и даже фундаментальных вопросов о будущих задачах диссидентского, правозащитного и — в немалой степени — протестного движения. В самом деле, востребованы

ли диссиденты в современном, стремительно меняющемся мире? В состоянии ли они предотвратить войну? Ответ на второй вопрос представляется поэту отрицательным, но это вовсе не означает, что бывшим диссидентам следует ограничиться сочинением мемуаров. Важной для всех нас остается этика диссидентов — людей, которые обладали недюжинной смелостью сказать тоталитаризму твердое «нет», как это делала Наталья Горбаневская. «Диссиденты нужны там, — говорил Петр Мицнер, — где появляется искушение нарушить закон во имя «высшей справедливости», ограничить свободу слова, развернуть пропаганду ксенофобии и религиозной нетерпимости. (...) И хотя победы диссидентов часто оказывались очень горькими, пытаться стоит».

Последним докладчиком в этот день конференции был ученик Натальи Горбаневской, известный молодой поэт и переводчик из Москвы Лев Оборин, буквально загипнотизировавший присутствующих своим увлекательным, ярким и очень эмоциональным рассказом о современной русской политической поэзии. Выступление Оборина превратилось в своего рода поэтический вечер, в ходе которого он декламировал стихи своих ровесников, объединенные социально-политической тематикой, но очень разные по стилистике и настроению — от ироничных строк Романа Осминкина («Саша удачно устроился, / и кто его упрекнет? / Норма прибавочной стоимости / от зависти бороду рвет») до полных горечи и ярости стихов Галины Рымбу:

я перехожу на станцию Трубная и вижу — огонь
я выхожу на Университете и вижу — огонь
я спускаюсь на Чистых и вижу — огонь
когда мы упали на Беговой, на Выхино, мы видим — огонь,
огонь, огонь

мальчики и девочки с глазами налитыми кровью
(к черту 68-й)
студенты в шапках с помпончиками
молча идут рядом со мной
и вдруг внезапно выкрикивают: «ОГОНЬ! ОГОНЬ! ОГОНЬ!»

В завершение первого дня конференции ее участники подписали декларацию «Против войны и ненависти», выразив «свою тревогу и протест против новых угроз для человечества», заявив, в частности, что «действия российского

режима — это не только агрессия против Украины, но и угроза для самой России, угроза всему миру».

Второй день памятных мероприятий прошел в одном из залов вроцлавского кинотеатра «Новые горизонты» и начался с показа фильма Нателлы Болтянской «Параллели, события, люди», после чего развернулась довольно бурная дискуссия, связанная с войной на Украине. Журналист радио «Свобода» Михаил Соколов, принимавший активное участие в дискуссии, сравнил сегодняшнюю ситуацию в Европе с ситуацией накануне Второй мировой войны. Несмотря на вполне понятную разницу во взглядах и оценках того, что происходит в мире, участники дискуссии были солидарны в одном — нельзя простить и забыть аннексию Крыма. Павел Литвинов заявил, что Крым, по его мнению, должен провести референдум о своей автономии и даже независимости, а Петрушка Шустрова подчеркнула — без свободной Украины не может быть свободной России.

Очень трогательным получился вечер воспоминаний о Наталье Горбаневской, прошедший в этом же зале во второй половине дня и открывшийся показом документального фильма о поэтке, снятый Натальей Бешенковской. Зрители смогли от первого лица услышать, к примеру, рассказ о знакомстве Натальи Горбаневской с Анной Ахматовой и Иосифом Бродским, узнать, почему у Натальи Евгеньевны был своего рода мораторий на употребление такого фальшивого понятия, как «духовность». А после фильма слово взяли близкие люди Натальи Горбаневской: ее внучка Анна Красовицкая, живущий в Кракове переводчик польской литературы Никита Кузнецов, французская исследовательница истории русского диссидентства Сесиль Вессье, а также Георгий Левинтон, который, познакомившись в свое время с Горбаневской и подивившись невысокому росту поэтки, столь контрастировавшему с ее мужеством и крутым характером, сказал ей: «Так вот ты какая... А я думал, что ты как шкаф».

Финальную же точку в тот день в «Новых горизонтах», как и положено, поставила лирика — программа завершилась поэтическим вечером, посвященным Наталье Горбаневской, в котором приняли участие Андрей Хаданович, Анастасия Векшина, Лев Оборин и автор этих строк.

Когда же отзвучали стихи, а на улице окончательно стемнело, все переместились на центральную и самую живописную площадь Вроцлава — Рынок, чтобы встретиться там возле мемориальной доски Натальи Горбаневской, возложить цветы и зажечь символические свечи памяти. Вокруг уже всюду

шумела рождественская ярмарка, рядом проходили разгоряченные глинтвейном вроцлавяне и многочисленные туристы, а мы, настроившись на торжественность вполне мистического момента, загадали желание — чтобы такая же мемориальная доска когда-нибудь появилась в Москве, на Красной площади, там, где почти полстолетия назад вышли к Лобному месту Наталья Горбаневская и ее отважные друзья.

И я почему-то ни минуты не сомневаюсь в том, что однажды это обязательно произойдет.

Культурная хроника

Великие дни столицы Нижней Силезии! Вроцлав, вместе с баскским городом Сан-Себастьян, избран Европейской столицей культуры 2016 года. В уикенд открытия (15-17 января) состоялось почти сто культурных событий, которые привлекли более ста тысяч человек. На инаугурацию подготовили «Пробуждение» — масштабный перформанс, который с размахом поставил британский художник Крис Болдуин, известный, в частности, по успешному зрелищу эстафеты олимпийского огня в Вустере, во время Олимпийских игр 2012 года в Лондоне.

Четыре шествия, символизирующих четыре духа Вроцлава, — Дух Многоконфессиональности, Дух Инновации, Дух Восстановления и Дух Наводнения — проследовали из разных частей города на Рыночную площадь, повествуя об истории столицы Нижней Силезии. «Слово «дух» подразумевает «сущность». Именно к этому нам хотелось прикоснуться. Мы не собирались устраивать вроцлавскую историческую процессию — мы хотели приоткрыть «сущность» города, то есть нечто, безусловно, более метафоричное и поэтическое», — сказал о мероприятии Крис Болдуин.

Оказалась ли инаугурация удачной? Мнения разделились. На Фейсбуке появилось много критических реплик. Ругали, главным образом, плохую организацию: «Жаль артистов, они специально готовились, но многие из них не выступили, потому что их не учли в хаосе, не было информации, координации. На Рыночной площади большая часть артистов не выступила, потому что вырубилось электричество». Многие жаловались, что ничего не было видно, что начала шоу пришлось час дожидаться на холоде. Кшиштоф Май, генеральный директор «Европейской столицы культуры», признал, что действительно не все прошло в соответствии с планом, и извинился перед общественностью Вроцлава.

Что ж, первый блин...

На церемонии открытия Европейской столицы культуры во Вроцлаве выступил с речью министр культуры (и одновременно первый вице-премьер) проф. Петр Глинский.

«Новое польское правительство одним из базовых принципов демократии считает свободное развитие культуры, основанное на польской и европейской христианской системе ценностей», — сказал министр и добавил, что ему хотелось бы, чтобы во Вроцлаве мощное подтверждение получил тезис, что «польская демократия — свободная и ответственная». Слова шефа ведомства культуры вызвали неодобрение у части присутствовавших на церемонии. В зале стоял гул недовольства, слышались восклицания: «Пропаганда!»

В течение года во Вроцлаве пройдет более тысячи культурных мероприятий в разных областях искусства. Во время инаугурационного уикенда была открыта выставка работ испанского скульптора Эдуардо Чильиды (реверанс в сторону Сан-Себастьяна, откуда родом мастер), а также экспозиция «Made in Europe Mies van der Rohe Award», посвященная 25-летию премии Европейского союза в области современной архитектуры. В течение трех дней можно было также познакомиться с проектом «Меркури/Ксенакис», посвященным творчеству Яниса Ксенакиса, легендарного греческого архитектора и композитора, и Мелины Меркурии, греческой актрисы, министра культуры (именно ей принадлежит идея «Европейской столицы культуры»).

Во вроцлавском Национальном музее Жаклин Корнмюллер и Петер Вольф представили «Музей мечтаний» — девять камерных представлений, инспирированных произведениями искусства из музейных собраний, в частности картинами «Вечером» Василия Кандинского и «Встреча» Владислава Подковинского. Написать тексты австрийские режиссеры попросили таких писателей, как Иоанна Батор, Яцек Денель, Юлия Федорчук, Миколай Лозинский, Мартин Поллак. Последний, вдохновленный скульптурой XVIII века, представляющей св. Варвару, написал текст о мечтах Путина. Играющий главного персонажа актер Бартош Порчик так объяснял свою роль: «Я играю Путина, который видит сон, выявляющий его жажду власти, бессмертия, а также стремление быть ею — Екатериной Великой. На глазах зрителей происходит трансформация диктатора в женщину, что, впрочем, не такой уж и парадокс: ведь женщина — тоже диктатор».

А Эммануэля Обейя, актера и танцора родом из Нигерии, вдохновила картина «Бегство в Египет» австрийского

художника XVIII века Мартина Иоганна Шмидта. На холсте изображено Святое Семейство среди суровой, враждебной природы. Так рождается рассказ о современных беженцах, которые появляются на итальянском острове Лампедуза.

Междущарствие в Королевском замке в Варшаве. Многолетний директор проф. Анджей Роттермунд с 1 января ушел на пенсию. На его место попечительский совет избрал проф. Малгожату Омиляновскую, которая в коалиционном правительстве «Гражданской платформы» и Польской крестьянской партии занимала пост министра культуры. Однако нынешний министр культуры Петр Глинский не намерен утвердить это решение.

— Лично у меня нет никаких претензий к проф. Малгожате Омиляновской, но она выполняла политическую функцию в прежнем правительстве и на выборах была негативно верифицирована. Пока я принял решение назначить исполняющим обязанности директора прежнего замдиректора Пшемислава Мрозовского, — заявил министр.

Остается добавить, что проф. Малгожата Омиляновская не принимала участия в выборах ни в Сейм, ни в Сенат. Так что никак не могла быть «негативно верифицирована».

Министр Петр Глинский присудил 18 января престижную Золотую медаль за заслуги перед культурой «*Gloria Artis*» Брониславу Вильдштейну, деятелю антикоммунистической оппозиции, писателю, публицисту, стороннику люстрации, который в 2005 году разместил в интернете так называемый список Вильдштейна, воспринятый частью общества как список гебешных агентов, что повлекло за собой много человеческих драм.

С речью в честь награжденного выступил литературовед и переводчик Антоний Либера. Он подчеркнул, что Вильдштейн — автор шести романов, эссе и литературных очерков — прежде всего, «писатель идеи»: «Его основная тема — современная история, в первую очередь Польши, но на фоне Европы. История, предстающая в контексте больших идей, зловещих идеологий и грязной политики».

Бронислав Вильдштейн является также лауреатом других престижных премий, в частности, премии Костельских (за

роман «Как вода»), премии Юзефа Мацкевича (за роман «Долина небытия»), премии Анджея Киёвского (за «Будущее с ограниченной ответственностью»). В октябре 2015 года он стал членом Национального совета развития, созданного президентом Анджеем Дудой.

В двадцать третий раз присуждены «Паспорта “Политики”». Во время транслировавшейся второй программой Польского телевидения торжественной церемонии в варшавском Большом театре, состоявшейся 12 января, премии были вручены в шести номинациях молодым творцам. Лауреатами стали Магнус фон Хорн (кино), Эвелина Марциняк (театр), Тымек Боровский (визуальные искусства), Мартин Свёнткевич (академическая музыка), Куба Зёлек (популярная музыка), Лукаш Орбитовский (литература). Титулом «Творец культуры» отмечена группа «CD Projekt Red» — коллектив создателей серии игр «Ведьмак». Титул присужден «за творческое использование героя прозы Анджея Сапковского и создание из «Ведьмака» настоящего бренда в мире видеоигр».

«Мы никогда не мерили, и впредь не собираемся мерить творцов и их произведения мерой патриотизма, религиозности и польского духа, к чему сейчас, не совсем, наверное, обдуманно, призывают многие политики», — заявил ведущий церемонию Ежи Бачинский, главный редактор еженедельника «Политика». И добавил: «Мы не станем делить и расчленять польскую культуру по политическому признаку и намерены последовательно охранять право на творческую свободу, эксперимент, индивидуальность».

Завершая церемонию, Бачинский сказал: «До встречи через год, а на общественном телевидении — через четыре года. Надеюсь, что в следующем году мы снова встретимся на церемонии вручения «Паспортов» в Большом театре и, возможно, на национальном телевидении. А если не получится, то арендуем какие-нибудь большие катакомбы и пригласим вас туда».

Большие перемены в общественных СМИ. Одни говорят о чистках, другие — о нормальной ротации кадров. Новая власть назначает на службу на общественное телевидение и радио преимущественно тех, кто связан с правыми и католическими кругами. Прежний директор Польского телевидения в знак протеста против изменений в законе о СМИ подал в отставку. Уволилась также Катажина Яновская, шеф

канала «Культура» Польского телевидения. Новым директором канала стал «хипстер правых», Матеуш Матышкович, бывший главный редактор ежеквартальника «Фронда Люкс» и портала «Политическая теология». «Я вообще не собираюсь избавляться от людей с другими взглядами. Напротив, я намерен открыть канал для представителей разных политических групп, в том числе левых. Я считаю, что это хорошо — иметь вокруг себя различные, даже спорные, взгляды. Такое положение закаляет человека», — заявил новый директор в интервью «Жечпосполитой».

Время покажет, удастся ли ему выполнить эти обещания.

Завершена инвентаризация архива Литературного института в Париже, в собраниях которого находится, в частности, богатая корреспонденция создателя «Культуры» Ежи Гедройца. 15 января в Мезон-Лаффите под Парижем состоялась торжественная передача инвентарных книг Общества «Институт литерацкий — Культура». В мероприятии приняла участие заместитель министра культуры и национального наследия Магдалена Гавин. Работа над проектом, который финансировало министерство, велась с июня 2009 по конец 2015 года Национальной библиотекой и Главной дирекцией государственных архивов. В собрании хранится 150 тыс. писем Ежи Гедройца, свыше 8 тыс. фотографий, звукозаписи, киноматериалы, свыше 200 произведений искусства, а также переданные Литературному институту личные архивы сотрудников. Архивные дела заняли 165 погонных метров полка, еще на 20 метрах расположены другие единицы хранения. Проведены работы по обеспечению сохранности материалов, весь архив упорядочен, каталогизирован и размещен в специально приспособленном здании.

Профессор Эдвард Бальцежан, поэт, прозаик и исследователь польской литературы, связанный с Познанским университетом им. Адама Мицкевича, стал в нынешнем году лауреатом премии им. Казимежа Выки, которую торжественно вручили в Театре им. Юлиуша Словацкого в Кракове. Премия присуждается с 1980 года за выдающиеся достижения в области эссеистики и литературной и художественной критики. Патрон премии — выдающийся историк литературы и литературный критик Казимеж Выка (1910–1975), профессор Ягеллонского университета, создатель собственной методологии литературной критики, так называемой «школой Выки».

Лауреатом премии прошлого года был историк литературы и культуролог проф. Анджей Менцвель.

13 марта 2016 года исполнится 20 лет со дня смерти Кшиштофа Кеслёвского. В связи с этой датой Польская киноакадемия провозгласила Год Кеслёвского. В ходе начавшегося 9 января в варшавском кинотеатре «Иллюзион» просмотра фильмов, претендующих на Польскую кинопремию «Орел» 2016 года, была показана реконструкция картины Кеслёвского «Кинолюбитель». Президент Польской киноакадемии Дариуш Яблонский сказал: «Мы не случайно выбрали именно «Кинолюбителя» 1979 года. В мире, который так стремительно меняется, кинематографисты должны задавать себе вопросы: на что направить камеру и зачем это делать. Польская киноакадемия верит, что кинематографисты должны не только развлекать публику, но и имеют определенные обязанности перед обществом».

15 января на экраны кинотеатров вышел фильм режиссера Януша Маевского «Эксцентрики, или На солнечной стороне улицы», поставленный по роману Влодзимежа Ковалевского. Действие происходит в 50-е годы, главный герой — вернувшийся из Англии эмигрант времен войны, джазовый тромбонист и замечательный танцор. Вместе с группой местных чудаков и музыкантов-любителей он организует в Цехоцинеке свинговый биг-бэнд. В фильме снялись многие известные актеры, например, Мацей Штур, Соня Бохосевич, Войцех Пшоняк, Анна Дымная, Наталия Рыбицкая. Помимо любовной линии в фильме есть и детективный сюжет, но прежде всего — много прекрасного джаза того времени. Не идеализирует ли фильм образ ПНР? На этот вопрос Януш Маевский (р. 1931) отвечает: «Серость ПНР — это миф и стереотип, это суждение, вымышленное доморощенными историками на основе разных легенд борцов с режимом. Серость? А где улицы, оклеенные фантастическими польскими плакатами? Где яркие девушки, которых одевала Бася Хофф?»

Петр Гушковский, рецензент «Газеты wyborчей», добавляет: «Горечь эпохи остается как бы недосказанной, так как, с ностальгией восстанавливая атмосферу времен своей молодости, Маевский сосредоточился на том, что было ярким — наперекор унынию, которое, по его мнению, царит в польском кино последнего десятилетия. Поэтому ПНР выглядит на экране иначе, чем можно было бы ожидать».

Снимается фильм о докторе Михалине Вислоцкой, знаменитом польском сексологе. Книга Вислоцкой «Искусство любви», разошедшаяся общим тиражом 7 млн экземпляров, революционизировала половую жизнь целого поколения поляков. Действие фильма разворачивается с конца сороковых до середины семидесятых годов. Картину ставит Марыся Садовская, уже поднимавшая женские темы в польском кино («День женщин»); сценарий написал Кшиштоф Рак, отмеченный многими премиями за сценарий знаменитого фильма «Боги» о докторе Збигневе Религе, самом известном польском кардиохирурге. В роли доктора Михалины Вислоцкой (1921–2005) выступит Магдалена Бочарская, которая блеснула заглавной ролью в фильме «Розочка» Яна Кидавы–Блонского.

Премия имени Збигнева Цибульского, присуждаемую молодым польским актерам, отличающимся яркой индивидуальностью, за 2014/2015 год получила Агнешка Жулевская. Так отмечена ее роль в фильме Бартоша Прокоповича «Химия», где она проникновенно сыграла больную раком девушку.

Мемориальная доска, посвященная Тадеушу Конвицкому и его жене, художнице Дануте Конвицкой, урожденной Леница, открыта в Варшаве 7 января, в первую годовщину смерти автора «Польского комплекса». Среди присутствующих были экс-президент Бронислав Коморовский и дочь писателя Мария Конвицкая. Памятный знак размещен на фасаде дома номер 1 по улице Гурского, где Тадеуш Конвицкий жил с 1956 года. С инициативой увековечить память писателя выступили жильцы дома. Открывая мемориальную доску, Бронислав Коморовский сказал, что всегда думал о Конвицком «как о представителе поколения, которому довелось пережить уничтожение и трудами построить свою жизнь на общее благо, на благо страны». Он также добавил: «Не было, пожалуй, более счастливой минуты для всех подпольных типографов, распространителей нелегальной печати и редакторов, чем момент издания написанного в подполье и специально для подполья в чем-то иносказательного, в чем-то шокирующего «Малого апокалипсиса». Это был момент, когда мы почувствовали (во всяком случае, я почувствовал), что нас поддерживают самые замечательные люди. То есть самый замечательный польский писатель. Мне кажется важным,

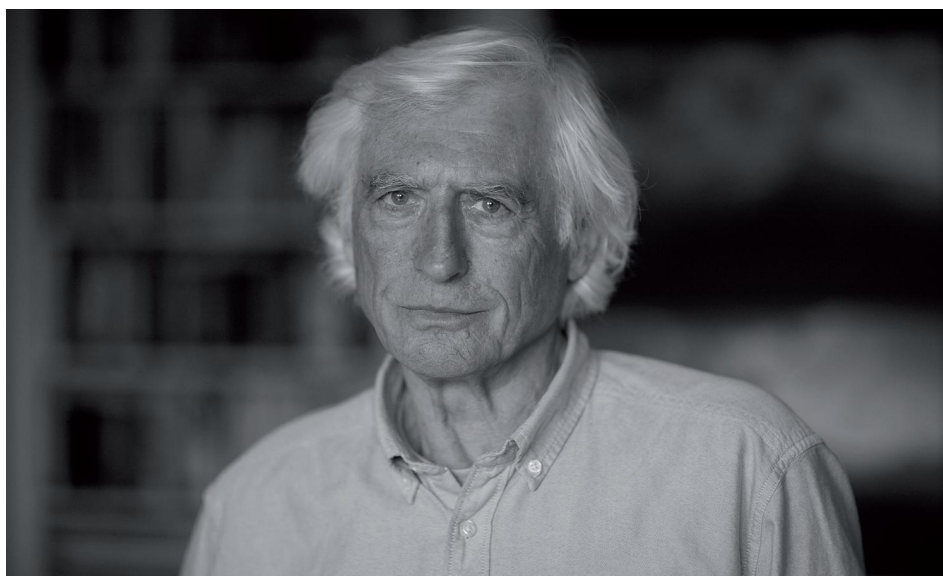
чтобы в масштабе всего народа, всего общества сохранилось это чувство благодарности».

Прощания

15 января в возрасте 75 лет в Варшаве умер выдающийся кинематографист Анджей Котковский. Он преподавал в Академии кино и телевидения в Варшаве, был членом Польской киноакадемии и Союза польских кинематографистов. Как режиссер дебютировал в 1978 году картиной «Игра на всё». Снял также, в частности, фильмы «Олимпиада 40», «Спокойные годы», «В старинной усадьбе, или Независимость треугольников», «Гражданин Пищик», за который получил режиссерскую премию на фестивале польских художественных фильмов в Гдыне. Участвовал также в создании фильмов Анджея Вайды, таких, например, как «Земля обетованная», «Свадьба», «Корчак», а также «Йовиты» Януша Моргенштерна. Последний фильм, над которым Анджей Котковский работал в качестве второго режиссера, «Эксцентрики, или На солнечной стороне улицы» вышел на экраны в день его смерти.

Михал Ягелло

(1941–2016)

Михал Ягелло (фото: К. Дубель)

Писатель, альпинист, общественный деятель, защитник прав национальных меньшинств.

Родился в подкарпатской деревне Яниковка. Полонист, выпускник Ягеллонского университета. После университета долгое время работал в Добровольном обществе горных спасателей в Татрах, одновременно печатался в изданиях, посвященных культуре и искусству. Работал в отделе культуры ЦК ПОПР, но после введения военного положения в декабре 1981 года покинул ряды партии. Сотрудничал с редакцией католического журнала «Пшеглёнд повшехный».

В 1989–1997 гг. занимал пост замминистра культуры, концентрируясь на проблемах национальных меньшинств в Польше. Курировал многочисленные культурные проекты и издательскую деятельность меньшинств. С 1998 по 2006 год был директором Национальной библиотеки в Варшаве. В этот период активно занимался историческими исследованиями связей между народами, проживающими на восточных землях бывшей Речи Посполитой, кроме того, публиковал очерки о польской религиозной прессе межвоенного периода.

Огромной популярностью пользовались у читателей его книги о Татрах, культуре польских горцев и особенностях работы горных спасателей. В последние годы он публикует очень интересные стихи и поэмы, основанные прежде всего на автобиографическом материале.

Михал Ягелло был награжден Командорским крестом ордена Возрождения Польши, золотой медалью заслуженного деятеля культуры «Gloria Artis», литовским орденом великого князя Гедиминаса IV степени, украинским крестом «За заслуги» III степени и «Золотой плакеткой» МВД Словакии, а также орденом св. Марии Магdalены, который польская автокефальная православная Церковь присуждает за охрану памятников и церковных достопримечательностей.

Историческая политика в кино

С Ярославом Селлином беседует Тадеуш Соболевский

«Я не думаю, что кинематографическое сообщество должно опасаться нашей власти. Кино для нас — элемент исторической политики, политики памяти, коллективного сознания, мифов, которые создает массовая культура», — говорит Ярослав Селлин, государственный секретарь Министерства культуры и национального наследия.

— Удовлетворены ли вы законом о кинематографии 2005 года?

— Скажу лишь, что этот закон был принят благодаря двум политическим партиям: Союзу демократических левых сил и партии «Право и справедливость».

— Вы тогда были госсекретарем в ведомстве Казимежа Уяздовского?

— Это было немного раньше, когда у власти еще был Союз демократических левых сил, при премьере Мареке Бельке, а «Право и справедливость» и «Гражданская платформа» были в оппозиции. Наше движение высказывалось за то, чтобы кино получило общественную, государственную поддержку. «Платформа» была против. К счастью, тогда этот закон все же приняли и организовали Польский институт киноискусства. Благодаря этому польское кино ожило.

— А сегодня, уже как представитель правящей партии, вы по-прежнему так думаете?

— Не могу ответить однозначно, потому что в министерстве я пока неполный месяц, дел выше головы, поэтому только после консультаций с разными профессиональными группами я смогу что-то ответственно сказать. Ведь не бывает, чтобы какой-то закон был идеалом. Иногда сами профессионалы добиваются изменения каких-то деталей.

— Я задал вопрос, потому что именно в профессиональной среде кинематографистов с тревогой говорят о планах объединить, в рамках единой крупной институции, Польский институт киноискусства, Национальный аудиовизуальный институт и Студию документальных и художественных фильмов. Это реально?

— Я не интересуюсь слухами.

— То есть нет таких планов?

— Я о таких не знаю, вот от вас услышал.

— Это трудно было бы осуществить, потому что наша «киносистема», ключевым элементом которой является независимый Институт киноискусства, утверждена Еврокомиссией. А цель европейской политики — это как раз защита национального кинематографа.

— Конечно, необходима защита национальной кинематографии от доминирования популярного американского кино, которое располагает невероятным коммерческим потенциалом и огромной англоязычной аудиторией. В Европе своя традиция кино. В целом оно более художественное, авторское, построено на местном материале. Эта традиция требует поддержки.

— Фонд, который защищает отечественное кино, поначалу складывавшийся из процента от каждого проданного билета, был придуман в послевоенной Франции. Так формировалась система, которую приняла Европа. У нас в революционном раже высказываются мнения, что кино должно стать «более национальным». Не понимаю. Это значит, что польское кино эпохи Вайды и Мунка, Кеслёвского и Холланд было недостаточно национальным?

— Я не слышал, чтобы кто-то формулировал это именно так. Самое большее — это требование, чтобы национальное кино помогло в проведении мудрой исторической политики, политики памяти, потому что в этой сфере в Польше дела обстоят не лучшим образом. «Национальное» кино — это очевидность. И хотя сегодня в Европе доминирует совместное кинопроизводство, мы более или менее знаем, что такое французское, итальянское, скандинавское, немецкое кино. Польское тоже.

— Когда я слышу о «необходимости создать национальное кино», сразу представляю себе фильмы о войнах и тюрьмах, о проигранных битвах, «проклятых солдатах», жертвах системы. То есть все будет, как в рассказе Мрожека: если у кого-то нет зубов, значит их «выбили за свободу». Не думаю, что мир этого ждет, даже в голливудском издании. Мир не волнуют польские комплексы. Польская школа кино, которой когда-то восхищался весь мир, — это был смеющийся Цибульский в темных очках. Кино было устремлено в будущее, к жизни. Поэтому оно нравилось. А что вы думаете о призывах к новой мартирологии?

— Я возвращусь к проблеме кино как элемента исторической политики, политики памяти, коллективного сознания, мифов, которые строит массовая культура. Это его естественная роль, хотим мы того или нет. Ведь картины и цитаты, которые мы помним из кинофильмов, — это составляющие нашей идентификации.

— Но не так ведь напрямую. Польское кино часто вступало в полемику с национальными стереотипами и культурной политикой своего времени, которая устанавливала, что нужно и сколько можно.

— В ПНР кино играло такую роль. Но, задумываясь сегодня над тем, как воспринимается наше кино в мире, вы согласитесь, что представления о народе и его роли в прошлом сказываются на будущем. Приятнее ведь путешествовать, делать бизнес, контактировать с представителями народов, которые ассоциируются с чем-то хорошим. Создать хороший имидж, побудить интерес к определенному народу или государству в рамках формирования исторической политики — это имеет значение для нашего будущего.

— Национальное кино как пропаганда польского духа? Зритель как ученик в школе? Или это образцы для дня нынешнего? Годар назвал когда-то примером национального кино «Канал» Вайды, потому что в таких фильмах «нация присматривается к себе».

Итальянцы к себе присматриваются в Дантовом «Аде» — «Ад» интереснее, чем «Рай». Главные книги польской литературы — это произведения критические, полные иронии: «Дзяды» Мицкевича, «Свадьба» и «Освобождение» Высянского, «Канун весны» Жеромского, весь Гомбрович. Это литература далекая от пропаганды. Наше кино тоже не должно быть пропагандой.

— Я не говорю о пропаганде. Но разве мы в польском кино рассказали обо всем, что нужно рассказать? Возьмем чехов — народ, который во Второй мировой войне не сыграл такой роли, как поляки. Тем не менее, они выпустили в мировой прокат два замечательных фильма — о чешских летчиках в битве за Англию и о чехах, сражавшихся под Тобруком, где они составляли подразделение в польской бригаде. Так что чехи, а не поляки сегодня ассоциируются с воздушной защитой Англии и сражениями с немецкими корпусами в Северной Африке. Жаль, что у нас нет аналогичных фильмов о поляках.

— Мало сценариев, мало денег.

— В таком случае можно попробовать создать условия, в которых могли бы создаваться привлекательные, высокобюджетные исторические картины — например, с участием американских звезд. Почему бы нет?

— Американцы делали бы польские фильмы?

— Помогали бы. У них есть опыт (по моему мнению, лучший военный фильм в истории кино — это «Рядовой Райан» Спилберга), а их звезды привлекают зрителей уже одним своим именем.

— Однако же не удалось высокобюджетные заграничные исторические фильмы о поляках: «Битва за Вену» Алессандро Леоне оказалась провалом (режиссер вошел в состав новых экспертов Института киноискусства); а «Путь домой» Питера Уира (о

поляке, совершившем побег из сибирского лагеря) я смотрел в пустом мультиплексе.

— Если говорить об исторических фильмах, то здесь успех гарантировать невозможно, но это не значит, что не следует пытаться. Мне повезло больше, когда я смотрел картину Уира, зал не был пустым, да и фильм, по моей оценке, — волнующий и серьезный. А возвращаясь к возможности сотрудничества с американцами, то напомним, что даже очень небогатая Грузия пригласила их сделать фильм о войне с Россией за Осетию, потому что там решили, что именно фильм поможет лучше рассказать миру об этой трагедии.

— Я не видел «Пять дней войны», но, судя по рецензиям, в Грузии эта картина, заказанная президентом Саакашвили, показалась упрощенной, а остальной мир мало взволновала.

— Я тоже еще не видел этого фильма, но вернемся к лакунам в польском историческом кино. Десять лет назад среди молодых людей заметно вырос интерес к Варшавскому восстанию, восторженное отношение к которому возникло благодаря открывшемуся тогда музею, посвященному этому восстанию. Чувствовался общий запрос на новый, масштабный фильм — после «Канала» Вайды. Министерство и музей объявили конкурс на сценарий. Надо вернуться к этой практике.

— Я состоял в жюри этого конкурса. Сценарии-победители должны были реализовать Юлиуш Махульский и Дариуш Гаевский, но фильмы не сняли из-за отсутствия финансирования. Я также допускаю, что никто не был особенно заинтересован. Картина, которая в конце концов была сделана, «Город 44», создавалась благодаря энтузиазму режиссера Яна Комасы. Но выдержит ли фильм проверку временем, как «Канал»? Мы все время кружим вокруг одних и тех же тем. Я бы хотел увидеть реализацию каких-то небесспорных проектов о поляках в мире. Например, фильм о Мицкевиче, каким он показан в романе Дьёрдя Шпиро «Мессии» или выведен в «Матери Макрине» Яцека Денеля. Картину о Конраде, которую не поставил Войцех Марчевский. Фильм, которого не создал Филип Байон, о Брониславе Пилсудском, сахалинском ссыльном, который стал знаменитым этнографом и культовой фигурой в Японии. Или фильм, так и не снятый Казимежем Куцем, — о силезской деревне, которая эмигрировала в Техас и существует там по сей день.

— У меня тоже есть свои любимые сюжеты, но я не могу о них говорить, потому что это может быть понято как подсказка или директива. Но некоторых тем или персонажей мне в польском кино очень не хватает. Например, захватывающих биографий XVIII века, которые сегодня многое могли бы сказать о генезисе нашей современности.

— А что вы любите из «золотой эпохи» польского кино, то есть из фильмов 1956–1981 годов?

— Я здесь не окажусь особо оригинальным. Мне очень нравились экранизации польской классики. Как для большого экрана, так и в телесериалах. Среди них фильмом самым выдающимся, динамично поставленным и передающим дух времени, до сих пор производящим мощное впечатление, остается «Земля обетованная» Вайды. Я также люблю всю «Трилогию» Хоффмана, но в обратном порядке относительно времени выхода: больше всего я ценю «Пана Володыевского», за ним «Потоп» и уже после них «Огнем и мечом». Хотя и на эту тему мне не стоило бы высказываться.

— Думаю, ничего крамольного в вашем высказывании нет. Вы заняли высокий пост в министерстве культуры в момент, когда польское кино достигло наивысших успехов с 1989 года: самые высокие показатели посещаемости, мировые премии, в том числе «Оскар» Павликовского, «Серебряный медведь» Шумовской. Официально принятый курс перемен вызывает опасения, что эта благоприятная конъюнктура может измениться — и вместо того, чтобы двигаться вперед, мы сделаем шаг назад.

— Я не думаю, что кинематографическое сообщество должно опасаться нашей власти. Как ни одна другая партия в Польше мы придаем поддержке польской культуры огромное значение, о чем свидетельствует то, что впервые в истории польской демократии министр культуры является вице-премьером. В сфере польской кинематографии мы ожидаем оживления, широкой дискуссии, значительного продвижения Польши и польских ценностей. Мы при этом мы четко говорим, чего нам не хватает, что нужно восполнить. Мы надеемся, что в предстоящие годы к великолепным достижениям предшествующего периода прибавятся новые серьезные свершения.

Дьявольские проделки

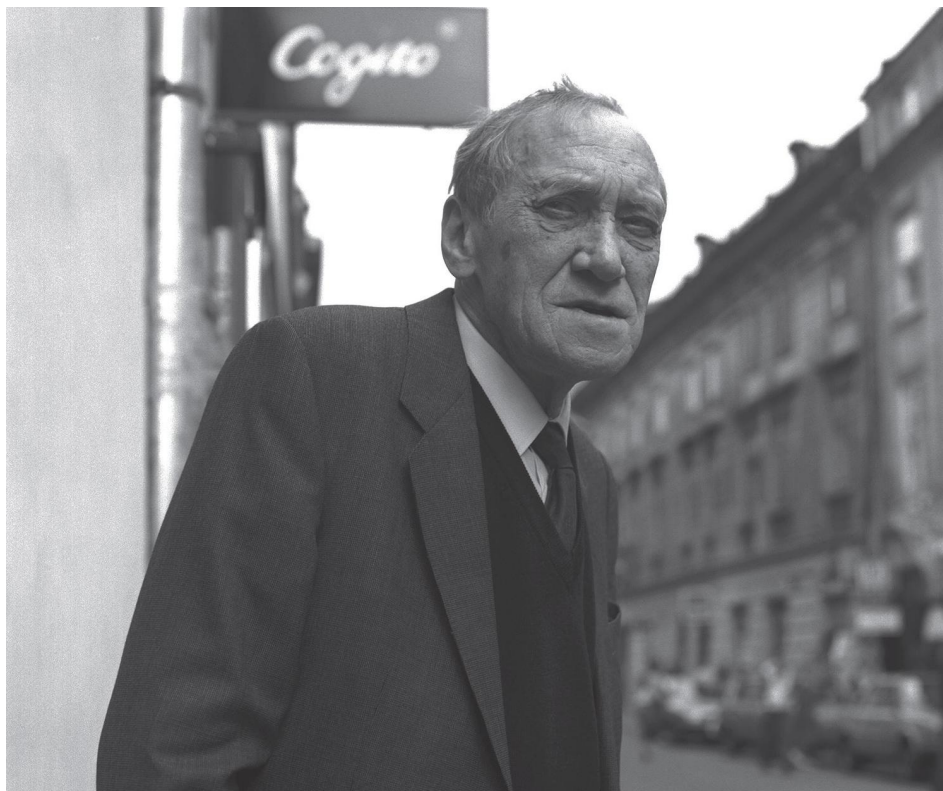

Фото: E. Lempp

23 октября — день рождения Лешека Колаковского. В этом году ему бы исполнилось восемьдесят восемь. Друзья выдающегося философа, писателя и эссеиста, умершего 17 июля 2009 года в Оксфорде, уже шесть лет подряд накануне этой даты устраивают День рождения Лешека Колаковского в варшавском театре «Сирена». В качестве специального гостя всегда приглашается жена автора «Моих правильных взглядов на всё» Тамара Колаковская, а также Кароль Модзелевский, чье влияние на судьбу философа по-своему уникально. Вместе с Тадеушем Котарбинским и Марией Оссовской Лешек Колаковский в 1965 году встал на защиту Яцека Куроня и Кароля Модзелевского после публикации ими оппозиционного по отношению к властям «Открытого письма к партии». Товарищ Веслав^[1] посчитал этот документ опасным, содержащим программу, которая «лишает партию и правительство права на существование». Молодые люди — Куронь и Модзелевский — были обвинены в ревизионизме, попытке свержения режима и распространении ложных сведений. Котарбинский, Оссовская и Колаковский составили тогда «Мнение по вопросу

понимания сообщения», которое должно было послужить защите обвиняемых, но ни к чему не привело. Его отклонил пээнэровский суд, Куронь и Модзелевский оказались за решеткой. Зато Лешека Колаковского осенью 1966 года исключили из партии, а когда в марте 1968 года он встал на сторону студентов, ему запретили читать лекции в Варшавском университете, и он вынужден был эмигрировать.

В связи с празднованием годовщины театр «Сирена» и его директор Войцех Малайкат вспоминают не философские труды, а художественные произведения Колаковского — сказки, эссе, притчи. А их было немало, достаточно вспомнить хотя бы «13 сказок из королевства Лаилонии», «Может ли дьявол быть спасен и 27 других проповедей», «Четыре сказки об идентичности» или пародию на «Фауста».

Трость и шляпа

Нынешние торжества прошли под знаком «Бесед с дьяволом» — как раз нынче исполняется пятьдесят лет с момента выхода в свет этой книги, включающей самые разные литературные формы — проповедь, молитву, стихотворение, диалог. Публике, собравшейся в театре «Сирена» в понедельник, 19 октября, несказанно повезло: из Кракова приехал Ежи Треля с моноспектаклем «Беседы с дьяволом, или Великая проповедь ксендза Бернарда» в постановке Кшиштофа Ясинского, с музыкой Яна Канты Павлюськевича и сценографией Яна Полевки. Это не новая вещь: премьера спектакля состоялась в краковском театре СТУ в феврале 2006 года. Лешек Колаковский видел его на сцене и, как вспоминают свидетели этого события, был восхищен мастерством Ежи Трели. Позже он прислал актеру восторженное письмо с благодарностью, а также свои трость и шляпу — важные в этом спектакле реквизиты.

Варшавская публика тоже осталась в восхищении. Зрители устроили актеру овацию стоя. Он был бесподобен. Волнующий, коварный, двойственный: проповедник и посланник ада. Сперва смиренный, в монашеской рясе, подпоясанный веревкой. Позже он сбросит рясу и покажет рога.

«Кем предстает Ежи Треля во второй части вечера, сомнений нет, — писал в рецензии Томаш Мосцицкий. — Начищенные ботинки, элегантный сюртук, безупречно завязанный старомодный галстук и столь вызывающий, наглый тон. Так может говорить только дьявол, абсолютно уверенный в своей

силе. И снова возникнет эта двойственность из проповеди отца Бернарда. Сатана Трели выглядит уставшим. Он знает ход вещей этого мира, прекрасно понимает, что близка его победа. Надевает элегантную черную шляпу, тактично кланяется, исчезает. Он знает, что все равно мы вскоре встретимся...»

Идеологические государства — затея дьявола

Я познакомилась с Лешеком Колаковским более двадцати лет назад в гостеприимном доме Янины и Виктора Ворошильских. Это гостеприимству Виктора я обязана тем интервью, которое взяла у профессора в марте 1994 года для газеты «Жечпосполита», а затем включила в книгу «Остановка Европа». Автор трактата «Если Бога нет...» не искал встреч с прессой, но, поддавшись на уговоры друга, все же согласился побеседовать. Наш долгий разговор носил название «Любимое место охоты дьявола». Я выбираю из него теперь только те фрагменты, которые относятся к «дьявольским проделкам». Они по-прежнему звучат актуально, хотя декорации немного поменялись.

— Поговорим о дьяволе, весьма частом герое ваших текстов. В очерке «Политика и дьявол», напечатанном в 1988 году в журнале «Зешиты литерацке», вы назвали и описали деяния дьявола в истории человечества и каждую следующую фазу его борьбы с Добром. Четвертая фаза баталии дьявола в истории человечества имела место в XX столетии. Дьявол выдумал идеологические государства, «то есть государства, принцип легитимации которых опирается на том, что их властители являются властителями правды». Но актуально ли это теперь: Советский Союз развалился, идеократические коммунистические государства пали, рухнула Берлинская стена. Что же тогда делает дьявол сегодня?

— То, что сильнее всего бросается в глаза, — это, конечно, злоупотребление нашей привязанностью к своей культурной нише. Это то, что естественно и само по себе отнюдь не вызывает порицания. Но...

— Значит, национализм сегодня — это основная сфера дьявола?

— Думаю, что главным образом да, хотя само слово «национализм» неоднозначно... Для меня оно обладает негативным ассоциативным фоном. Это значит, что оно включает не только привязанность к собственным

национальным традициям, языку, этнической культуре, но и ненависть ко всему чужому.

— *Остается вопрос, всегда ли национализм является «дьявольщиной». Существуют примеры, когда он играл созидательную роль в истории. В той же Литве: без литовских националистов конца XIX века — ксендзов, учителей (зачастую крестьянского происхождения) — это государство вряд ли бы вообще сейчас существовало.*

— Безусловно. Еще один пример — чехи, чья культура была сильно онемечена. Это было сознательное усилие, направленное на возрождение своей культуры, предпринятое чешской интеллигенцией в XIX веке, и у них это получилось. Конечно, было бы глупо это осуждать. Я всегда за многообразие. Мне нравится, что до сих пор сохраняются малые культурные и языковые островки, которые испокон веков существовали в Европе. Я не вижу ничего хорошего в том, что такая большая ветвь индоевропейских языков, кельтская ветвь (ирландский, валлийский, старогалльский и бретонский языки), сейчас вымирает и спустя два поколения может вообще перестать существовать.

Универсализация ничуть меня не радует, хотя разнородность культур неизбежно приводит к ссорам и конфликтам. Этого невозможно избежать, поскольку дьявол всегда делает там свое дело.

Российско-украинский вопрос

— *Весьма незначительной бывает толерантность по отношению к инаковости и разнородности, еще меньше она тогда, когда речь идет о национальных интересах...*

— Вы знаете, мне приходится разговаривать с россиянами, с разумными людьми с безупречной демократической репутацией. Они не верят в то, что существует такой народ, как украинцы, или даже украинский язык. Они утверждают, что на Украине, в общем-то, нет собственной литературы.

Как сказал мне один россиянин, крупный писатель, у них был только один действительно великий поэт — Григорий Сковорода. Но он писал стихи по-русски, вкраплял только отдельные украинизмы, как, впрочем, и Гоголь. Мне неоднократно приходилось слышать от россиян такие мнения. И повторяю, от россиян самого лучшего интеллектуального

формата. У них такое ощущение, что Украина — это естественная часть России. Ну и в конце концов есть тот самый Киев, колыбель Древней Руси. Я боюсь, что российско-украинский вопрос далеко не исчерпан. Дай Бог, чтобы я ошибался.

В конечном счете, народы представляют собой исторические образования, они не постоянны. Когда-то, вероятно, украинский народ не воспринимался как самостоятельный, но сегодня отрицать это невозможно. Когда же такое ощущение возникает, то к этому начинают придумывать различные исторические легенды. Поскольку всегда необходимо какое-то начало, любой народ любит мифы о своих истоках. Но, независимо от этих мифов, часто появляются новые народы, осознающие свою самобытность. И это уже факты, которые невозможно отрицать, и пытаться их отвергнуть не следует. Нация создается благодаря национальному самосознанию. Когда есть это самосознание, есть и нация. И тогда нельзя ссылаться на историю, чтобы это опровергнуть.

У вас не должно быть никаких комплексов

— В интервью еженедельнику «Впрост» вы сказали недавно: «Я считаю, что мы в состоянии сохранить нашу национальную самобытность, не замыкаясь в каком-то примитивном загоне». Как нам следует вести себя, как оставаться собой в этой становящейся единой Европе? У нас много смешных претензий и иллюзий, но много и комплексов перед Западом. Как, учитывая все это, нам осознавать себя? Кто мы в Европе?

— Мы так или иначе уже находимся в ней, со всеми своими комплексами. У нас нет причин прилагать особые усилия, чтобы в Европе самоопределяться в культурном отношении. Нам нечего стыдиться, когда речь идет о нашей культуре. А если говорить о таких практических вещах, как вступление в будущем в Европейское сообщество, то это в конце концов произойдет. Не вдруг, но всё же произойдет, если не случится каких-нибудь больших катастроф.

Что же касается нашей культурной самобытности, то нет поводов для беспокойства, что мы можем ее утратить. Когда я встречаюсь с молодыми людьми из Польши, то с удовольствием смотрю на них, с удовольствием с ними разговариваю, схожусь с ними. Когда они приезжают в Оксфорд, я говорю им иногда: у вас не должно быть никаких комплексов перед англичанами. Их единственное

преимущество перед нами в том, что они лучше говорят по-английски. В знании других языков они никудашны, хуже нас.

Я хотел бы, чтобы у нас было больше латыни и греческого языка в школах. Я не устаю на этом настаивать. Это вопрос чрезвычайно важный для понимания общих корней европейской культуры — латынь и греческий язык, и еще, конечно, сохранение стержня христианской культуры. Да, нужно детям вбивать в головы Библию.

Мегаломания и другие демоны

— Одни хотят в Европу, а другие предпочли бы закрыться за своими заборами. Есть такое стремление даже у части интеллектуалов, которые подчеркивают польские добродетели, религиозность, например, или другие какие-то наши положительные качества — действительные и мнимые. Как вы считаете, откуда это берется? Это вытекает из комплексов или из подлинной убежденности в превосходстве польского духа над бездушным Западом?

— Такая тенденция самовозвеличения есть у любого народа. Недавно один писатель во Франции издал под псевдонимом книгу «Покончить с англичанами». Классическое проявление французского шовинизма: какие эти англичане глупые, ужасные, бестолковые... А несколько дней назад в «Санди Таймс» появилась, в свою очередь, статья о французах — как реакция на эту книгу. Там было написано, что, собственно, французы — это совершенно смешной народ. Что литературы у них почти никакой нет. Что в течение последних ста лет они ничего не достигли ни в культуре, ни в живописи, ни в литературе. Что все войны проигрывали, поскольку они трусы и прихвостни. Что единственное, что у них хорошо получается, — это работать официантами, потому что раболепие — их природная черта. Это, разумеется, сплошной вздор, который, тем не менее, занятно читать. Такие вещи, вероятно, есть везде. И Польша в этом не одинока: всегда есть определенные группы, которые кичатся особыми добродетелями и достоинствами своего народа. Плохо, если из этого получают сильные политические движения. Пока подобного рода движения, основанные на национальной мегаломании, слабее, чем я предполагал несколько лет назад. Я думал, что они будут более многочисленны и сильны в своем политическом проявлении.

— В тексте, опубликованном в журнале «Зешиты литерацке», о котором мы вспоминали, вы утверждаете, что не только

политика — наряду с сексом — является любимой сферой действия дьявола, но также искусство, наука и философия, хотя и выглядят они относительно невинно. Не могли бы вы пояснить это на примерах не самого далекого прошлого? То есть не на Платоне, Декарте или Руссо. Каковы эти более близкие нашему времени утонченные демоны, которые отравляют искусство, науку и философию?

— С помощью дьявола всё можно превратить в оружие, служащее уничтожению, даже если и возникло оно из добрых намерений. Ну, к примеру, если бы Гегеля не было, то и Маркс не был бы таким, каким он был. А если бы не было Маркса, то и Ленина бы не было. Я не утверждаю, что Маркс всю жизнь думал о том, как бы построить ГУЛАГ. Но здесь есть историческая преемственность, которая не зависит от намерений, какое-то странное продолжение и культурные мутации.

Является ли телевидение сферой действия дьявола? Нельзя сказать, что оно целиком является дьявольской затеей, но какие-то черти там водятся. Конечно, можно порой взять от телевидения что-то полезное, но фактом остается то, что такого рода средство коммуникации приучает нас к пассивности, воспитывает равнодушие к насилию. Более того, телевидение стирает границу между вымыслом и действительностью. Мы смотрим триллеры, где беспрерывно убивают — это вымысел. И смотрим на трупы в Боснии, Грузии или Сомали — и это как будто одно и то же, оно существует на тех же правах. И мы уже не различаем, стирается эта грань. Я вижу в этом определенную опасность.

Нет никаких гарантий

В какой-то момент я спросила Лешека Колаковского, подпишется ли он под словами Томаса Венцловы, что «история движется медленно, но в правильном направлении». Надеялась, что он согласится. Но нет.

— История, — сказал философ, — не движется ни в какую сторону. Я думаю, что посткоммунистические страны — я не имею в виду Россию — движутся несколько лет по очень ухабистой дороге, вероятно, им удастся стабилизировать демократические институты. Если же говорить об истории с большой буквы, то, знаете, я думаю, что никаких исторических законов не существует и что никаких долгосрочных прогнозов делать нельзя, за исключением,

пожалуй, того, что у людей всегда будет достаточное количество веских причин, чтобы убивать друг друга. Это не значит, что я ожидаю сейчас каких-то катастроф. Могут быть относительно долгие, на протяжении нескольких поколений, периоды, когда люди не уничтожаются массово. Но у нас нет на это никаких гарантий.

Сейчас, несмотря на все проблемы, трудности, конфликты и войны, Европа живет вполне неплохо. Но если наступит по какой-либо причине какой-то неожиданный кризис, то не дай Бог. Нет гарантий, что какой бы то ни было народ, пусть и самый цивилизованный, не ударится в варварство. Нет здесь никаких гарантий, всякая ситуация нестабильна. Не существует никаких исторических законов.

Потом я встречала профессора в Варшаве и Кракове, мы виделись также на международной книжной ярмарке во Франкфурте в 2000 году. Однако самая главная встреча состоялась в варшавской квартире Ворошильских. Для меня она незабываема: мне представился случай слушать умнейшего человека, к тому же остроумного и невероятно обаятельного. Когда мы прощались, Лешек Колаковский на своей книге «Может ли дьявол быть спасен?» написал мне большое посвящение. Оно начиналось словами: «Эльжбете Савицкой, которая зверски меня пытала, но которую я прощаю».

Текст опубликован на портале «Институт обывательский»

-
1. Псевдоним Владислава Гомулки, первого секретаря Польской объединенной рабочей партии в 1956–1970 гг.— *Примеч. пер.*

Мария Бигошевская

Стихотворения

Перевод Анастасии Векшиной

Семейная фотография Фотоателье Л. Руденштейн, Кельце, 1913 г.

Четверо. В пальто и высоких шапках.
Отец, самый младший, в гимназическом кителе,
улыбается. Наступил благоприятный год
1913 (мать родится еще только через
двадцать месяцев и во Львове влюбится в еврея,
Авраама Липшица. После ее смерти я найду его фотографию
на паспорт в затертом помяннике).
Масленица. Старшие — дед, дядя —
осанисто прислонились к резным колоннам. На обед
они ели гуся и тепло приятно расходится
по желудкам. У отца в кармане лежит ножик
и открытка, изображающая голых женщин.
Они выйдут, и посыплется мягкий,
мокрый снег.

1993

Я танцевал бы пого, но и так
поймут, что я еврей.

Я узнаю тебя по родинке.
По ботинкам. Рубашке. Ветка
колотит в угол дома, и я знаю: все,
чего не могло случиться,
явилось. Бидоны полны, молочный теленок.
Кашрут, поэтому отделены
молоко и кровь.

Боже, которого нет,
помолись за нас.
За наших котов и собак. За лошадей
и овец, не только за эту заблудшую,

которую пастырь найдет
или партия. Проси прощенья у нас,
у всех созданий
смертных.

Хотя что это даст.

Смена поколений

Когда умирал пан Т.,
надо мной, над потолком,
было
глухо. Так же долго
отходил в тишине пан В.
За десять лет исчез весь наш ряд.
Остался только мой рак. А он?
Оттягивает, бестия,
потягивается.

Площадь старого города

Из окна кухни вижу громко поющего
русского. Плоское, потрепанное лицо, большие
руки и клавиши гармони. Его чернявый
сын только что убежал за булками или за кока-колой.
Тем временем вальс раздается. Площадь
зыбко уходит вверх. Распад идет. Мое второе лето
в этом доме.

Павел Танский

Мария Бигошевская

Из архива Марии Бигошевской

Сборник стихов Марии Бигошевской «Одна комната» отмечен знаком вечно неутоленного голода по нашему миру. Это свидетельство стремления сохранить в памяти крохи повседневности, которыми жадно питаются человеческие чувства. Выражение потребности найти свои анклав безопасности и эксклавы в государстве досконально известного собственного быта. В этих лаконичных и приковывающих к себе внимания текстах автор поэтического монолога «В многоэтажке» зашифровала формы интенсивной терапии. Это упрямые и безнадежные попытки вырваться из неизбежности течения времени, убежать от болезней и страхов, чтобы поймать долгожданный момент восхищения миром.

Сила поэзии Марии Бигошевской состоит в том, что она запечатлевает грусть, минуты удивления и просветления, различая в мелочах величие жизни и смерти. Границы моей комнаты — это границы моего языка, повторяет автор «Площади старого города». Наперекор судьбе поэт не перестает записывать свои чувственные — тактильные, зрительные, слуховые — опыты, которые должны заменить ей все остальное.

«Одна комната» — это стихи, полные нежности, но одновременно это решительный голос человека, сражающегося

с собственным предназначением. Обитателя города и дома, а в нем — «одной комнаты», отдельной галактики.

Мария Бигосhevская (р. 1951) — поэт, прозаик, автор радиопьес. Лауреат премии Польского общества книгоиздателей за сборник стихов «Сговор» (1992) и премии Фонда культуры за сборник «Неуверенное тело» (1994); за него же была номинирована на премию «Паспорт Политики». Живет в Варшаве. Опубликовала поэтические сборники «Правая и левая стороны света» (1979), «Сговор» (1991), «Неуверенное тело» (1994), сборник рассказов «Голубь» (1983) и руководство «Безопасное таро» (2011).

Русский, европеизировавший Варшаву

Один из самых знаменитых президентов польской столицы, благодаря которому Варшава сделала цивилизационный скачок в конце XIX века. Он был русским патриотом и лояльным подданным царя. По приезду в столицу его встретили весьма сдержанно. А четверть века спустя на его похороны пришли 100 тысяч варшавян.

Исполнилось 140 лет с тех пор, как Сократ Старынкевич занял пост городского главы. В Варшаву он прибыл 1 декабря 1875 г. Зимним вечером он вышел из поезда на Петербургском вокзале, что на улице Виленской в варшавском районе Прага (ныне это Виленский вокзал), и сразу приступил к своим обязанностям в ратуше. Назначение на должность «исполняющего обязанности» президента города (этот официальный титул никогда не менялся) он получил на полтора месяца раньше.

«Привезенный в портфеле»

В Варшаве опасались его назначения, ведь это не был выбор жителей столицы. Сократ Старынкевич был чиновником, которого городу навязали захватчики, его прислала сверху чужая власть. Варшавяне боялись, что как русский и царский генерал, который не говорит по-польски, он станет жестким русификатором, а его правление в городе сведется к управлению под дудку Петербурга. Однако все произошло иначе. Новый хозяин Варшавы понимал власть как некую привилегию, но при этом как службу царю и общественности города.

Назначению Старынкевича в Варшаву способствовал тогдашний наместник Царства Польского и варшавский генерал-губернатор граф Павел Коцебу. Этот русский военный, по происхождению прибалтийский немец лютеранского вероисповедания, беспощадно боролся с униатами и католической церковью. Он руководствовался интересами

российского государства, но при этом не проявлял особого энтузиазма в отношении политики русификации Царства Польского. Он поддерживал экономическую деятельность, развитие кредитных институтов, торговли и промышленности. «Такого рода поведение, с одной стороны, было попыткой отвлечь внимание поляков от политических вопросов, а с другой — могло обеспечить дополнительный доход варшавскому генерал-губернатору», — писал Лукаш Химяк в книге о русских генерал-губернаторах в Царстве Польском. Граф Коцебу знал Старынкевича еще по Одессе, где в 1862–1874 гг. он был губернатором, а Старынкевич его подчиненным.

Будущего президента Варшавы отличали талант и добросовестность. В управлении городом ему помогала личная харизма, а также то, что у него были прочные связи с вышестоящим начальником, характерные для российского дворянства того времени. Граф Коцебу относился к нему как к земляку.

Была захолустьем, стала метрополией

Каким застал город Старынкевич? В 1875 г. Варшава утопала в грязи и темноте. Ощущался глубокий отпечаток репрессий после подавления восстания 1863 года. Как писала Анна Слонёва в книге о Старынкевиче, компетенции в деятельности магистрата ограничивались лишь управлением коммунальными службами, а также контролем над торговлей и промышленностью с целью взимания налогов. Финансирование городского хозяйства было полностью парализовано, если учесть, что финансовые резервы Варшавы составляли 21 рубль. Лишь после утверждения губернатора можно было использовать 1000 рублей. С такими суммами невозможны были никакие инвестиции. «Эта тысяча, предназначенная на расходы, не предусмотренные бюджетом, в масштабе 300-тысячного города, примерно то же самое, что копейка в бюджете семьи среднего достатка», — писала Анна Слонёва. Для любых дополнительных расходов свыше этой суммы требовалось высочайшее согласие Петербурга. В результате вопросы, касающиеся ремонта дырявых мостовых, решал царь либо министерство от его имени.

И все же Старынкевичу удалось справиться с этой ситуацией. Это не было бы возможно без сотрудничества и доброжелательной поддержки со стороны графа Коцебу,

который вплоть до своей отставки в 1880 году держал сторону Старынкевича и поддерживал его в контактах с Петербургом.

Управление Варшавой новый градоначальник начал с оздоровления городского хозяйства. Он действовал успешно. За время его президентства доходы города возросли в два раза без увеличения налогового бремени. К счастью, период деятельности президента совпал со временем улучшения экономической конъюнктуры во всей империи. Чтобы проиллюстрировать это, скажем, что в 1871 году в Варшаве было построено всего 92 новых здания, а в 1875 году было построено уже 785 каменных и 51 деревянный дом. Однако прежде всего его правление ознаменовалось крупными инвестициями, изменившими облик города.

Обеспечить Варшаву канализацией

Вскоре по прибытии в Варшаву Сократ Стрынкевич проинспектировал центр города и его предместья. Ознакомившись с катастрофическим санитарным состоянием города, он самым срочным образом приступил к строительству сети водопроводов и канализации. «Через несколько недель после вступления в должность, он отправился во Франкфурт-на-Майне, чтобы посмотреть, как там функционирует недавно проведенная канализация и встретиться с ее создателем, английским инженером Вильямом Линдлеем», — писал Станислав Конарский в предисловии к «Воспоминаниям 1887–1897» Сократа Старынкевича.

Строительство водопроводно-канализационной системы в Варшаве XIX века было мероприятием гигантским по своим масштабам, которое можно сравнить с современным строительством нескольких линий метро одновременно. Это свидетельствовало о прозорливости и организаторских способностях президента, а также о его умении доказать свою правоту. Против него были настроены не только власти в Петербурге, но и многие жители Варшавы, особенно хозяева каменных домов, которых поражал размах финансирования этого мероприятия. При этом у них были мощные покровители. На страницах прессы появлялись абсурдные аргументы против канализации, которая якобы может уничтожить сельское хозяйство под Варшавой, лишая его удобрений. Однако президенту удалось осуществить свой замысел.

При этом исключительной была открытость его действий. По существу, ему не нужно было добиваться согласия жителей Варшавы. Но тем не менее он инициировал всеобщую дискуссию в прессе. Подобные явления в империях царей чрезвычайно редки. Убеждая общественное мнение, он немедленно его активизировал. Начиная строительство, он обратился к лучшим специалистам в области водно-канализационных систем в Европе того времени, самыми известными из которых были Вильям Линдлей и его сын Вильям Хирлейн. В результате Варшава получила канализационную систему, спроектированную с большим размахом. Она безупречно служит и по сей день. Когда эту сеть открыли в Варшаве, подобной не было еще ни в Москве, ни в Петербурге.

Ополяченный либерал

За 17 лет правления Сократа Старынкевича были вымощены улицы столицы, устанавливалось освещение, разбивались городские скверы, был построен газовый завод в районе Воля, а также обустроено кладбище в районе Брудно. Инвестиции шли одна за другой. Президент хорошо представлял себе, как должен строиться современный город. При этом он был безупречно честен и порядочен в своей финансовой деятельности. Из собственных сбережений он финансировал городские мероприятия. Неудивительно, что из-за этого ему часто не хватало денег. В своих воспоминаниях он много раз упоминал об этом: «9 января 1888 г. На текущие домашние расходы не хватает денег. Приходится брать из сбережений. А как не хватит? 13 января. В ответ на упреки генерал-губернатора я решил выложить собственные деньги за неудачно купленную землечерпалку, даже если потребуется и 20 тыс. рублей. 10 ноября. Таня (жена) и Маша (дочка) против внесения в городскую кассу денег на землечерпалку, так как утверждают, что эти деньги были обещаны Маше».

Между тем Петербург завидовал инвестициям в инфраструктуру Варшавы. Русские националисты обвиняли Старынкевича в «ополячивании» и измене, в том, что он не проявлял заботы о русских достопримечательностях Варшавы. В этом они были неправы. Отношение Старынкевича к полякам было сложным. «Он считал, что поляков совершенно удовлетворило бы, если бы им дали такие же права, какими пользуются русские, с сохранением их национальности и религии», – писал о нём Станислав Конарский.

С одной стороны, Старынкевич осуждает, например, протесты польских студентов против строительства памятника Муравьеву в Вильно, с другой, его возмущает то, что названия варшавских улиц переименовываются на русский лад: «Очень тяжело выслушивать жалобы поляков на наше правительство, ибо эти жалобы не лишены оснований», — писал президент. Он с одобрением относился, в частности, к строительству памятника Адаму Мицкевичу и к тому, что надпись на нем сделана по-польски. В 1885 году он способствовал замене потрескавшегося цоколя колонны Зигмунта III Вазы. Старынкевич, будучи православным, оказывал финансовую поддержку при ремонте собора св. Иоанна и храма св. Анны. Из городской кассы он выделял средства на строительство храма Всех Святых. «Старынкевич несомненно был русским патриотом, уважающим, однако, традиции польской культуры и осуждающим беззакония российских чиновников», — писал Конарский.

Что сделало его таким? Старынкевич — представитель хорошо образованного либерального русского дворянства. В этой среде идея служения царю и государству переплеталась с этосом труда и честности.

Он родился в 1820 году в Таганроге на Азовском море и был старшим сыном директора гимназии, преподававшего классическую филологию. Он окончил Дворянский институт, а затем начал подниматься по ступеням военной карьеры. От поручика в возрасте 21 года до генерал-майора в 1863 году. Тогда же он оставил армию и перешел на административную службу, в 1868 году стал херсонским губернатором. Однако его высокая порядочность заставила его отказаться от этого чрезвычайно доходного места, так как аппарат власти Херсонской губернии был коррумпирован до мозга костей.

Перемены невозможно было остановить

В 1883 году варшавским генерал-губернатором стал пресловутый русификатор Иосиф Гурко. Если Сократ Старынкевич олицетворял собой всё лучшее, что было в российском дворянстве, то Гурко был полной его противоположностью: взяточник, вор, человек, слепо исполняющий приказы и обычный хам. Конфликт между ними был неизбежен. Гурко стал противником расширения варшавской канализации. Подрывая позиции Старынкевича, он принимал всевозможные решения, касающиеся Варшавы, в обход президента города. 17 апреля 1890 года Старынкевич

пишет в своем дневнике: «Жизнь становится невыносимой». Весной 1892 года он выехал в Петербург и подал прошение об отставке.

Однако перемены, начавшиеся благодаря Старынкевичу, уже невозможно было остановить. Город с каждым годом становился все современнее. Улицы все чаще покрывались не только деревянной, но и каменной брусчаткой. Постоянно расширялись линии трамваев на конной тяге, а в 1908 году, спустя несколько лет после смерти президента, на трамвайные пути выехал первый электрический трамвай. В городе появилась и функционировала газовая сеть, строилась густая телефонная сеть, базирующаяся на самых прогрессивных в то время в мире технологиях Эриксона. Была произведена частичная регуляция Вислы, к городу присоединились его предместья.

Расположенная на границе Востока и Запада Варшава превратилась в крупный финансовый и промышленный центр. Через нее шел неиссякаемый поток денег и товаров. Поступали инвестиции со всей Европы. Здесь заканчивались широкие российские железнодорожные пути и начинались узкие европейские. Через Варшаву проходила большая часть импорта драгоценных камней и ювелирных изделий. Город стал поистине центром торговли алмазами. В Варшаву не только прибывали новые жители и поступали деньги, здесь также почти немедленно оказывались все технические новинки.

Сократ Старынкевич, подав в отставку, вернулся в Варшаву и поселился вместе с женой и дочерью в доме на улице Рысья, 5. Его квартира, по словам Конарского, напоминала «кабинет президента без должности». Умер Старынкевич 23 августа 1902 года.

В день его похорон Варшава приобрела траурный вид. За гробом бывшего президента, который перевозили из собора Святой Троицы на улице Длугой на православное кладбище, расположенное в районе Воля, шли генерал-губернатор Варшавы, представители российского гарнизона. Стояли шеренги военных, представителей варшавских цехов, детей из детских приютов, а также толпы варшавян.

Кристалльная честность, труд на благо Варшавы обеспечили ему благодарную память последующих поколений жителей столицы. Когда Старынкевич оставлял свой пост, он был беднее, чем когда вступал в должность президента Варшавы. Среди тогдашних российских чиновников высокого ранга это случалось невероятно редко. Возможно, именно поэтому

Сократ Старынкевич — единственный российский генерал, которому в современной Варшаве поставлен памятник. Он стоит на территории Центральной станции фильтров.

Внешняя политика России глазами американского ученого

С Дэвидом Энгерманом, профессором истории в университете Брэндайса, беседовал Александр Гогун

Фото: А. Гогун

— Расскажите об основных этапах вашей трудовой биографии.

— Я учился в Соуртмор-колледже, расположенном недалеко от Филадельфии. Потом я поступил в аспирантуру в университете Ратгерс, в Нью-Джерси, а закончил ее уже в университете Калифорнии в Беркли, где в 1998 году я защитил диссертацию. Последние 16 лет я преподаю в университете Брэндайса около Бостона.

— Какими языками вы владеете?

— Русским и немецким, но мне легче читать, чем говорить или писать.

— Вы могли бы рассказать о своих исследованиях?

— Темой моей магистерской работы была помощь американских благотворительных организаций России во время голода 20-х годов. Диссертацию я решил написать о том,

как американские эксперты — дипломаты, журналисты, ученые — воспринимали Россию и ее экономику в 1917–1940 годах. Что они знали и говорили по этому поводу. В университете Беркли моими научными руководителями были Давид Холленгер и Диан Клеменс, а также Юрий Слезкин. Я прослушал курсы Реджинальда Зелника и Николая Рязановского. Свою книгу я озаглавил «Модернизация с того берега».

— *Вы пришли к выводу, что то, что происходило в СССР в 20–30-х годах, было модернизацией?*

— Да, я писал о том, как воспринимали модернизацию, и еще о русском характере, о том, как американцы воспринимали странности русского национального характера. Они считали, что модернизация в России возможна только ценой больших человеческих потерь. Голод был рядом с величием. И величие вызвало больше энтузиазма, чем голод — сожаления. Американские эксперты были увлечены идеей русской модернизации.

— *Не все сейчас рассматривают этот период как годы модернизации. Многие говорят о примитивизации и регрессе страны. Какова была основная идея вашей книги?*

— Я не утверждаю, что это была модернизация, я лишь говорю, что многие американские эксперты — дипломаты, журналисты, ученые — воспринимали это именно так. И они были согласны с тем, что за модернизацию придется заплатить высокую цену, чтобы преодолеть русскую так называемую «отсталость» при русском странном национальном характере. Я не уверен, что слово «примитивизация» правильное, оно кажется мне слишком категоричным. Все же в некоторых сферах русская экономика трансформировалась и прогрессировала, в других наоборот — отставала. Однако я не могу сказать, что меня интересовало советское народное хозяйство или процессы индустриализации. Я сконцентрировался на том, как воспринимали это американцы. Все, не только люди с левыми взглядами, но и настроенные антисоветски, сходились во мнении, что отсталые и ленивые русские крестьяне застряли в эпохе феодализма, и что «осовременить» их можно только с помощью насилия.

— *Ваша вторая книга называлась «Знай твоего врага».*

— Да, исследования охватывают период с 40-х годов до падения СССР и касаются изменений американского восприятия СССР, вплоть до формирования образа врага. Обе книги посвящены американским экспертам по России. Одни изменения произошли в 40-е годы в СССР, другие — в США. Разрастались исследования текущей политики, развивалась политология, признание получила идея, согласно которой

университеты должны были проводить анализ и экспертизы для правительства, а также готовить будущих экспертов по советской политике и экономике. Обе мои книги рассказывают об американских экспертах, специализирующихся в российской проблематике. Однако сущность и структура экспертизы очень сильно изменилась именно в 40-х годах. Люди, которые до этого писали о России, не были лидирующими академическими учеными, далеко не всегда были важными лицами. Кто-то был публицистом, журналистом, другие делили свои интересы между журналистикой и университетской жизнью. Именно во время Второй мировой войны возникло большое количество экспертов, работающих в университетах. В последние 10 лет вышло несколько книг об «университетах холодной войны» или «общественных науках холодной войны». Меня интересовало, как холодная война воздействовала на американскую интеллектуальную жизнь. Исследования СССР позволяли увидеть, как интересы национальной безопасности влияют на эмпирические гуманитарные исследования.

— *К каким заключениям вы пришли во второй вашей книге?*

— Вывод такой: многие ключевые изменения в социальных науках произошли до холодной войны, а конкретно в годы Второй мировой войны. Именно война повлияла на рост инвестиций в исследования как врагов, так и союзников. И второе — влияние холодной войны на гуманитарные науки часто преувеличивается, так как немало левых интеллектуалов, и даже леворадикалов получили работу именно после 1945 года. Я бы не сказал, что холодная война свела все исследования к одному направлению, очень многие гуманитарные науки — социология, политология, история — развивались в разных направлениях, часто противоположных.

— *Изменения в 1940-х произошли из-за того, что правительство стало выделять на университетские исследования больше денег и начало их контролировать?*

— Насчет денег — правда, а вот с контролем все не так просто. Контроль часто осуществлялся косвенно, правительство стремилось, чтобы университеты готовили в том числе экспертов для ЦРУ, госдепартамента и иных структур. Но как они их готовили — это уже правительство интересовало мало. Они должны были знать Россию, Советский Союз — и это было главное. Изучались не только члены Политбюро и труды Ленина, но и Пушкина, Лермонтова.

— *Какая контраргументация и критика последовала за первой и второй книгами?*

— Относительно первой книги говорили, что я одобряю советскую модель индустриализации. Ее часто критиковали с

политических позиций, говорили, что я должен был написать «посмотрите на этих либералов, как они ошибались насчет Советского Союза». Но я доказывал, что большинство американских экспертов одобряли этот коммунистический эксперимент, так как они все сходились во мнении относительно национального русского характера. Вторую книгу критиковали за термин. Многие используют термин «общественные науки холодной войны», а я предпочел словосочетание «общественные науки во время холодной войны», так как холодная война — далеко не все, что определяло гуманитарный мир времен войны. Факт вмешательства правительства в науку не определял все. Мои критики говорили, что политических баталий в науке было больше, чем я написал.

Другая линия критики исходила от тех описанных в книге экспертов. Многие из них еще живы, и не все хотели быть объектом исследования, тем более, в таком контексте. Каждый хочет, чтобы это была его индивидуальная история. Я их понимаю, я бы тоже не хотел быть объектом исследования (смеется).

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Меня интересует экономическая холодная война в Индии, экономическая и военная помощь и присутствие США и СССР в Индии.

— *Вы пришли к каким-то новым выводам?*

— Я их сейчас разрабатываю. Американцы всегда утверждали, что СССР выиграл в Индии. Однако фактически Советы выиграли лишь битву за общественное мнение, а вот с советской экономической помощью было много структурных проблем. Планировалось отстроить государственный сектор, организовать госуправление, создать нечто вроде социализма, но из этого ничего не получилось. В 1968–1969 годах советские чиновники приехали в Индию и сказали, что госсектор работает плохо и его надо реформировать. Надо сделать так, чтобы рабочие лучше работали. С подобными проблемами столкнулся и сам Советский Союз. Советы просто хотели экспортировать реформу Косыгина. Я пришел к выводу, что успех СССР в Индии никогда не был столь велик, как казалось американцам и хотелось Советам. Американцы вложили в индийскую экономику в 5–10 раз больше денег.

— *Похоже, что Советский Союз был куда более эффективен в своей политике. Денег вложил мало, а получил на свою сторону общественное мнение и политическое влияние — как раз то, что ему было нужно.*

— Общественное мнение в какой-то степени да, а что касается политического влияния — тут вопрос более сложный. Я пишу о том, что в Индии было изначально очень много людей,

искренне хотевших увеличения госсектора в экономике, ставивших на развитие тяжелой индустрии, не удивительно, что они с надеждой смотрели на Советский Союз. Но были и другие, более заинтересованные в развитии частного сектора, сельского хозяйства и рыночной экономики. Не удивительно, что они поддерживали США и сотрудничали с нами. В этом смысле экономическая помощь сверхдержав Индии была оружием, которым они боролись за эту страну. Однако в действительности страна развивалась сама, предприниматели и чиновники — самые разные группы — использовали иностранное влияние для того, чтобы реализовать свои представления о будущем страны. И я буду очень осторожен в оценке советского влияния в Индии.

— *Да и денег у США было и оставалось куда больше, чем у СССР.*

— Каганович говорил в Политбюро в 1955 году, что у нас нет достаточно денег, чтобы идти против США. Хрущев инвестировал огромные ресурсы СССР в страны третьего мира, не только в Индию.

— *Какие мифы существовали в советское время в западном научном мире о внешней политике СССР и холодной войне?*

— Один из мифов, что СССР был тоталитарным государством в том смысле, о котором писала Ханна Арендт: люди разобщены, все вокруг унифицировано, все решения принимаются наверху. Многие не замечали споров, которые велись внутри СССР относительно внешней советской политики. Если посмотреть, что писали ученые Академии наук, МГИМО, Института востоковедения, то можно увидеть, что эзоповым языком велись настоящие дебаты об отношениях СССР со всем миром. Западные ученые редко замечали эти дебаты. Я не отрицаю тоталитаризм, но считаю, что не все определялось на уровне Политбюро. В СССР циркулировали разные идеи. Второй миф касается утверждения, что внешняя политика Советского Союза была лишь бездумным распространением власти и силы. В игру входило множество факторов. Особенно тщательно советское правительство подсчитывало, сколько денег можно потратить, в 60-е и 70-е годы, поскольку уже тогда поняло, что денег у Советского Союза мало. Они не были заинтересованы в распространении и экспансии любой ценой. Советская политика не была непогрешимой и непобедимой. Третий миф, особенно популярный на раннем этапе холодной войны, касался утверждения, что СССР распространяет свое влияние в третьем мире только при помощи денег и силы. Фактически многие люди из стран третьего мира поддерживали СССР по личным причинам. Далеко не всегда они интересовались коммунизмом, но частично хотели следовать политике, которую рекламировал СССР. Госсектор, централизация, тяжелая промышленность. Они искренне

считали, что это лучшее решение экономических проблем, которые они переживали. Советское влияние часто определялось не материальными пожертвованиями, а идеями и инспирациями.

— *Какие мифы о внешней политике СССР сейчас распространены на Западе?*

— Многие ученые давно уже спорят на одну и ту же тему — какова роль Сталина в развязывании холодной войны. Одни преувеличивают ее, другие, наоборот, преуменьшают. Сейчас многие больше внимания обращают на роль союзников СССР, например, в таком вопросе, как ввод танков в Берлин в 1953 году.

— *Если многие преувеличивают экономическое влияние СССР в странах третьего мира, значит ли это, что эти же специалисты преуменьшают политическое влияние Советского Союза?*

— Думаю, да. Много достигалось советским военным влиянием, но многие эксперты не понимают и недооценивают «слабую силу» Советского Союза, особенно в 50-х и 60-х. Многие лидеры стран третьего мира искренне думали, что в СССР есть хорошие технологии, что советская экономическая модель может быть полезной для их стран. А начиная с 1968–1969 годов в страны третьего мира вместо экономической в основном идет уже военная «помощь».

— *Кто виноват в холодной войне?*

— В 1992 году вышла книга «Мы все проиграли холодную войну», в которой показано, что свою роль в этом сыграли лидеры всех ведущих держав. Это печально. Я думаю, что Советский Союз несет основную ответственность, но иногда реакция Запада была избыточна, не всегда основана на точной оценке советских сил. Было много непонимания. В основном мы должны обратить внимание на советскую политику в Центральной и Восточной Европе.

— *Если эксперты преувеличивали экономическое советское влияние, значит ли это, что они недооценивали советскую военную мощь?*

— Не думаю, наоборот, многие преувеличивали военные силы СССР. Сейчас идет какая-то переоценка этого вопроса.

— *Какова была граница сталинского экспансионизма, его политических целей?*

— Я не думаю, что за пределами Центральной и Восточной Европы у него были конкретные цели. Я придерживаюсь мнения Джорджа Кеннана, хотя это мнение меньшинства, что Сталин во внешней политике был оппортунистом. Например, в Греции, в греческом эпизоде холодной войны он повел себя трусливо, и большинство возможностей упустил. Один из американских мифов холодной войны утверждает, что идеология не играла роли. Я все же думаю, что идеология — это суть того, что происходило. Холодная война — это была война

идеологии с реальностью. Большинство лидеров СССР действительно верило, что коммунизм победит во всем мире.

— *Означает ли это, что у сталинского экспансионизма не было никаких ограничений?*

— Да, границ не было, но это не говорит о том, что Советы добивались глобального коммунизма «здесь и сейчас». Согласно идеологии, это было направление истории, поэтому можно было немного подождать, чтобы на западе победила революция. Не надо было «продавливать» это. Стремление северокорейских лидеров к «объединению» страны Союз лишь осторожно поддержал, он не был твердо уверен, что победа коммунизма в корейском масштабе будет завершена в течение месяца или года.

— *Какова была разница между внешней политикой Хрущева и Брежнева? И чем их стратегии отличались от внешней политики Сталина?*

— У них была различная ситуация. Уже в 1949 году линия раздела в Европе была в основном проведена, американцы в принципе признали советскую сферу влияния, в том числе в Восточной Германии. Советы признали влияние США в Западной Европе. И даже в момент блокады Берлина они принципиально не хотели взять друг над другом верх. Сталинская холодная война была сосредоточена в Восточной Европе, во время Хрущева и Брежнева внешняя политика была направлена на страны третьего мира. Хрущев больше внимания уделял экономической помощи и «мягкой силе», хотя и говорил «мы вас закопаем!» Это не обязательно должно было означать «мы вас уничтожим», это могло означать «мы будем первыми». В целом же разница между Сталиным и Хрущевым больше касалась методов, чем целей. Они считали, что не обязательно устраивать прямую агрессию, можно просто обогнать Америку.

Если сравнивать Хрущева и Брежнева, то можно предположить, что Хрущев меньше обращал внимание на то, сколько у Советского Союза ресурсов, Брежнев был более трезв в оценке советских экономических возможностей. Брежнев обвинял Хрущева в волюнтаризме, и был отчасти прав. Он понимал, что оказывать военную «помощь» часто дешевле, чем экономическую.

— *Какая была разница между целями и методами внешней политики СССР и маоистского Китая?*

— Мы можем вспомнить книгу Джереми Фридмана «В тени холодной войны» — о советско-китайском противостоянии в третьем мире. Обе стороны стремились распространить свой революционный опыт, но он был настолько разный, что и методы были разными. Советский Союз в большей степени признавал капитализм в Западной Европе, а китайские

коммунисты хотели поскорее бросить ему вызов. СССР считал, что история движется в нужном направлении, верной дорогой, и большинство стран третьего мира рано или поздно выберут коммунизм. Не нужно «подталкивать» историю там, где можно подождать. Китайцы стремились рекламировать непосредственную революцию крестьянам, действовать быстрее.

— Советский Союз был более дипломатичен?

— Да, но и на местах он был более толерантен к традиционным структурам общества. Советский Союз готов был терпеть временное сосуществование с другими странами. Мао был готов изнасиловать мир ради революции, Хрущев считал, что революция придет в разное время в разные места разным способом.

— Михаил Восленский писал, что номенклатура не хотела войны, она хотела победы.

— Советский Союз не хотел очередной мировой войны. Даже Сталин считал, что его страна к концу 1940-х не может вести крупную войну. Но конечно, он хотел, чтобы победа была. Вопрос — когда? Вот если на этот вопрос ответить, тогда станет ясно и «как». Принести революцию всему миру или подождать, пока капитализм сам падет?

— Давайте перейдем от оценки исторических событий к событиям нынешнего времени. Как сейчас складывается ситуация с доступом к российским архивам, в которых хранятся документы, касающиеся внешней политики? Часто говорят, что есть две противоположные тенденции: с одной стороны, у значительной части документов истекает срок секретности, с другой, идет очередная волна закрытия архивов. Какая тенденция сильнее?

— В последние 2-3 года — однозначно засекречивание победило, идет закрытие архивов. Но это не сравнить с тем, как это было в период холодной войны. Даже когда я писал свою диссертацию в 1995 г. — а это был пиковый период открытия, — даже тогда были определенные лимиты. Некоторые из них были спровоцированы западным злоупотреблением архивами — наиболее известный инцидент произошел во Франции в середине 1990-х, когда одна из газет опубликовала копию документа, на котором стоял штамп «без права публикации!». Конечно, после такого любой архивист будет более подозрительным.

Сейчас в российских архивах господствует логика бюрократа: даже если нет прямого запрета сверху, лучше перестраховаться, лучше причинить неудобство исследователю и не дать ему каких-то материалов, чем потом получить нагоняй от начальства.

— Есть ли какие-то сложности с доступом к американским документам времен холодной войны?

— В принципе, все доступно, а даже если нет, то согласно закону о защите информации есть механизм рассекречивания. Самая большая проблема, что ЦРУ не все хочет давать.

— А военная разведка?

— Похожая ситуация. У разведки есть особые правила сообразно указанному закону, если что-то касается безопасности, там действуют свои стандарты.

— Среди восточноевропейских читателей распространено мнение, что Кремль влияет на публикации западных специалистов, манипулируя доступом к архивам. Вы сталкивались с такими примерами?

— Я не слышал о таких примерах, но, конечно, на Западе есть отдельные исследователи с определенными взглядами, у которых доступ к русским архивам лучше, чем у коллег. Такие слухи часто ходили в годы холодной войны, мол, тому, кто придерживался просоветской идеологии, легче было получить в Москве нужные документы. У меня есть прозаическое объяснение этому факту, не все в данном случае определяется решением «сверху», но возможно, что я просто наивен.

— Сейчас многие говорят о новой холодной войне между Россией и Западом. Какие сходства и различия вы видите, сравнивая холодную войну тогда и сейчас?

— Между холодной войной 70-х, когда СССР был маргинализирован на Ближнем Востоке, а Египет предпочел американскую помощь советской, и нынешней политикой Кремля в Сирии есть определенная разница. Есть в нынешней российской политике некоторые элементы, направленные на воссоздание там бывшего советского влияния, есть стремление создать альянс, экспортировать власть. Ситуация выглядит похоже, особенно если учесть сложности, которые испытывает в этом регионе американское правительство. Но в общем этим все и ограничивается. Если смотреть на путинские цели, то они ни в коем случае не соотносятся с теми, к которым стремился СССР в 70-х. Кремль не хочет пересмотра итогов холодной войны. Путин не связан идеологией. Он настроен против США, но у него нет глобальных целей, нет стремления к русскому господству в мире.

— Популярной темой общественных дискуссий становится агентурная работа российских спецслужб в западных университетах: выходки пропагандистов, ухищрения провокаторов, «проказы» осведомителей и проделки троллей. То же самое делает Китай. Похожими методами в свое время пользовалось КГБ. Чем отличается пропаганда, которую внутри западных вузов вел Кремль тогда, от нынешних оперативных мероприятий путинских чекистов?

— В США более заметна деятельность китайских спецслужб, особенно в университетских кругах. Насколько я знаю,

американские академические круги сейчас не очень думают о русских шпионах в собственных рядах, куда больше на это обращалось внимание в годы холодной войны. Вот чем точно отличаются нынешние времена от советского периода, так это тем, что тогда людей с левыми взглядами автоматически обвиняли в получении прямого или косвенного поощрения от советской стороны. Сейчас этого нет. Мы не видим русского идеологического влияния, будь это национальный или имперский проект, поэтому наша пропаганда тоже не особенно идеологически ориентирована. Раньше русские больше использовали активных левых. Обвинения в сотрудничестве с Советами в годы холодной войны часто были связаны с сугубо внутренними боями и политическими дебатами в американской академической жизни. Сейчас Россия перестала быть удобным поводом для подобных нападок. Хотя случаются обвинения в пророссийской позиции, как, скажем, это было со Стивеном Козном, но ведь его обвиняли в просоветских взглядах и в годы холодной войны.